100 ВЕЛИКИХ ЗАГАДОК СОВРЕМЕННОСТИ

100 великих (Вече)

Николай Непомнящий

100 великих загадок современности

«ВЕЧЕ»
2013

Непомнящий Н. Н.

100 великих загадок современности / Н. Н. Непомнящий — «ВЕЧЕ», 2013 — (100 великих (Вече))

ISBN 978-5-4444-7267-5

Новая книга из серии «100 великих» посвящена ряду загадок отечественной и всемирной истории XX и начала XXI века. Порой кажется, что столетие, лишь недавно канувшее в Лету, дает нам поводов для размышлений и материала для исследований больше, чем все прошедшие века и тысячелетия человеческой истории. Две мировые войны, множество локальных военных конфликтов, революции и гражданские войны, заговоры, путчи и перевороты, экономические «чудеса» и тяжелейшие кризисы, выдающиеся достижения культуры и великие научные открытия, взлеты и падения человеческого духа – все это уместилось на относительно небольшом хронологическом отрезке. Читателю предлагаются оригинальные версии, результаты исследований ученых, краеведов, журналистов.

ISBN 978-5-4444-7267-5

© Непомнящий Н. Н., 2013
© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

Протоколы сионских мудрецов: правда или вымысел? 5
Евно Азеф – двойной агент империи[1] 12
«Ереминский документ», или Еще раз о Сталине, агенте охранки[2] 15
Теория полой земли[3] 20
Тайна тунгусского взрыва[4] 24
По следам экспедиции Русанова[5] 27
Смерть лейтенанта Седова[6] 31
Гибель «Титаника»: старые и новые загадки[7] 35
Таинственная смерть Рудольфа Дизеля[8] 39
Последняя тайна генерала Самсонова 42
Гибель «Императрицы Марии»[9] 45
Кто стрелял в Ленина?[10] 49
Кто убил Колчака?[11] 58
Как погиб Чапаев[12] 62
Истинная история Сакко и Ванцетти 65
Как ГПУ искало клады Унгерна[13] 72
Вторжение в Афганистан при… Сталине[14] 76
Что случилось в «Англетере»?[15] 81
Загадки экспедиции Амундсена – Элсуорта – Нобиле[16] 87
Так кто же «держал стремя» «Тихого Дона»?[17] 93
Анастасия[18] 97
Конец ознакомительного фрагмента. 101

Николай Непомнящий
100 великих загадок современности

Протоколы сионских мудрецов: правда или вымысел?

«…Резкой противоположностью арийцу является еврей… Черноволосый еврейский юноша часами поджидает с сатанинской радостью в глазах ничего не подозревающих арийских девушек, которых он опозорит своей кровью и таким образом обкрадет нацию». Сидя в тюрьме Ландсберг, некрасивый нервический человек диктовал своим соратникам по неудачному путчу длинные, риторичные заповеди, призванные спасти Европу и нацию от гибели. Его откровения записывали оба его сокамерника: уроженец Египта Рудольф Гесс и смуглый, похожий на еврея, француз Эмиль Морис – два образчика «истинной арийской породы».

Автор «Майн кампф» уже на протяжении 20 лет думал о «виновниках наших бед». Свой идейный «капитал» этот борец за чистоту расы почерпнул на страницах книжки, которую выучил наизусть. Она называлась «Протоколы сионских мудрецов». Этот «документ» раскрыл будущему «фюреру германской нации» глаза на потайную механику мира, стал для него настоящим манифестом «коричневой революции». Гитлер добросовестно переписал оттуда планы еврейского заговора, грозившего отдать «малому народцу» весь мир.

Человек, открывший «протоколы», узнает из них, что еврейская элита намеревалась хитростью и коварством извести родовитую знать. Что евреи стремятся заменить старый порядок декадентской демократией. Что они планируют захватить (а может, уже захватили?) все золото мира, все банки и средства массовой информации. Что они внедряют в нестойкие умы людей новые отвратительные доктрины – марксизм, дарвинизм и ницшеанство – и разрушают традиционные ценности, которых люди придерживались на протяжении многих столетий. Что капитализм, коммунизм и либерализм – это различные формы планомерного разложения общества евреями. Что евреи, завладев наконец миром, поставят царя из рода Давидова править и володеть всеми народами, и те пребудут у него в подчинении. Что впереди нас ждет? Pax Judaica («Мир по-еврейски»)! В этом прекрасном мире для арийцев будут открыты лишь гетто…

Эта тонкая книжица стала сводом самых распространенных предрассудков в отношении евреев – своего рода «антологией антисемитских идей». Позднее они были омыты кровью – и прокляты. Казалось, вместе с начетчиками тех лозунгов и заветов должна была исчезнуть из памяти людской и сама эта книга. Но она жива, ее идеи все так же соблазнительны. В странах арабского мира «Протоколы сионских мудрецов» переиздавались около полусотни раз (особенно эта книга нравилась Герою Советского Союза Гамаль Абдель Насеру). В США только за последние 10 лет (начиная с 1990 г.) вышло более 30 изданий. За чтением этих «Протоколов» благодушно примиряются любые националисты – от поклонников Гитлера до радикалов из «Нации ислама». Их ненависть обращена на общего врага. «Протоколы», словно камертон, настраивают ярость толпы, направляя ее энергию на «правое дело»…

Молящиеся хасиды у Стены Плача

…Шел 1921 год. До написания книги «Моя борьба» узником тюрьмы Ландсберг оставалось три года. Но уже в это время стало ясно, что пресловутые «Протоколы сионских мудрецов» являются не чем иным, как фальшивкой. Корреспондент лондонской газеты «Таймс» в Стамбуле мистер Филипп Грейвс установил, что большая часть пресловутых «Протоколов» представляет собой… плагиат. Он сумел разыскать книгу-первоисточник, о которой все к тому времени уже забыли.

Оказывается, что в 1864 году, когда Францией правил император Наполеон III, из печати вышла брошюра, озаглавленная «Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье, или Политика Макиавелли в XIX веке». За этим пышным названием скрывалась едкая сатира. Ее автор, для отвода глаз превратившись в безвестного стенографиста, записавшего признания двух известных политологов прошлого, отправленных в ад на перековку, высмеял, дав волю гиперболам и фантазиям, политику «нового Наполеона». Его анонимность не стала защитой от полиции. Угодил ли адвокат Морис Жоли (1821–1878) в ад, нам неизвестно (хотя как самоубийца он мог найти туда путь), но все-таки 15 месяцев во французской тюрьме он «за свой пасквиль» получил. Полиция конфисковала большую часть «Диалогов» и уничтожила их…

В течение трех дней, с 16 по 18 августа 1921 года, мистер Грейвс на страницах своей газеты опубликовал серию сенсационных статей, в которых разоблачил «Протоколы» как давнюю фальшивку. Он убедительно доказал, что речь идет о плагиате, причем давняя выдумка трактовалась составителями «Протоколов» как непреложный факт. Они ухитрились втиснуть в свой опус почти 40 процентов текста, украденного у Жоли.

Прицельный выстрел мистера Грейвса, однако, пришелся «в молоко». «Диалог» Жоли так и остался забытой брошюрой, а «Протоколы» вот уже целый век тревожат умы людей, превращая их отчаяние и смутные протесты в отчетливую, непреходящую ненависть к евреям…

В начале XIX столетия император Наполеон I уравнял евреев в гражданских правах с другим населением Европы. Множество евреев покидает гетто, некоторые из них стремительно богатеют. Нарицательным становится имя банкиров Ротшильдов. Они выступили на

авансцену истории в самом конце наполеоновских войн. В 1811–1816 годах через их руки проходила почти половина всех субсидий, выделяемых Англией своим континентальным союзникам. Их богатство вызывало зависть, раздражало. Враждебно встречали выскочек и нуворишей и представители высших классов, особенно выходцы из старой, родовитой знати, быстро терявшие влияние на политику буржуазных правительств. Евреи же со страниц либеральных изданий настойчиво защищали гражданские свободы, которыми так ловко умели распорядиться. В глазах благонамеренного общества они не могли не казаться опаснейшими смутьянами и революционерами. «Берегите монархов от возмущения черни, а страну – от засилья евреев» – к такому выводу приходили консервативные мыслители, с ужасом наблюдая упадок современных им нравов. Вывод был сделан. Пришло время собирать факты и готовить обвинительное заключение против «духа еврейства, вырвавшегося за стены гетто и опошлившего жизнь и культуру европейских народов».

В 1862 году на страницах мюнхенского журнала «Historisch-politische Blaetter» появилась анонимная статья. В ней говорилось, что евреи якобы группируются за кулисами политической жизни, создавая «псевдомасонские» ложи, чтобы манипулировать оттуда националистическими движениями в итальянских и германских странах. Это было сказано в начале того десятилетия, которое взорвало привычные порядки в Италии и Германии и соединило множество мелких княжеств и земель в единые государства. Кризис, крушение старого… Кто виноват? Евреи.

В 1868 году немецкий журналист Херман Гедше (1815–1878), укрывшись под псевдонимом «сэр Джон Ретклифф», выпустил роман «Биарриц». Он вызвал сенсацию в обществе (его название, кстати, напоминало об известном французском курорте, на котором любил отдыхать ненавистный пруссакам Наполеон III). Одна из глав этого романа, растянувшаяся на 40 страниц, озаглавлена «На еврейском кладбище в Праге». В ней описана тайная ночная сходка, состоявшаяся среди могил и склепов. Двенадцать фигур, облаченных в белые одежды, обступили усыпальницу знаменитого раввина. Это были посланцы от каждого колена Израилева. Не тревожимые никем, они принялись обсуждать, как покорить своей власти весь христианский мир. Такую сходку эти «тайные властители земли» устраивают раз в сто лет. Народы лишь пешки в их играх: они истребляют христиан, стравливая в братоубийственных войнах, а затем присваивают богатства, собранные другими…

Сэр Ретклифф, он же герр Гедше, тщательно описал стратегию иудеев. Во-первых, многие из них крестятся, стараясь слиться с христианами, чтобы легче было проводить среди них свою политику. Каждый такой выкрест – шпион, каждый страшнее сотни русских казаков. Во-вторых, они стремятся подчинить себе биржи, банки и т. п. Денежные потоки можно сравнить с кровеносными сосудами государства. Евреи приникают к ним и, словно вампиры, выпивают их без остатка. В-третьих, еврейские банкиры услужливо предоставляют аристократам займы, опутывая их, как пауки, своими сетями, чтобы потом разорить и погубить. В-четвертых, они настойчиво стремятся ослабить силы любой державы, добиваясь отделения церкви от государства. В-пятых, они всюду поддерживают смутьянов, они мечтают о революциях и в каждой принимают деятельное участие. Наконец, в-шестых, они подчиняют себе все газеты, чтобы несведущие люди могли судить о происходящем лишь так, как это угодно иудеям…

Таковы была фантазии Гедше. Нетрудно заметить, что его идеи – с некоторыми поправками – до сих пор служат современным антисемитам. Патроны, отлитые прусским писателем, все так же бьют в цель. Газеты? Еврейская правда! Финансы? Еврейские деньги!

«Биарриц» стал бестселлером. Особой популярностью пользовалась глава о тайной еврейской вечере на пражском погосте. Наконец кто-то осмелился открыто сказать то, о чем так долго шептались и в каморках бедняков, и во дворцах аристократов! Поговаривали, что «сэр Ретклифф» сам из евреев и знает, о чем пишет. Вскоре упомянутую главу стали изда-

вать отдельной брошюрой. Она была переведена на многие европейские языки. Она вошла в «сокровищницу» мировой антисемитской литературы.

В 1886 году парижский публицист Эдуард Дрюмон выпустил книгу «Еврейская Франция». За короткое время было продано 100 тыс. экземпляров. В последующие годы она переиздавалась 200 раз! В конце XIX века во Франции жило всего 100 000 евреев (при населении почти в 38 млн человек), однако Дрюмон был уверен, что и это слишком много. В те годы он издавал антисемитскую газету «Свободное слово». Ее тираж в середине 1890-х годов вырос до 300 тыс. экземпляров. Именно со страниц этой газеты обрушились обвинения в адрес офицера французского генерального штаба Альфреда Дрейфуса, еврея по национальности.

В 1894 году начался процесс по делу «германского шпиона» Дрейфуса. По сфабрикованному обвинению он был приговорен к пожизненной каторге, но в 1899 году помилован, поскольку в противном случае представители США отказывались ехать на Всемирную парижскую выставку 1900 года. Нужно было выбирать между прибылью и принципиальностью. В 1906 году Дрейфус – кстати, сам по себе неприятный человек: выскочка, хвастун, мот – был реабилитирован.

Возникшие на этой волне «Протоколы сионских мудрецов», как установлено сегодня, были состряпаны выходцами из России. Непосредственно приложил к ним руку Петр Иванович Рачковский (1853–1911). В Петербурге его считали корифеем фальсификаций и блестящим мастером идеологической пропаганды. В 1882 году Рачковский возглавил парижское бюро царской охранки. В те годы во французской столице жила большая колония русских революционеров – эмигрантов «минус первой волны». Рачковский внимательно следил за их деятельностью. Ему помогали его обширные связи. В частности, он был хорошо знаком с начальником парижской полиции и при случае посещал салон его супруги Жюльетт.

К концу XIX века в царской России жило около 5 млн евреев. Большинство из них было вынуждено ютиться «за чертой оседлости» – в нищих городках и местечках Украины и Белоруссии. Некоторые из евреев богатели, становясь менялами или купцами. Это вызывало обиду и зависть: «Кто намножил нищих?» Евреи? Конечно, не только они, и не в первую очередь они. И все-таки именно евреи – «не наихудшие люди в России» (слова Н.С. Лескова) – стали объектом спровоцированной сверху травли. Этих иноверцев, непопулярных к тому же и в других странах, легко было обвинять во всех бедах. Уже в 1881–1882 годах на юге России вспыхивают первые погромы.

Историки предполагают, что в высоких правительственных сферах было решено поручить искусству г-на Рачковского инспирировать антиеврейскую кампанию. Несомненных выгод от этого могло быть несколько. Вот мотивы, которыми могли руководствоваться люди, приступавшие к фабрикации «Протоколов».

В Российской империи нарастало революционное движение. Надо было дискредитировать его. Почему бы не представить молодых людей, шедших в революцию, пособниками «международного еврейства»? Это вызовет всеобщую неприязнь к ним.

Евреев, особенно состоятельных, надо принудить к эмиграции из России. Это даст преимущество их русским конкурентам.

Надо поправить международный престиж России. Погромы – пережиток Средних веков – могут быть оправданы лишь тем, что евреи готовили заговор против правительства и даже «против всех в мире правительств».

Наконец, была удобна и международная ситуация. Францию расколола борьба сторонников и противников Дрейфуса. В то же самое время, в августе 1897 года, в Базеле состоялся Первый сионистский конгресс. В этом «кагале» евреев, собравшихся со всего света, легко было увидеть прообраз тайной сходки колен Израилевых…

6 июня 1891 года П.И. Рачковский сообщал своему начальнику в Петербург, что погромы в России вызывают неодобрительные отклики во французской печати. Поэтому

заведующий заграничной агентурой департамента полиции в Париже предложил, развернув искусную кампанию клеветы и дискредитации, пресечь в зародыше всякую симпатию к евреям и обелить любые меры, принимаемые против них.

Власти долго колебались. Работа началась лишь в 1894 году. Основными источниками стали памфлет Мориса Жоли и глава о сходке на пражском кладбище из романа Хермана Гедше «Биарриц». О памфлете Жоли Рачковский, вероятно, узнал в салоне мадам Адам. Стиль изложения и некоторые идеи показались весьма занятными, тем более что и составлен был первый вариант «Протоколов» по-французски. Русская аристократка Екатерина Радзивилл видела их рукопись, читала ее, как признавала много лет спустя, и заметила, как странно и неестественно звучит французский язык, на котором они якобы написаны. В 1897 году текст был готов. «Протоколы» перевели на русский язык.

Наступал решающий момент. Как преподнести их публике, чтобы она не распознала подделку? Малейший промах, и произойдет крупный скандал!

Историки довольно точно проследили судьбу рукописи на ее пути от фабрикантов к читателю. Первым звеном в этой цепочке стала Юлиана Дмитриевна Глинка (1844–1918). Дочь русского посланника в Лисабоне, фрейлина императрицы, поклонница Блаватской, она любила посещать в Париже салон Жюльетт Адам и, возможно, была сотрудницей Рачковского. Вот она-то и призналась, что при весьма необычных обстоятельствах завладела некоей странной рукописью…

Однажды ей довелось нанести визит знакомому еврею по фамилии Шапиро. Был уже поздний час. Внезапно ей бросилась в глаза рукопись, написанная по-французски. Любопытная дама пролистала ее и, поняв, что имеет дело с чем-то в высшей степени секретным, начала немедленно переводить на русский язык. В ту ночь она так и не покинула дом Шапиро, проведя время с пером, чернилами и бумагой. Эта трудолюбивая дама к утру следующего дня сумела перевести весь понравившийся ей трактат, опрометчиво оставленный гостеприимным хозяином. Наконец она покинула дом Шапиро, унося тайком (в ридикюле? корсете? панталонах?) рукопись «Протоколов». Вероятно, эти события разыгрались в самую длинную ночь в году – на подобную мысль наводит объем брошюры (более 80 страниц) – и в руках госпожи Глинки был самый большой ридикюль на свете (умолчим о других версиях).

Вернувшись в Россию, дама поделилась своей добычей с жившим поблизости майором в отставке Алексеем Николаевичем Сухотиным. Она уверяла, что рукопись «добыта из тайных хранилищ главной сионской канцелярии». Сухотин немедленно вручил ее своему соседу по имению – правительственному чиновнику Филиппу Петровичу Степанову. «Он сказал, что одна его знакомая дама (он не назвал мне ее), проживавшая в Париже, нашла их у своего приятеля (кажется, из евреев) и, перед тем как покинуть Париж, тайно от него перевела их и привезла этот перевод, в одном экземпляре, в Россию и передала этот экземпляр», – вспоминал много лет спустя Степанов.

Не подозревавший подвоха чиновник стал первым распространителем этой рукописи. Он озаглавил ее «Порабощение мира евреями» и отпечатал сто экземпляров на гектографе. Чтения этих листков были удостоены видные сановники, министры и даже члены дома Романовых – великий князь Сергей Александрович, дядя императора, и его супруга Елизавета Федоровна, сестра императрицы. Многие из читавших рукопись заподозрили здесь интриги охранного отделения и поспешили держаться подальше от скандального памфлета. Однако великий князь Сергей Александрович и его супруга были убеждены в подлинности приведенных откровений. Дядя ознакомил с «Порабощением мира» своего племянника – императора Николая II – и его жену Александру Федоровну. Поначалу царь был поражен прочитанным: «Какая глубина мысли!» Однако, узнав от своих министров, какого происхождения эта рукопись, он пришел в ужас. В своем дневнике он записал, что решил отказаться от какой-либо поддержки этого сочинения: «Нельзя чистое дело защищать грязными способами».

Экземпляр рукописи попал и в руки Павла Крушевана – редактора-издателя газеты «Знамя», одного из лидеров «черной сотни», организатора погрома в Кишиневе, где было убито 45 евреев. Крушеван сразу посчитал «протоколы мудрецов» подлинным документом и в 1903 году опубликовал их на страницах своей газеты под названием «Программа завоевания мира евреями». Публикация растянулась с 28 августа по 7 сентября и вызвала большой интерес. Окончательную точку в истории этой фальшивки поставил в 1905 году литератор Сергей Нилус (1861–1929). Богатый помещик Орловской губернии, он долгое время жил в Биаррице со своей любовницей, но внезапно получил пренеприятнейшее известие от своего управляющего: «Я разорен, оказывается!» Новость потрясла его. Вся его жизнь теперь пошла иначе. Он превратился в вечного странника, кочуя из одного монастыря в другой и всюду находя заговоры против Бога. На всех предметах, окружавших его, он отыскивал страшные звезды Давида. А «Протоколы» поразили его до такой степени («Это же документ!»), что он выпустил их приложением к своему роману «Большое в малом и Антихрист как близкая политическая возможность». Эту роскошно изданную книгу Нилус готовился преподнести Николаю II. Его супруга, Елена Александровна Озерова, была фрейлиной царицы. Ей без труда удалось получить разрешение на перепечатку брошюры.

Большая часть читавших это сочинение верила всему, что в нем написано. Протестовали лишь некоторые интеллигенты. Так, резко раскритиковал «Протоколы» Максим Горький.

После октябрьского переворота к власти в России пришли товарищи Ульянов-Бланк, Зиновьев-Радомысльский, Каменев-Розенфельд, Свердлов, Троцкий-Бронштейн. Императрица российская умерла, можно сказать, с «Протоколами» в руках, как и подобало жертве еврейского заговора: в доме Ипатьева, где она провела последние дни, у нее были лишь три книги – Библия, первый том «Войны и мира» и повесть Нилуса с «Протоколами». А наследники русских старинных фамилий, интеллигенты, военные, инженеры бежали на Запад, увозя в своих чемоданчиках и ридикюлях брошюру, в которой задолго до революции было точно предсказано все, что произойдет в стране. Спасенные от русской революции, «Протоколы» начали поистине триумфальное шествие по всем европейским странам. Первым делом они вернулись туда, где и появились на свет, – во Францию. Но особенно благодатную почву «Протоколы» нашли в Германии.

В 1918 году в Германии вспыхнула революция. Возвращаясь домой, немецкие солдаты и офицеры не узнавали свою страну – она катилась в хаос, стала игрушкой в руках фанатичных агитаторов и взбунтовавшихся солдат. Под напором превосходивших ее сил Антанты разоренная войной Германия капитулировала. После такой катастрофы нельзя было не задуматься над тем, кто виноват в происходящем. Но кто виновник всех бед, обрушившихся на страну? Эта мысль много раз билась в воспаленном мозгу самого знаменитого немецкого маргинала XX века – Адольфа Гитлера. Те же мысли бились в умах многих его сограждан.

Альфред Хугенберг, ярый немецкий националист, один из основателей Пангерманского союза, владелец многих немецких газет и издательств (куда только смотрели евреи?), наладил бурную деятельность по тиражированию «Протоколов сионских мудрецов». В первые послевоенные годы в Германии были проданы сотни тысяч копий «Протоколов». Эта брошюрка стала настольной книгой для строителей Третьего рейха. Строчки из «Протоколов» отозвались сотнями страниц «Mein Kampf».

Большой популярностью «Протоколы» пользовались и в среде победителей. В 1920 году появилась их первая английская версия. Ее распространил московский корреспондент «Морнинг пост» Виктор Марсден. Он пережил в России страшные времена и теперь был убежден, что все худшее в этом мире происходит от евреев. Впрочем, большинство жителей Великобритании – страны, где премьер-министром почти десять лет был Бенджамин Дизраэли, – скептически отнеслись к этой публикации: «Если плодом совещания самых видных

евреев всего мира, вобравших в себя всю мудрость, накопленную поколениями их предков, является эта скромная книжица, то впору усомниться в мудрости и уме еврейской расы».

У брошюры нашелся влиятельный почитатель и в США – автомобильный магнат Генри Форд. В 1920 году он опубликовал «Протоколы» на страницах издаваемой им газеты «Dearborn Independent». Вдохновившись ими, Генри Форд даже издал свой собственный опус, посвященный той же теме: «Международное еврейство». В нем он обвинил евреев во всевозможных преступлениях, например в том, что, растлевая души простых американских рабочих, они придумали такие порочные развлечения, как синематограф и джаз. Впрочем, в 1927 году борец с Сионом выбросил белый флаг и взял свои обвинения обратно, поскольку они вредили репутации фирмы. Ему пришлось даже публично извиниться. Форд уверял, что «лишь по своей наивности» поверил в подлинность этих «Протоколов». Весь тираж его собственной книги был погружен на три грузовика, вывезен куда подальше и сожжен. Наивный Форд! Джинн был уже выпущен из бутылки. В Европе его книга пользовалась бешеным успехом, хотя автор, обращаясь в судебные инстанции, требовал немедленного запрета на ее перепечатку. В наши дни «Международное еврейство» Форда перепечатывают столь же исправно, как и выпускают автомобили «форд».

«Протоколы сионских мудрецов» благополучно пережили Вторую мировую войну и поражение гитлеровской Германии, денацификацию и судебные преследования за профашистские взгляды, хотя на них тоже лежит, пусть и косвенная, вина за холокост. Что же говорят об этом историки? «“Протоколы” во многом виновны в той политике геноцида, которую проводили нацисты», – считает Норман Кон, автор книги «Благословение на геноцид». Другие его коллеги настроены снисходительнее. «Протоколы лишь косвенно оправдывали антисемитские акции, но не подстрекали к ним», – оценивает Михаэль Бергер, профессор еврейской истории Мюнхенского университета. «Вся вина “Протоколов” заключается не в том, что они призывали к каким-либо открытым антисемитским выступлениям, а в том, что они сеяли недоверие к евреям, убеждали отказывать им в помощи и сочувствии», – отмечает американский историк Ричард С. Леви.

XX столетие скрылось за горизонтом, а меж тем все новые пачки «Протоколов» появляются на лотках. Их ядовитые откровения все так же принимаются на веру. Их почитатели по-прежнему видят в каждом еврее «таинственную машину» для уничтожения европейских и азиатских народов, приведенную в действие некими «кукловодами» с Сиона, и готовы отстаивать чистоту своей расы с оружием в руках…

Евно Азеф – двойной агент империи[1]

Ростовские мещане Фишель и Сара Азефы держали всего-навсего убогую лавку, но приложили все силы, чтобы их сын, маленький златокудрый Евно, поступил в гимназию, где учились дети самых состоятельных и уважаемых евреев города. В своих мечтах родители видели сына не нищим лавочником, а процветающим инженером. А самое главное – хотели уберечь единственное чадо от революционной заразы, которая уже стучалась во все двери. Не уберегли… Юноша отдал дань революционным порывам.

Весной 1892 года, когда жандармы начали дознание о распространении в городе прокламаций, призывающих бороться с существующим режимом, Евно Азеф мгновенно исчез из города…

Евно Азеф

Он объявился в Карлсруэ – студентом местного политехникума. Но для жизни в Германии нужны были деньги. Раздобыть их можно было с помощью авантюры. Почему бы не предложить тем, от кого сбежал, скажем, услуги тайного агента? Полиция предложение

[1] Материал Г. Евграфова.

молодого человека приняла. В Центральном департаменте не шибко отягощенный знаниями писарь с усердием вывел на лицевой обложке папки: «Дело сотрудника из кастрюли» (т. е. из Карлсруэ).

Вернувшись после получения диплома инженера-электрика в Россию, Азеф начинает вести скучную жизнь рядового служащего электрической компании. Никто не догадывается, что кроме этой ничем не примечательной жизни сей благопристойный господин ведет еще две – нелегальные: служа в тайной полиции, он, благодаря уму, воле и таланту, одновременно начинает играть видную роль в революционном движении. Ему нужны не только деньги, но и власть: только богатство и власть дают ощущение полноценной жизни. И Евно Азеф затевает свою самую крупную игру – с эсерами.

Руководители партии социалистов-революционеров (сокращенно «эс-эр») считали, что к власти они могут прийти только с помощью революции, привести Россию к революции может только террор. Вместе с одним из организаторов партии эсеров, Григорием Гершуни, Азеф разрабатывает теоретическое обоснование террора. Для его осуществления в недрах партии создается глубоко законспирированная боевая организация. После ареста Гершуни во главе ее становится Азеф. Честолюбие сжигает его: теперь от него зависит, казнить или миловать самых высоких царских чиновников. Постепенно в руках Азефа сосредоточивается огромная власть: он, как на шахматной доске, двигает фигурами жертв и палачей.

Когда-то Людовик XIV, достигнув высшей власти, воскликнул: «Государство – это я!» Возглавив боевую организацию социал-революционеров, став членом ее ЦК, Евно Азеф мог перефразировать «короля-солнце» и без ложной скромности заявить: «Террор – это я!» Он вступил в опасную, рискованную игру, которая затягивает сильнее, чем вино или женщины: ставкой в ней была сама жизнь. Его жизнь.

Как настоящий игрок он одновременно продолжает ставить на «красное» и «черное». Партия, в которой Азеф занимает видное положение, разворачивает террор. Полиция, чьим тайным агентом он является, должна предотвращать террор. Как глава боевой организации Азеф подготавливает убийства видных царских чиновников. Как тайный агент полиции предупреждает ее о готовящихся злодеяниях.

Азеф организует гибель министра внутренних дел Плеве и предотвращает покушение на Дурново. Он убивает великого князя Сергея Александровича, но спасает от неминуемой смерти московского обер-полицмейстера Трепова. Он разрабатывает план убийства киевского генерал-губернатора Клейгельса и трижды доносит полиции о готовящихся терактах против царя…

Азеф достиг власти и богатства, о которых страстно мечтал в полунищей юности. Ему глубоко наплевать как на революцию, так и на полицию, хотя он смертельно устал постоянно находиться по ту сторону добра и зла. Больше пугало другое – временами он чувствовал, что личность его раздваивается.

Мало кто в жизни может устоять перед тремя искушениями: властью, богатством и женщинами. Любовь к деньгам шла у Азефа из детства, когда родители, дрожа над каждой копейкой, откладывали ее на учебу сыну. Он начал жить на 50 рублей в месяц – именно во столько начинающий агент оценил свои услуги. Через несколько лет полиция выплачивает своему сверхценному и сверхсекретному «кроту» 14 тысяч целковых в год – больше, чем получал иной царский министр. Но Азефу и этого мало. Став главой боевой организации эсеров, он сосредоточивает в своих руках огромные суммы, предназначавшиеся для проведения террористических актов. Прекрасно понимая, что ходит по краю пропасти и когда-нибудь может в нее свалиться, часть поступлений он откладывает, часть тратит на шансонеток, певичек и актрисок варьете.

Азеф был своим в мире кулис и кафешантанов, в петербургском «Аквариуме» и московском «Яре». Много не пил – один-два бокала «Клико», но женщины, женщины… Он был

плотояден и сладострастен и, расслабляясь, швырялся деньгами – партийными и полицейскими…

В «Аквариуме» Азеф познакомился с певичкой, женщиной столь же пышной, сколь и властной, сумевшей взять под башмак своего покровителя. Он сошелся с ней за год до своего краха. Именно ей суждено будет с помощью возницы проводить Азефа в последний путь на вильмерсдорфское кладбище…

Даже самый везучий игрок рано или поздно проигрывает. Два раза партию предупреждали: Азеф – провокатор. Руководство эсеров не верило. Последнюю точку в деле поставил Бурцев, известный революционер, публицист и издатель журнала «Былое». Когда все улики были собраны и подозрения превратились в твердую уверенность, он открыл ЦК партии эсеров истинное лицо главы ее боевой организации. На третейском суде охотник за провокаторами предоставил неопровержимые доказательства, что действующий в партии агент Раскин и Азеф – одно и то же лицо…

Он бежал из Парижа на рассвете 6 января 1909 года. Через несколько дней партия эсеров официально объявила: Азеф – провокатор! Он прекрасно сознавал, что второй раз уйти от расплаты ему не дадут. Оставался только один выход – умереть. Что он и сделал. Евно Азеф скоропостижно скончался… чтобы тут же воскреснуть в образе благополучного господина Неймайера, питавшего страсть к путешествиям.

Побывав в Италии, Греции, Египте, Азеф поселился со своей певичкой в Берлине. Чтобы не утратить вкуса к жизни, стал похаживать на биржу, а дома со знакомыми немцами гонял чаи из настоящего русского самовара и играл в винт по маленькой.

Во время Первой мировой войны Азеф разорился. Когда в 1915 году он выкарабкался из финансовой пропасти, на него обрушился новый удар. Узнав его настоящую фамилию, германская полиция арестовала господина Неймайера как опасного революционера, анархиста и террориста. В тюрьме ему разрешили чтение газет, прогулки, переписку с любимой. Азеф писал ей, что в тюрьме с ним произошел душевный перелом, что все чаще и чаще он обращается к Богу и после молитвы обычно чувствует себя хорошо, страдания укрепляют его душу, потому что только в них обретаешь близость к Богу… В берлинском тюремном каменном мешке великий инквизитор превратился в заурядного проповедника.

На волю он вышел после подписания Брест-Литовского договора и оказался никому не нужным, кроме своей певички. Время преломилось, на дворе была другая история, жизненное пространство вокруг него медленно сужалось. Неожиданно обострилась незалеченная болезнь почек, и 24 апреля 1918 года, когда в Берлине уже стояла весна, около 4 часов пополудни так много переживший «господин Неймайер» покинул этот бренный мир…

«Ереминский документ», или Еще раз о Сталине, агенте охранки[2]

19 сентября 1997 года профессор Юрий Хечинов опубликовал в «Известиях» заметку «Сталин был агентом царской охранки», где он сообщает о «найденном» им в Толстовском фонде, в Нью-Йорке, письме заведующего Особым отделом Департамента полиции Еремина об агентурной работе Сталина. Однако этот документ был давно известен и за границей, и в России. Впервые он публиковался в журнале «Лайф» в апреле 1956 года. В последующие недели он был широко представлен в эмигрантской печати и вызвал полемику. В России письмо приводилось в «Московской правде» еще в марте 1989 года и с этого времени вошло в историографию под названием «Ереминский документ». Оно неоднократно перепечатывалось в российских газетах и журналах.

После публикации в «Лайф» документ был передан на хранение в Толстовский фонд. В сейф одного из нью-йоркских банков он не был «заложен», как утверждает Хечинов, а помещен по соображениям безопасности – чтобы не украли агенты советской разведки.

Журналист И. Дон Левин, напечатавший письмо, возил фотокопию в Европу, где предъявил ее бывшему генералу охранного отделения Александру Спиридовичу, и тот удостоверил подпись Еремина. А известный американский эксперт Алберт Д. Осборн со своей стороны установил, что письмо написано на бумаге русской довоенной фабрикации, на пишущей машинке того типа, которым пользовались в охранном отделении.

«Новое русское слово» подробно рассказало об истории документа. Ю. Хечинов, судя по его телеинтервью, о ней знал. Знал, что письмо было вывезено из Китая, передано профессору М.П. Головачеву, а в 1947 году – Макарову, Бахметьеву и Сергеевскому – политическим деятелям эмиграции. Знал об экспертизе письма во Франции и Америке. О том, что оно всем давно известно. И тем не менее захотел предстать первооткрывателем документа, обнародованного за границей более сорока лет назад.

А теперь хочется представить читателям другой документ, касающийся провокаторства Сталина, который нигде ранее не публиковался, – посланное из Франции В. Макарову письмо генерала Спиридовича. Оно датировано 13 января 1950 года и хранится в архиве Гуверовского института Станфордского университета.

«Глубокоуважаемый и дорогой Вадим Степанович,

Показанное Вами мне письмо Еремина глубоко взволновало меня. По Вашем уходе я долго не мог придти в себя. Я перебрал многое из своего прошлого и, согласившись высказать Вам свое мнение по поводу этого письма, должен сказать несколько слов об этом своем далеком служебном прошлом, не зная которого Вы не сможете правильно оценить мое мнение. А ведь это-то в данном случае Вас и интересует.

Будучи переведен в 1899 году в Корпус Жандармов, я был назначен в Московское Охранное отделение под начальство знаменитого Зубатова. Благодаря Зубатову и его школе, я сделал блестящую служебную карьеру. 42-х лет я был уже генерал с лентой, был осыпан царскими подарками. Русские революционные партии трижды пытались меня уничтожить и в конце концов вывели из строя, тяжело ранив в Киеве. Еврейский Бунд и Самооборона меня не трогали, т. к. там, где я служил, при мне еврейские погромы не происходили, они были немыслимы…

Всем моим служебным успехам я был обязан главным образом школе Зубатова. Она научила меня любить людей без различия национальности, веры и профессии, научила

[2] Материал Юрия Фильштинского.

бороться честно и упорно со всеми врагами государственного порядка, научила выдвигать против их революционного фанатизма фанатизм государственный политической полиции.

В деле этой борьбы едва ли не самую главную роль играла тогда так называемая “агентура”, т. е. привлечение на сторону политической полиции членов различных революционных партий. Оставаясь в рядах своих партий, эти господа должны были секретно информировать политическую полицию о работе своих партий и тем самым должны были помогать расстраивать эту работу.

Молодой Сталин – сотрудник царской охранки?

Мы их называли “секретными сотрудниками”, общество именовало их “провокаторами”. Умением привлекать революционеров на служение правительству и его политической полиции отличался сам Зубатов. В этом была его сила. Этому искусству учил он и нас, подчиненных ему офицеров.

“Помните, – говорил он нам, – секретный сотрудник – это Ваша любимая женщина, с которой Вы в нелегальной связи. Берегите ее, ее тайну, как зеницу ока. Провал сотрудника для Вас – служебный неуспех, для него – позор, часто смерть…”

В начале 1902 года я был командирован из Москвы Зубатовым, по ордеру Департамента полиции, в Тифлис, для постановки агентуры на Кавказе.

Мой приезд и моя работа явились острым ножом для начальника Тифлисского Жандармского управления, генерала, который по праву считал себя хозяином там в деле полицейского розыска. То было на заре социал-демократического движения в России.

Почтенные жандармские генералы не усваивали еще тогда, что такое появившийся марксизм, что такое наша Российская социал-демократическа партия. Департамент полиции был ими недоволен.

Я прибыл на Кавказ до сентября 1902 года, выполнил хорошо данное мне поручение и был назначен начальником Таврического Охранного отделения, ввиду поездки Государя в Крым, а в декабре был назначен на видный пост начальника Киевского Охранного отделения.

В 1903 году ко мне в Киев был прислан из Петербурга от Зубатова, который в это время был уже Заведующий Особым отделом Департамента полиции, т. е. руководил всем политическим розыском по Империи, поручик Александр Михайлович Еремин.

Его только что перевели в Корпус Жандармов, Зубатов оценил его, нашел пригодным и способным для службы по розыску (собственно Охране) и прислал мне его на “выучку”, дабы Еремин под моим руководством воспринял все принципы политического розыска, так, как его понимал сам Зубатов.

Еремин, уральский казак, окончивший Николаевское Кавалерийское училище, во всех отношениях оказался умным, хорошим офицером, который и воспринял твердо принципы правильной розыскной работы, без “провокаций”, без раздуваний, но упорной и систематической, где одним из главных элементов являлась “агентура” с ее “секретными сотрудниками”.

Еремин полюбил “агентуру” и, когда понадобился выдающийся офицер для заведования Охранным отделением в г. Николаеве (на Черном море), Еремин был назначен туда по моей аттестации как вполне готовый для политического розыска жандармский офицер.

Когда же летом 1905 года я был серьезно ранен в Киеве и выведен из строя, по моему представлению Еремин был назначен начальником Киевского Охранного отделения.

Через некоторое время Еремина перевели на службу в Особый отдел Департамента полиции, а в 1908 году назначили начальником Тифлисского Губернского Жандармского управления, где требовался выдающийся жандармский офицер ввиду хронически запущенного там розыскного дела.

На Кавказе Еремин работал блестяще, завел отличную агентуру среди социал-демократов и разбил действовавшие там революционные партии, особенно партию “Дашнакцутюн”. Разгром этой последней вооружил против Еремина круги наместника графа Воронцова-Дашкова, и по просьбе наместника Еремин был отозван и взят снова в Особый отдел Департамента полиции.

Зная отлично, что при первом своем назначении в Особый отдел, из Киева, Еремин привез с собой в Петербург кое-кого из своих киевских “секретных сотрудников”, которых по тем или иным причинам он не мог передать своему преемнику, я предполагаю, что и при вторичном переводе своем, в Петербург, Еремин мог взять кого-либо из своих кавказских “сотрудников”.

Далеко не все “секретные сотрудники” переходили от одного жандармского офицера к другому “по наследству”. Многие отказывались работать при смене начальников. Все зависело главным образом от личных взаимных отношений заведующего розыском с “секретным сотрудником”. Отношения Еремина с “секретными сотрудниками” были настолько хороши и человечны, что особенно ценилось при “секретной”, с одной стороны, и “подпольной” работе, с другой, что переезд в Петербург кого-либо из кавказских сотрудников вполне вероятен. И надо думать, что в Петербурге Еремин и передавал своего “сотрудника” начальнику

Петербургского Охранного отделения, т. к. в то время сам Особый отдел розыска в столице не вел. Это было всецело дело Охранного отделения.

Прочувствовав и приняв “нутром” все то, что вкратце, со многими умолчаниями, я постарался понятно изложить, – можно понять и правильно оценить письмо Еремина, о котором идет речь.

Оно категорично – Сталин был одно время сотрудником политической полиции и на Кавказе и в Петербурге.

Чьим сотрудником? На Кавказе, безусловно, сотрудником самого Еремина. Только о своем сотруднике мог Еремин написать свое письмо. Только про работу “своего” сотрудника мог Еремин дать такую оценку, которая имеется в письме.

Это оценка человека, который сам принимал от секретного сотрудника “агентурные сведения” и сам оценивал их.

Помня работу Сталина по Кавказу, правильно оценивая его значение, особенно после вступления его в Центральный Комитет партии, Еремин как начальник, понимающий и любящий розыск и агентуру, и указывает на Сталина начальнику Енисейского Охранного отделения, не говоря, конечно, что это его бывший сотрудник.

Но не является ли письмо Еремина подложным, поддельным? Нет. И своими недоговорками и всей своей “конспирацией” оно пропитано тем специальным “розыскным” духом, который чувствуется в нем и заставляет ему верить. Это трудно объяснить. Но я это чувствую, я ему верю.

Думаю, что так чувствует и А.П. Мартынов, если вы показывали ему это письмо.

Этой внутренней правдой письмо и взволновало меня. Я долго не мог успокоиться, прочитав его, когда вы ушли. Это удивительный документ. Где-то в рассказах кавказцев о Сталине было указано, что его подозревали там, в молодости, в выдаче сотоварищей… Где-то это было…

Но ведь у этой публики из десяти человек – девять в свое время были предателями… Удивляться нечему.

Подпись на письме – подпись Еремина. Шрифт машинки – надо полагать, Ремингтон, номер 7, как говорили мы тогда. Эта система в то время была самая обычная в России. Сравнивая шрифт письма со шрифтом различных циркуляров Департамента полиции, что я вручил Вам, нетрудно найти и там шрифт того же Ремингтона.

Но вообще опираться на шрифт и по нему делать какое-либо заключение дело шаткое. Верить надо содержанию письма, его внутреннему духу. Они категоричны. Сталин предавал своих.

Вот что могу сказать, дорогой Вадим Степанович, но только для Вашего личного сведения, а не для опубликования, пока я и моя жена находимся здесь, в Европе. Там, где Вы, вне досягаемости кремлевских молодцов и под защитой Ваших властей, можно говорить иначе, чем здесь, где большевики свободно делают с нами – белыми, все, что они хотят в лучшем виде. Здесь нас никто не защищает, а когда мы хотим бежать, нам мешают Ваши же власти. А во имя чего? Во имя тех же самых большевиков, во имя тех сплетен, которые они же подсовывают в разные консульства, и им верят.

Хранит один Господь Бог. Пошлет случайно такого человека, как послал нам с женой в Вашем лице, – наше счастье.

Крепко жму Вашу руку, целую ручки Вашей супруге, жена просит передать сердечный привет. Очень жалею, что у Вас не было времени пробеседовать спокойно. Есть вопросы даже более интересные, чем письмо Еремина. Но может быть, еще приедете в Париж и тогда поговорим.

Ваш сердечно преданный А.Спиридович».

Тема об агентурном прошлом Сталина не исчерпывается «Ереминским документом». Здесь еще есть о чем писать и что расследовать.

Теория полой земли[3]

С давних времен и по сей день время от времени возникают дискуссии вокруг воистину безумной идеи, заключающейся в представлении о том, что Земля… полая! Даже выдающийся геолог Сергей Владимирович Обручев отдал дань этой версии в своей книге «Плутония». Оказывается, у сторонников столь странного взгляда на устройство нашей планеты есть свои аргументы, от которых не так легко отмахнуться!

Выдающийся английский астроном сэр Эдмунд Галлей (именем которого названа знаменитая комета) первым из ученых всерьез отнесся к идее полой Земли. Пытаясь объяснить перемещение магнитных полюсов нашей планеты, он предположил, что внутри ее вращаются несколько шаровидных оболочек, «вставленных» одна в другую. Великий математик Леонард Эйлер тоже придерживался этого взгляда, но признавал существование одной полой оболочки, отделенной большим пространством от ядра. Эта оболочка, по его мнению, имеет отверстия на Северном и Южном полюсах. Как считал ученый, такое устройство Земли обеспечивало бы лучшую устойчивость планеты, чем при наличии нескольких оболочек.

На самом деле, полагает американец Ян Лампрехт, должно быть несколько сравнительно небольших отверстий в районе полюсов, ведущих внутрь Земли. Но что касается Северного полюса, то Арктика считается заполненной Северным Ледовитым океаном, а в океане вроде не может быть никаких «отверстий»! Однако Ян Лампрехт обнаружил целый ряд свидетельств полярных исследователей о наблюдении неизвестных земель в Арктике (среди них – Роберт Пири, Фредерик Кук, Дональд Макмиллан, Руаль Амундсен и сэр Губерт Уилкинс). А Фредерик Кук в 1908 году даже сфотографировал неизвестную землю на горизонте на фоне своих нарт. Снимок сделан в точке с координатами 84 градуса 50 минут северной широты и 95 градусов 36 минут западной долготы, в нескольких сотнях миль от острова Элсмар. Кук полагал, что холмы на горизонте находились на удалении 40 миль к западу от стоянки полярников.

Роберт Пири и Фредерик Кук на удивление быстро совершили свои полярные походы. Они преодолевали по заснеженным ледяным торосам от 20 до 40 миль ежедневно! Согласно записям Роберта Пири, он достиг Северного полюса и вернулся назад (а это 270 миль!) всего за семь дней! Этот подвиг, разумеется, не может не вызвать изумления. Объяснить его попытался естествоиспытатель из Аризоны доктор Рассел Дэй. По его предположению, путешественники двигались не по сферической поверхности Земли, а по вогнутой и, стало быть, на самом деле преодолели гораздо меньшее расстояние! К тому же их могли подвести магнитные компасы, теряющие свою надежность в высоких широтах. В этом случае полярникам пришлось бы ориентироваться по звездам, и тогда они сразу бы обнаружили, что преодолели значительно большее расстояние (поскольку данные относились бы к сферическому участку Земли, а не к вогнутому!). Доктор Рассел Дэй полагает также, что полярники представляли себе контуры неизвестных земель, иначе они могли бы пересечь кромку гипотетической дыры в районе Северного полюса и провалиться в нее!

Насчет «дыры» есть и более определенные свидетельства. В 1908 году вышла книжка Уиллиса Джорджа Эммерсона со странным названием «Закопченный Бог», в которой рассказывается о загадочном приключении норвежца Олафа Янсена и его отца. Они плыли на север и… провалились в дыру около Северного полюса! Незадачливые путешественники оказались в неведомом мире, где обитала высокоразвитая цивилизация. «Подземные» жители общались между собой бессловесно (телепатически) и перемещались с огромной скоростью

[3] Материал К. Бутусова.

в дискообразных летательных аппаратах. Там было и свое Солнце, расположенное в центре Земли.

Отец и сын провели в «подземном» мире два года (!) и вышли из него через дыру около Южного полюса. При выходе старший Янсен погиб, а сын выжил и вернулся в Европу. Своими рассказами о пребывании в неведомом мире Олаф Янсен навлек подозрения о помутнении у него рассудка и оказался в психиатрической больнице, где провел 24 года. Освободившись, он переселился в США, в Калифорнию, и там встретил Уиллиса Джорджа Эмерсона, которому и рассказал подробно о пережитом приключении. Свой рассказ Олаф подкрепил дневниками и картами маршрута невероятного путешествия. Датчанин до самой смерти убеждал окружающих в достоверности происшедшего с ним и его отцом.

И все же наиболее впечатляющее свидетельство существования приполюсной дыры приписывается известному американскому полярнику, исследователю Арктики и Антарктики, адмиралу Ричарду Берду. Согласно его дневниковым записям, Берд с компаньонами в феврале 1947 года пролетал в 1700 милях от Северного полюса и обнаружил там вместо льда и снега обширную землю, покрытую густой зеленой растительностью, с озерами, реками и горами. В подлеске исследователи заметили даже огромных животных, напоминающих мамонтов. Адмирал и его спутники приземлились и вошли в обширный район, названный ими «Великим неизвестным»…

Другие полярники говорили о наблюдении здесь птиц, насекомых и теплокровных животных, мигрирующих к северу за 80-й градус северной широты. Доктор Рассел Дэй ссылается на свидетельство знаменитого Фритьофа Нансена, который будто бы доказал существование невероятно теплого течения за 85-й параллелью всего в 350 милях от Северного полюса!

Неужели Земля полая?

Немецкие нацисты тоже были заинтересованы в теории полой Земли, поскольку она дискредитировала «еврейское учение» Альберта Эйнштейна. В 1933 году в Магдебурге они планировали осуществить запуск ракеты, которая должна была по прямой долететь до Австралии. Эксперимент преследовал цель выяснить, не находимся ли мы на внутренней стороне Земли? Опыт не удался, но зато положил начало немецкому ракетостроению. В этом эксперименте участвовал Вернер фон Браун, позже сыгравший важную роль в американских космических исследованиях.

А американский инженер Альфред Лоусон, основавший в конце 1950-х годов «Университет лоусономии» (по фамилии инженера) в Дес-Мойнесе (штат Айова), исповедовал идею о том, что Земля не только полая, но и живая…

Надо ли говорить, как возмущена была официальная наука «бреднями» о пустотелой Земле! Казалось бы, чего проще: взять и запросить снимки приполярных районов, сделанных с искусственных спутников, дабы подтвердить или опровергнуть идею полой Земли! Именно это и сделал писатель Уильям Л. Брайен. На официальный запрос в НАСА писателю ответили, что снимки приполярных областей со спутников отсутствуют!

Однако один из спутников министерства обороны США в 1967 году ухитрился снять приполярную зону. На этом снимке отчетливо было видно плоское пятно с поперечником 1600 миль. Позже такой же снимок нашелся в фототеке другого спутника. Брайен сравнил их и пришел к выводу, что в этом месте зарегистрирована явная депрессия, которая, возможно, углубляется вниз в виде конуса и, таким образом, являет собой «вход» в подземный мир!

Предположим, что Земля в самом деле полая. Почему бы не быть таковыми и другим планетам Солнечной системы? Этот вопрос пытался прояснить в 1920 году Маршалл Б. Гарднер в своей книге «Путешествие внутрь Земли». Он решил, что Персиваль Ловелл, регистрировавший в свое время вспышки на Марсе, на самом деле видел «лучи внутреннего марсианского Солнца». Полярные шапки на Марсе меняют свои размеры – почему? Очевидно, потому, что он внутри полый, считает Гарднер.

Рассуждения о полой Земле, какими бы невероятными они ни были, открывают большой простор для спекуляций о происхождении пресловутых НЛО. Кажется, что лучшее место для их базирования, чем внутренность нашей планеты, трудно вообразить. К тому же НЛО не раз наблюдались в Арктике…

Тайна тунгусского взрыва[4]

В то утро, 30 июня 1908 года, эвенк Иван Петров, его жена Акулина и их гость, старик Василий Охчен, мирно спали в чуме на берегу небольшой таежной речки. Но вдруг какая-то неведомая сила подбросила и чум, и его обитателей в воздух. Через секунду люди упали на землю – Акулина и старик Василий, к счастью, остались невредимыми, Иван же ударился о дерево, сломал руку и надолго онемел.

Лес горел, тряслась земля, вокруг валялись трупы оленей. Тайга с ее могучими соснами и кедрами превратилась в сплошное дымящееся пожарище. «Это дело разгневанных злых духов», – решили эвенки, спешно покидая страшное место…

Действительно, в бассейне реки Подкаменной Тунгуски произошло необычайное явление – взорвалось небесное тело! Стремительно с гулом и грохотом пролетело оно по небу и пропало в бескрайней тайге. Взрыв был слышен за сотни километров. Он повалил колоссальное количество деревьев на площади свыше двух тысяч квадратных километров и вызвал землетрясение, зарегистрированное во многих городах – от Иркутска до Тбилиси и Потсдама в Германии. Предполагается, что в момент взрыва выделилась энергия, эквивалентная мощности 2000 атомных бомб!

Не была ли это катастрофа корабля инопланетян, имевшего ядерный двигатель? Таким вопросом задавались сторонники самой романтической из множества высказывавшихся в разное время версий. Однако измерения уровня радиации, проведенные в эпицентре взрыва и в его окрестностях, показали, что следов ядерной катастрофы нет. Не удалось найти и каких-либо веществ, из которых могла быть сделана ракета наших «братьев по разуму».

Эта версия, как уже сказано, – лишь одна из многих. Более популярной является кометная гипотеза. Ее сторонники утверждают, что Тунгусский взрыв был вызван столкновением с Землей ядра кометы. Действительно, орбиты «космических странниц» проходят иногда рядом с большими планетами, и в этом случае возможны столкновения. Не исключено, что именно так возникли некоторые кратеры на Меркурии и Марсе.

Известно, что ядра комет представляют собой смесь замерзших газов, льда и различных тугоплавких вкраплений. В плотных слоях атмосферы они могут превращаться в своего рода жидкие «капли», быстро теряющие скорость. При таком резком торможении процесс перехода энергии движения тела в тепло и излучение должен быть подобен взрыву. При этом возникает мощная ударная волна.

Несколько лет назад появились данные, которые в какой-то мере говорят в пользу кометной гипотезы тунгусского дива. Американский ученый Р. Ганпати обнаружил во льдах Антарктиды повышенную концентрацию иридия – химического элемента, содержание которого в метеоритах в 25 тысяч раз выше, чем в породах земной коры. Этот элемент, таким образом, можно считать хорошим индикатором присутствия на Земле внеземного вещества. Уже в начале работы ученых ждала сенсация. Оказалось, что исследованный антарктический лед образовался именно в 1908 году – тогда же, когда прогремел загадочный взрыв на Подкаменной Тунгуске!

Еще в советское время были опубликованы результаты исследования химического состава вещества ядра кометы Галлея. Сопоставляя данные, полученные после обработки проб, добытых на месте катастрофы, исследователи пришли к выводу, что состав обоих космических тел во многом совпадает…

И все же против кометной гипотезы находятся веские возражения. Оригинальную версию предложили новосибирские ученые – сотрудник Института теоретической и приклад-

[4] Материал Г. Черненко.

ной механики Сибирского отделения Российской академии наук В. Журавлев и сотрудник академического Института геологии и геофизики А. Дмитриев. Они начали с того, что на компьютере обработали многочисленные рассказы свидетелей феномена, сохранившиеся в архивах, а также различные документы и сообщения прессы начала века. Выводы компьютера были неожиданными: оказывается, в небе в тот момент было не одно, а целых… три тела, летевших с разных направлений – с юга, юго-востока и юго-запада в одну точку! Причем эпицентр катастрофы совпал с местом, где располагался древний вулкан, клокотавший там около двухсот миллионов лет назад. Кроме того, в этом же месте находится одна из четырех крупнейших магнитных аномалий земли – Восточно-Сибирская. Магнитное поле, уходящее из земных недр на тысячи километров в космос, образует своего рода гигантскую ловушку, которая и могла притянуть тунгусского пришельца. Кстати сказать, в свое время нечто похожее произошло в Бразилии с болидом, затянутым в магнитную ловушку.

Заинтересовали ученых и странные оптико-атмосферные явления, наблюдавшиеся во многих районах Северного полушария во время Тунгусского взрыва. Академик Н. Васильев, возглавивший исследования Тунгусского феномена в 1950—1960-е годы, обратил внимание ученого мира на то, что примерно за неделю до взрыва над сибирской тайгой появились «предтечи» чуда – красочные зори, серебристые облака, гало (светлые круги) вокруг Солнца, свечение неба по ночам. Таинственные явления достигли своего апогея в ночь накануне феномена, а затем постепенно начали затухать. В английском научном журнале «Нейчер» за 1908 год Васильев обнаружил заметку астронома Деннинга о том, что июнь был богат наблюдавшимися по всей Европе болидами. Томский исследователь Д. Афиногенов, занимавшийся сбором сообщений о пролетах болидов в Сибири и Восточной Европе, утверждал то же самое.

Тунгусский взрыв до сих пор окружен завесой тайны

Уже упоминавшиеся ученые из Новосибирска В. Журавлев и А. Дмитриев обнаружили совершенно новые, не известные до сего времени факты. Например, что через шесть минут после взрыва приборы-самописцы в Иркутске зафиксировали магнитную бурю, которая длилась почти пять часов. Эта странная магнитограмма сохранилась до наших дней.

Так родилась новая версия того, что случилось в районе Подкаменной Тунгуски. По мнению новосибирских ученых, пожаловавшее на Землю космическое тело (или несколько тел?) было не чем иным, как крупным сгустком плазмы – плазмоидом, выброшенным Солнцем. Науке уже известны так называемые коронарные транзиенты – извергаемые из солнечной плазмы тела, имеющие ничтожную плотность. Возможно, что такова же была и природа Тунгусского феномена, однако плотность его оказалась значительно выше. Авторы этой необычной гипотезы не отбрасывают и земного происхождения плазменного тела, которое можно в известной степени сравнить с шаровой молнией, но только циклопических размеров.

А вот новосибирский геолог А. Растегин, автор еще одной оригинальной гипотезы, считает, что вообще никакого космического пришельца не было. По его мнению, в то утро в тайге произошло землетрясение, эпицентр которого совпал с крупным месторождением природного газа. В результате земная кора раскололась и по образовавшейся трещине вверх устремился мощный поток газа. При соединении с воздухом он взорвался. Разрушения довершил возникший затем огненный смерч. Именно таким развитием событий, полагает геолог Растегин, объясняется различие в свидетельствах очевидцев катастрофы, по-разному описывающих форму огненного тела. По рассказам одних, оно выглядело раскаленным шаром, по впечатлениям других – имело вид огненного веретена. В пользу этой версии говорят и снимки, сделанные из космоса. На них по трассе предполагаемого движения космического тела различим разлом в земной коре. Косвенным подтверждением гипотезы служат и найденные в районе падения «Тунгусского метеорита» залежи нефти и газа.

Загадка Тунгусского дива волновала и продолжает волновать умы. Ответа же – единственного, несомненного и неоспоримого – по-прежнему нет.

По следам экспедиции Русанова[5]

В 1912 году уже известный в ту пору полярный исследователь Владимир Русанов решился предпринять дерзкую попытку пройти на небольшом суденышке по Северному морскому пути из Атлантического в Тихий океан. Экспедиция Русанова исчезла, и только в 1934 году у западного побережья Таймыра были обнаружены первые ее следы. В 1970-х годах удалось найти еще одну стоянку русановцев, однако обстоятельства трагической гибели экспедиции до сих пор остаются тайной.

Летом 1912 года исследовать просторы Арктики отправились сразу три русские экспедиции: Г.Л. Брусилова, В.А. Русанова и Г.Я. Седова. Никто из полярников тогда еще не знал, что зима 1912/13 года окажется очень суровой и вернуться удастся только группе Седова и двум членам команды Брусилова…

Родился Владимир Русанов в 1875 году в городе Орле, в семье купца II гильдии. С 1908 года по 1911 год он принимал участие в экспедициях на Новую Землю, прошел сотни километров по неизведанным землям, открывая новые заливы, бухты, ледники, озера и острова, которые до сих пор носят данные им названия.

В феврале 1912 года Владимиру Русанову было поручено возглавить экспедицию к островам Шпицбергенского архипелага. В Норвегии для нее было приобретено моторно-парусное судно «Геркулес». Этот корабль уже был проверен во льдах, хорошо шел под парусами, обладал неплохой маневренностью.

Русанов предложил принять участие в плавании капитану Александру Кучину, с которым познакомился в свое время в Архангельске. Тот ответил согласием. Кучин был потомственным помором, участвовал в антарктической экспедиции Амундсена к Южному полюсу и, несмотря на свою молодость, считался опытным мореходом. Врачом в экспедицию Русанов взял свою невесту – француженку Жюльетту Жан, с которой был знаком уже 5 лет.

3 июля путешественники увидели берега Шпицбергена. Исследовательские работы прошли успешно. Были открыты месторождения угля, составлена карта полезных ископаемых, собран богатый научный материал. В начале августа Русанов отправил на одном из встреченных пароходов трех участников экспедиции – Самойловича, Сватоша и Попова. С ними он передал в Русское географическое общество отчет о проделанной работе, зоологические и геологические коллекции.

Как вспоминал Самойлович, он плохо понимал дальнейшие намерения Русанова. Ему показалось, что тот собирается идти к Новой Земле, а далее действовать по обстоятельствам. Из письма матроса Василия Черемхина и воспоминаний отца Кучина становится очевидным, что Русанов еще до начала экспедиции после обследования Шпицбергена намеревался идти на восток, в Карское море. Именно поэтому на судно было загружено максимальное количество продовольствия и топлива.

18 августа «Геркулес» добрался до Маточкина Шара, где Русанов оставил свое последнее сообщение: «Иду к северо-западной оконечности Новой Земли, оттуда на восток. Если погибнет судно, направлюсь к ближайшим по пути островам: Уединения, Новосибирским, Врангеля. Запасов на год. Все здоровы. Русанов».

Наступил 1913 год. От всех трех ушедших в Арктику экспедиций – Русанова, Брусилова и Седова – не было никаких известий. Общественность и Русское географическое общество начали бить тревогу. Но лишь в 1914 году было принято решение об организации спасательных экспедиций, причем на поиски Седова отправились три судна и самолет, а на розыски Брусилова и Русанова ушел только барк «Эклипс» под командованием норвежского

[5] Материал Ф. Перфилова.

полярного исследователя Отто Свердрупа. Однако «Эклипс» попал в ледяную ловушку и зазимовал, так и не достигнув острова Уединения. Безрезультатно окончились и поиски экспедиции Седова. Но неожиданно «Св. Фока» вернулся на родину, правда, без своего руководителя. На его борту оказались подобранные по пути штурман Альбанов и матрос Конрад с яхты Брусилова. 6 марта 1915 года было принято решение об оказании помощи экспедиции Брусилова («Св. Анну» найти так и не удалось), а поиски русановцев 7 мая, наоборот, прекратили. Только благодаря протестам общественности Свердрупу было поручено продолжить поиски летом 1915 года. На этот раз «Эклипс» добрался до острова Уединения, но никаких следов Русанова там не нашли…

Только 9 сентября 1934 года у западного побережья Таймыра на одном из островков в шхерах Минина топограф М И. Цыганюк обнаружил следы русановцев: обрывки одежды и рюкзака, патроны разных калибров, фотоаппарат «Кодак», именные часы Попова и документы матросов Попова и Чухчина из экспедиции Русанова.

Полярный исследователь Владимир Александрович Русанов

После этой находки другой топограф – А.И. Гусев – сообщил, что за месяц до этого на одном из островов в архипелаге Мона он видел столб, обложенный камнями, с вырезанной на нем надписью «Геркулесъ, 1913 г.». К сожалению, никаких попыток выяснить судьбу русановцев тогда предпринято не было. На карте появились только новые названия безымянных ранее островов: один – Геркулес, другой – остров Попова – Чухчина.

В 1935 году на острове Попова – Чухчина были сделаны новые находки: маникюрные ножницы, гребенка, перочинный нож, железные ложки, патроны, медные монеты, буссоль, обрывок рукописи «В.А. Русанов. К вопросу о северном пути через Сибирское море». Многие предметы были найдены в двух экземплярах, например, две кружки, две ложки… В совокупности с документами двух матросов это наводило на мысль, что здесь погибли два члена команды «Геркулеса», возможно, отправленные Русановым на материк с донесением о зимовке или с просьбой о помощи. Однако когда исследовали патроны, выяснилось: они были 10 различных типов, что предполагало наличие как минимум шести видов оружия. Стало ясно: на острове побывали не только двое матросов, но и, возможно, вся команда «Геркулеса».

В 1970-х годах экспедиции «Комсомольской правды» под руководством Дмитрия Шпаро и Александра Шумилова на протяжении 8 лет исследовали побережье Северного Ледовитого океана от Диксона до залива Миддендорфа. На острове Геркулес удалось найти багор и обломки нарт. На острове Попова – Чухчина – патроны, пуговицы, полоску кожи с надписью «Страховое общество “Россия”» (в нем был застрахован «Геркулес») и небольшую эмблему-якорек, возможно, с погона Кучина.

Немало интересного удалось обнаружить и в архивах. Известно, что в 1918 году Руаль Амундсен пытался пересечь на дрейфующем судне Северный Ледовитый океан. В 1919 году он послал двух моряков на Диксон, чтобы они доставили собранные за год материалы. Оба погибли. Один из них не дошел до Диксона всего 3 км, его останки были найдены в 1922 году. Долгое время считалось, что второй моряк погиб у мыса Приметного – в 400 км к востоку. Там спасательная экспедиция, отправленная в 1921 году на поиски исчезнувших норвежцев, обнаружила остатки большого костра, обгоревшие кости, иностранные патроны, монеты и множество других предметов. Однако в 1973 году полярник Н.Я. Болотников предположил, что у мыса Приметного располагался лагерь русановцев. Теперь его гипотеза считается доказанной: на этом месте были найдены французская монета, пуговица, изготовленная в Париже, оправа очков (их норвежцы не носили, зато подобные очки были у механика «Геркулеса» Семенова).

Анализируя находки и имеющиеся сведения об экспедиции Русанова, Шпаро и Шумилов предположили, что «Геркулес» в 1912 году прошел в Карское море и в конце сентября встал на зимовку. Весной 1913 года во время короткого санного похода русановцы посетили остров Геркулес, где установили столб с надписью. Впереди было лето и предполагаемое освобождение судна из ледяной ловушки, поэтому никакого донесения в пирамиде у основания столба они не оставили. Однако летом судну освободиться не удалось, а на вторую зимовку уже не хватало продовольствия и топлива. Вероятно, в августе русановцы оставили судно и направились к мысу Стерлегова. Именно здесь в 1921 году были обнаружены нарты, явно изготовленные на каком-то судне, о чем свидетельствовали крепления из медных корабельных трубок. Часть команды, по-видимому, двигалась по воде, а часть – по суше. Об этом говорит костер на стоянке у полуострова Михайлова. Его разожгли на высоком месте, для чего приходилось таскать плавник с косы, хотя там гораздо проще было остановиться на привал. Вероятно, костер играл роль маяка – сигнала для тех, кто двигался по воде. В тот момент положение русановцев, видимо, еще не было трагическим: из снаряжения здесь оставлены не самые важные вещи.

На острове Попова – Чухчина произошло что-то непоправимое – трудно представить, чтобы люди могли выбросить собственные документы без веских на то оснований. Что же случилось с командой «Геркулеса»? В 1988 году в журнале «Вокруг света» В. Троицкий сообщил о двух любопытных письмах, возможно, связанных с трагедией русановцев. В одном из них говорилось о двух загадочных могилах в районе реки Авам на Пясине, которые видела медсестра Корчагина в 1952 году. Ей удалось выяснить, что еще при царе кочев-

ники-оленеводы нашли на побережье лодку, рядом с которой находились мертвые люди. Оленеводы похоронили трупы под камнями, а потом нашли еще двух или трех человек из этой группы, которым удалось дойти до Тагенарского волока, где они и замерзли. Погибших похоронили вместе с документами и рукописями.

В другом письме – Л.Н. Абрамовой – сообщалось, что в 1975 году старая долганка показала ей в пос. Новорыбное на берегу Хатанги две просевшие могилы, где, по ее словам, были похоронены русские – беременная женщина и ее муж, которых родители долганки очень давно привезли еще живыми откуда-то из тундры. Они умерли, а в могилы вместе с ними положили рукописные книги, которыми погибшие очень дорожили.

В. Троицкий сообщал, что для проверки этих писем готовится экспедиция. Увы, эта экспедиция не состоялась. Все было бы гораздо проще, если бы при обнаружении в 1934 году следов экспедиции Русанова сразу были бы проведены широкомасштабные поиски. Возможно, тогда было бы достаточно опросить местных охотников и оленеводов, чтобы узнать о судьбе пропавших полярников.

Смерть лейтенанта Седова[6]

Весной 1912 года лейтенант флота Георгий Яковлевич Седов подал начальнику Главного гидрографического управления генералу Вилькицкому рапорт с планом похода к Северному полюсу. «В этом состязании, – писал Седов, – участвовали почти все страны света и только не было русских… Мы пойдем в этом году и докажем всему миру, что и русские способны на этот подвиг».

План Седова состоял в следующем. В середине июля 1912 года экспедиция должна выйти из Архангельска к Земле Франца-Иосифа и там остановиться на зимовку. С первыми лучами солнца небольшая группа на нартах с собаками выступит к полюсу. «Я чувствую себя вполне подготовленным для такого большого дела, которое начинаю, – самоуверенно писал Седов в петербургском «Синем журнале». – Я хочу осуществить мысль Ломоносова – водрузить русский флаг на Северном полюсе!» Статья, в которой это было написано, называлась весьма категорично: «Как я открою Северный полюс».

Планы Седова были сразу же раскритикованы опытными полярниками, справедливо утверждавшими, что столь тяжелая и опасная экспедиция требует длительной и серьезной подготовки. Известный полярный путешественник Русанов указывал на отсутствие у Седова опыта походов по дрейфующим льдам. «Много ли у него при этом будет шансов достигнуть Северного полюса? – писал Русанов. – Мне думается, очень и очень немного».

Между тем организация экспедиции началась. Над экспедицией Седова «шефствовала» известная столичная газета «Новое время» во главе с ее издателем Сувориным. Средства – 70 тысяч рублей – собирались по подписке, за счет пожертвований по всей России. Часть их удалось собрать устройством благотворительных базаров. Для экспедиции было зафрахтовано парусно-паровое промысловое судно «Святой мученик Фока». Владелец его, архангельский шкипер Дикин, брался доставить экспедицию на Землю Франца-Иосифа. «Фоку» загрузили провизией на три года. На палубе громоздились ящики, клетки с собаками, доски и бревна для строительства дома на месте зимовки.

Буквально накануне отплытия Дикин отказался идти в плавание. Ушла с ним и его команда. Возмущенный Седов в течение суток набрал новых матросов. Удивительно ли, что некоторые из них явились на судно за час до отплытия в одних пиджаках! «Все было против нас», – писал художник Пинегин, участник экспедиции. Тем не менее 14 августа (здесь и далее даты по старому стилю), на месяц позже намеченного срока, «Фока» отошел от Соборной пристани Архангельска.

За два года до описываемых событий тридцатилетний Георгий Седов женился на Вере Валерьяновне Май-Маевской. В отношениях с женой Седов, как и во всем, был восторженным влюбленным, рыцарем, души не чаявшим в своей избраннице. Вера Валерьяновна провожала мужа, находясь на борту «Фоки». Она проплыла с ним несколько миль и оставила судно в устье Северной Двины. Позже, на далеком Севере, в дневнике Седов обращался к любимой жене – «Льдинке», как он ее называл, с длинными посланиями, а на столике в своей каюте всегда держал ее фотографию в полированной рамке.

Снаряжение экспедиции оставляло желать лучшего. Визе – метеоролог и географ экспедиции, в будущем крупный ученый, исследователь Севера – тогда, в 1912 году, записал в дневнике: «Он (Седов) упрям и наивен… Нужно совершенно не знать полярную литературу, чтобы с таким снаряжением, как наше, мечтать о полюсе». К тому же ледовая обстановка в тот год выдалась чрезвычайно сложной – уже 20 лет в Заполярье не видели таких тяжелых льдов. Вдобавок, экспедиция вышла слишком поздно, рискуя вмерзнуть в дрейфующий лед.

[6] Материал Г. Черненко.

Седов все же попытался пробиться к Земле Франца-Иосифа. Но это не удалось. Затертое льдами, судно остановилось на зимовку в небольшой бухте Новой Земли.

Лишь в сентябре следующего, 1913 года с огромным трудом и риском, на последних остатках угля и сжигая в котельной топке сало медведей и нерп, удалось достичь желанного архипелага. Здесь, в безымянной бухте острова Гукера (ее назвали Тихой), седовцы начали вторую, еще более трудную зимовку. Скудное, однообразное питание вызвало цингу. Даже Седов, прежде отличавшийся железным здоровьем, сдал. Появилась цинга и у него. В начале января 1914 года Визе писал о Седове: «Он очень побледнел, осунулся и страшно ослаб. Когда говорит, то сильно задыхается».

Седов и сам понимал, что в таком состоянии до полюса дойти не сможет. От бухты Тихой до заветной точки было ни много ни мало – почти 1000 километров! Вот еще одна запись в дневнике Визе: «Г.Я. в беседе со мной в первый раз откровенно заявил, что считает свою санную экспедицию к полюсу “безумной попыткой”, но что он все-таки ни за что не откажется от нее, пока у него не кончится последний сухарь».

Тяжелое предчувствие не покидало многих на судне. Но для Седова был важен даже один лишь факт движения к цели, пусть и ценой собственной жизни. Мысль о возвращении «с пустыми руками» казалась ему нестерпимой. Огромное честолюбие, страх бесчестья гнали его вперед. «Долг мы исполним, – сказал он в прощальной речи. – Наша цель – полюс! Все возможное для достижения будет сделано!» Было решено идти втроем с тремя нартами, запряженными двумя дюжинами собак. Запас провизии был рассчитан на 10 месяцев. Своими спутниками Седов избрал матросов Григория Васильевича Линника и Александра Матвеевича Пустошного. Трудно сказать, почему именно на этих людей пал выбор. Линник – хотя и самый энергичный и способный из матросов – отличался заносчивым, вспыльчивым, дерзким характером, и порядок на корабле был не раз нарушен его выходками.

Лейтенант Георгий Седов

Наступил день выхода к полюсу – 2 февраля 1914 года. Последние объятия. Три человека и тяжело нагруженные нарты двинулись на Север. Визе записывал в своем дневнике: «При прощании Г.Я., совершенно больной, разрыдался. Выход полюсной партии оставил во мне мрачное впечатление. Гибель этой экспедиции, учитывая смелость, упорство и легкомыслие ее начальника, кажется мне почти неизбежной». Седов шел не только на самоубийство, но и ставил на карту жизнь своих спутников.

Стояли суровые морозы, 40 градусов и более. «Дорога отвратительная, – писал Седов в походном дневнике, – ропаки, рыхлый снег… Идти очень трудно, дышать еще труднее… Сегодня снилась Веруся, да спасут ее боги. Я совсем болен, но духом не падаю».

Уже на седьмой день похода Седов не мог идти и вынужден был ехать, сидя на нартах. Здоровье его ухудшалось с каждым днем. Было известно, что в бухте Теплиц-бай на западном берегу острова Рудольфа – самого северного острова Земли Франца-Иосифа – находится брошенная база полярной экспедиции герцога Абруццкого. Седов надеялся, что там им удастся пополнить свои запасы, в частности керосина, и отдохнуть. Но до желанной бухты было еще далеко. От нее же до полюса – еще дальше: около 800 километров.

«Мороз до 41 градуса, – записал Линник в дневнике 18 февраля. – На дворе снежная буря. Двигаться вперед невозможно, к тому же здоровье начальника безнадежное». На всех троих имелся один большой спальный мешок. Но матросы редко забирались в него, стараясь не тревожить больного. К тому же приходилось то и дело подниматься, слыша стоны и жалобы Седова. «И одного часа за ночь не пришлось уснуть, так как начальник ежеминутно жалуется на ужасный холод в ногах и невозможность дыхания», – отмечал Линник в дневнике на 17-й день похода.

Седов стал тяжелой обузой для его спутников. Он почти ничего не ел и его приходилось кормить с чайной ложки. От бессонных ночей и тяжелых переходов матросы теряли силы. У Пустошного открылось кровотечение горлом, у обоих появились признаки цинги. Линник не раз предлагал Седову вернуться на судно. «Эх, Линник, оставь эти мысли идти домой! – отвечал тот. – В Теплиц-бай мы в пять дней поправимся». Улыбнется и махнет рукой…

20 февраля. Сильная вьюга опять остановила их. В этот день Седов скончался. Двадцать лет спустя Пустошный так описывал смерть Седова: они начали свой скудный обед, как вдруг услышали странный и страшный хрип. «В безотчетном ужасе мы повернули головы. Наш начальник лежал, приподнявшись в спальном мешке, упершись головой в заднюю стенку палатки. Глаза его выкатывались из орбит, как стеклянные шары». В 2 часа 40 минут Седов умер. Линник вынул платок и накрыл им искаженное судорогой лицо своего начальника…

Когда вьюга утихла, матросы положили тело Седова на нарты. «Мы двинулись в бухту Теплиц, – вспоминал Пустошный, – но, не дойдя до нее шести миль, увидели, что вход в нее заполнен открытой водой». Повернули назад, к мысу Бророк. Здесь они и похоронили Седова – на высоком месте, под скалою. Вырыть могилу не было никакой возможности. Тело Седова, как рассказывали матросы, они положили между двумя валунами, накрыв русским национальным флагом. Сверху прикрыли каменными плитами, пустоты заполнили щебнем. Над могилой установили крест, наспех сделанный из лыж. Рядом оставили нарты, кирку и молоток. Закончив печальный обряд, матросы отправились в обратный путь, на юг и, пережив невероятные лишения, чудом добрались до судна.

Путь «Св. Фоки» на родину был тяжелым. Уголь кончился. Шли, сжигая части корпуса, мебель, такелаж. Однако и дома мытарства «седовцев» не закончились. Тяжелее всех пришлось спутникам Седова – Линнику и Пустошному. На них было заведено уголовное дело – матросов заподозрили в намеренном убийстве начальника экспедиции. Дело расследовали

архангельские и петроградские судебные органы. Линника и Пустошного допрашивали, но прямых улик их виновности не обнаружилось – о болезни Седова все знали, а произвести розыск и судебно-медицинское вскрытие его тела было, конечно, невозможно. Дело прекратили…

Минуло 23 года. На острове Рудольфа зимовали советские летчики с самолетами, обеспечивавшие безопасность дрейфа папанинцев. Пилоты с нетерпением ждали, когда весеннее солнце растопит снег и можно будет поискать следы экспедиции Седова, а также его могилу.

И вот наступила весна 1938 года. Вначале поиски были безуспешными. Но вот наконец удача! Неподалеку от бухты Теплиц-бай, на мысе Аук (а вовсе не на мысе Бророк, в нескольких километрах от него!) летчики нашли флагшток с надписью: «Sedov Pol. Exped. 1914.» и обрывки русского флага. Останков Седова рядом не оказалось. Странным образом исчезли нарты, кирка, молоток и крест.

Летчики начали обследовать брошенную базу в Теплиц-бай. Каково же было их удивление, когда среди разбросанных вещей в жилой постройке они увидели… дамскую туфельку – лакированную, с небольшой ножки, чуть поношенную, но прекрасно сохранившуюся. На белой лайковой подкладке отчетливо виднелась золотая надпись: «Поставщик Двора Его Императорского Величества. Санкт-Петербург». Штурман В.И. Аккуратов вспоминал: «Ошеломленные, мы передавали из рук в руки это изящное изделие, ломая голову, как оно могло попасть сюда, на край земли».

Среди иностранных полярников, которые здесь когда-то базировались, женщин не было. Значит, туфелька была взята с собой. Но кем? Не Седовым ли, раз она русского происхождения? Аккуратов был почти уверен, что туфельку своей жены вез именно Седов. Возможно, хотел оставить ее на полюсе?

Значит, Линник и Пустошный все-таки посетили бухту Теплиц-бай с Седовым или уже без него. Почему же они это отрицали? Почему рядом с флагом не оказалось останков Седова, а также нарт и других предметов? Есть во всем этом некая тайна, скрывающая трагический финал роковой экспедиции…

Гибель «Титаника»: старые и новые загадки[7]

«Титаник» – крупнейшее пассажирское судно начала XX века, принадлежавшее английской почтово-пассажирской пароходной компании «Уайт Стар Лайнз» – был построен в 1911 году. Его водоизмещение составляло 46 328 тонн, длина – 269 метров, скорость – 25 узлов. Во время своего первого плавания из Саутгемптона в Нью-Йорк в ночь с 14 на 15 апреля 1912 года «Титаник», столкнувшись с айсбергом, затонул в 800 километрах к юго-востоку от острова Ньюфаундленд. Число погибших, по различным данным, составило от 1400 до 1517 человек (всего на борту было около 2200 человек). Страховые компании выплатили родственникам жертв катастрофы более 14 миллионов фунтов стерлингов, по тем временам – астрономическая сумма. Гибель «Титаника» – одна из величайших морских катастроф XX века.

1 сентября 1985 года трое участников подводной экспедиции, возглавляемой профессором Робертом Баллардом, опустились в батискафе «Альвин» на глубину свыше четырех километров и впервые через 73 года после катастрофы увидели на морском дне разломившийся на две части корпус «Титаника». Однако его обследование не только не прояснило некоторых загадочных обстоятельств гибели гигантского лайнера, но и вызвало много новых вопросов.

Так, все эти годы считалось, что «Титаник» затонул оттого, что при столкновении айсберг распорол ему обшивку правого борта ниже ватерлинии на длину около 60 метров. Однако экспедиция Балларда обнаружила в обшивке корпуса только шесть сравнительно небольших разрывов, края которых были вывернуты наружу. Такие повреждения могли, например, возникнуть в результате взрыва (или взрывов) внутри корпуса судна. Но отчего произошли эти взрывы и как они связаны с ударом об айсберг?

Возможно, события развивались так. Айсберг пробил бортовую обшивку ниже ватерлинии на уровне машинного отделения, и туда хлынула холодная морская вода, имевшая температуру 2 градуса по Цельсию. Когда она стала заливать паровые котлы, в их раскаленных стенках из-за резкой разницы температур возникли колоссальные напряжения. Металл не выдержал, стенки лопнули, и котлы, давление пара в которых достигало 150 атмосфер, начали взрываться. Взрывы увеличивали размеры полученных при столкновении пробоин и создавали новые, выворачивая их рваные края наружу…

Факт столкновения «Титаника» с плавучей ледяной горой сомнения не вызывает. Его засвидетельствовали многочисленные пассажиры и члены команды, которым посчастливилось остаться в живых. Но почему, опять-таки по свидетельствам очевидцев, ни пассажиры, ни члены команды не почувствовали ничего, кроме легкого содрогания корпуса и как бы отзвука далекого взрыва? А ведь о гигантскую ледяную глыбу, имевшую твердость скалы, ударилось тело массой 66 000 тонн, двигавшееся со скоростью 40 км/час!

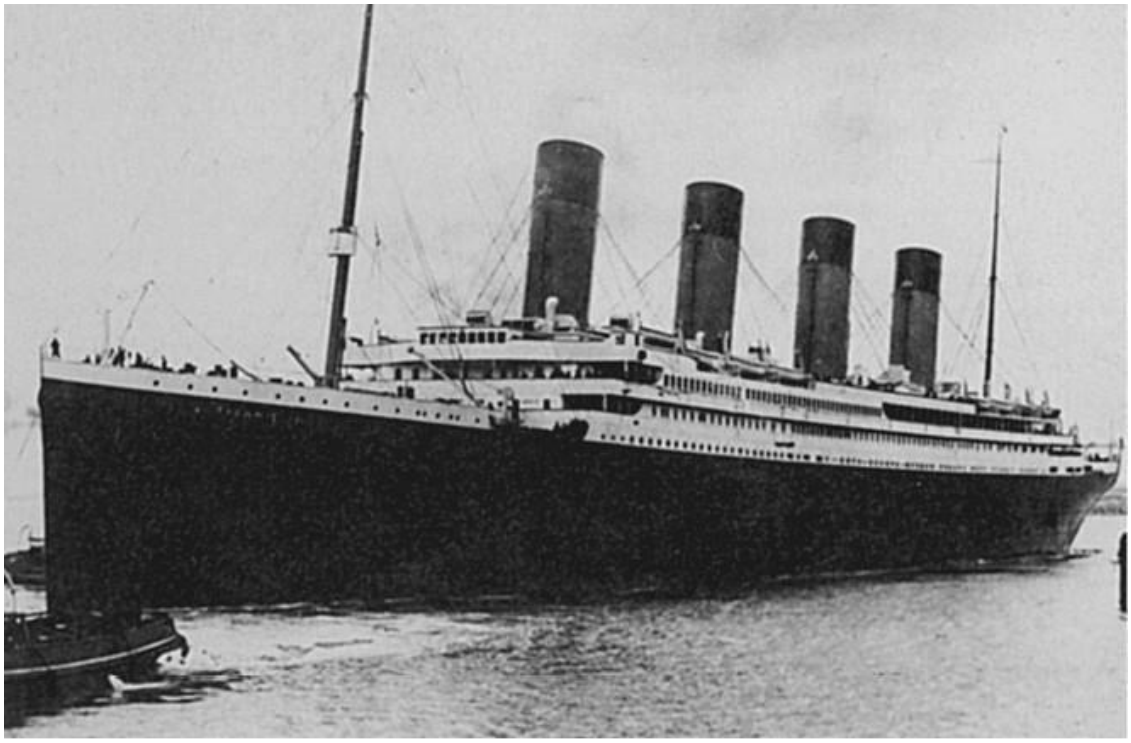
Может быть, «Титаник» вовсе и не столкнулся с айсбергом, а лишь слегка коснулся его? А столкнулся он с чем-то совсем другим? Или это «что-то» намеренно столкнулось с лайнером, использовав айсберг в качестве «ширмы» и став истинным виновником гибели судна?

Ну а если все-таки виновник – айсберг, то почему вообще произошло это столкновение? Как могло случиться, что при ясной, безветренной погоде и полном отсутствии волнения на море – явлении удивительном для этих широт и этого времени года – вахтенным офицерам и матросам не удалось вовремя заметить опасность и принять меры к тому, чтобы

[7] Материал В. Ильина.

избежать катастрофы? Тем более что, как выяснилось позже, на пути следования «Титаника» роковой айсберг был единственным в радиусе нескольких десятков миль.

Не поддается объяснению и странная беспечность капитана Смита и его двух вахтенных помощников, Мэрдока и Лайтоллера. В свое время ее причиной были признаны ясная погода и полный штиль на море. Эта беспечность проявилась, в частности, в том, что матросов-наблюдателей в «вороньем гнезде» на мачте даже не снабдили биноклями. Они следили за окружающей обстановкой невооруженным глазом! Не было и вахтенного-впередсмотрящего на носу корабля. Когда неизбежность столкновения с айсбергом стала очевидной, роковую и непростительную для профессионала ошибку совершил старший помощник капитана Уильям Мэрдок. Если бы в тот момент он дал команду «Полный назад! Прямо руль!», то «Титаник» остался бы на плаву. Расчеты показали, что в этом случае при столкновении оказались бы разбитыми два носовых водонепроницаемых отсека, судно получило бы дифферент на нос, который легко устранялся заполнением забортной водой двух кормовых отсеков. Оставшиеся невредимыми остальные 12 отсеков обеспечили бы «Титанику» плавучесть, и если при этом он все же не смог бы своим ходом дойти до Нью-Йорка, то, по крайней мере, все пассажиры и члены команды были бы спасены.



Пассажирский лайнер «Титаник»

К несчастью, Мэрдок скомандовал по-другому: «Полный назад! Лево руля!», подставив под удар айсберга весь правый борт лайнера. Результат этой ошибки опытнейшего морского офицера известен…

Комиссия, расследовавшая обстоятельства гибели «Титаника», пришла к заключению, что ближе всех от места катастрофы был пароход «Калифорниен» – единственное судно, которое, по мнению комиссии, могло бы прийти на помощь гибнущему лайнеру, тем более что оба они находились один от другого в пределах прямой видимости. Следственная комиссия признала Стенли Лорда, капитана парохода «Калифорниен», одним из виновников гибели более чем полутора тысяч человек, находившихся на борту «Титаника». Обвинение в умышленном неоказании помощи людям, терпящим бедствие на море, является столь тяж-

ким для любого моряка, а тем более для капитана судна, что ставит крест на его профессиональной репутации и дальнейшей морской карьере.

В течение многих лет заключение комиссии не подвергалось сомнению, и лишь в 1968 году Американская ассоциация капитанов торгового флота, повторно изучив обстоятельства гибели «Титаника», пришла к выводу, что обвинение, выдвинутое против капитана Стенли Лорда пятьдесят с лишним лет тому назад, было ошибочным. «Калифорниен» находился слишком далеко, с него не могли видеть тонущий «Титаник». Было доказано, что расстояние между этими двумя судами было настолько велико, что для них исключалась возможность видеть даже ходовые огни друг друга. Однако вместе с тем выяснилось, что между тонущим «Титаником» и лежащим в дрейфе «Калифорниен» оказалось еще какое-то судно, причем с «Титаника» его принимали за «Калифорниен», а с «Калифорниен» – за «Титаника». Название и принадлежность этого судна-призрака остаются загадкой до сих пор. Характер маневров таинственного судна (назовем его «Икс») удалось достаточно точно установить по записям в вахтенном журнале «Калифорниен» и по показаниям членов его команды, а также людей, спасшихся с «Титаника». Эти маневры представляются достаточно странными.

«Икс», идущий курсом с северо-востока на юго-запад, попадает в поле зрения вахтенных на обоих упомянутых судах примерно в одно и то же время – в 22.25. Ровно в 23.40, то есть в тот момент, когда «Титаник» сталкивается с айсбергом, «Икс» стопорит машины и ложится в дрейф, а затем… разворачивается на 180 градусов, словно намереваясь пойти обратным курсом! Однако он этого не делает и до 02.05 продолжает дрейфовать, словно бы издали – с расстояния около шести морских миль – наблюдая за развитием трагедии «Титаника». После этого «Икс» запускает машины, снова разворачивается на 180 градусов и уходит на юго-запад. В 02.40 его ходовые огни пропадают из поля зрения вахтенных на «Калифорниен».

Что же это был за «Икс» и почему он вел себя так странно? И если с него в течение двух с лишним часов безучастно наблюдали, как тонет «Титаник», то не причастен ли он к гибели лайнера? А может, «Икс» вовсе и не был судном?

Прошло сто лет. Никого из спасшихся пассажиров сегодня нет в живых. Настало время расставить новые акценты, не опасаясь праведного гнева родных и близких утонувших и спасшихся.

Потому-то некоторые дельцы производят щедрые вливания в глубоководные атлантические проекты. Потому-то нет более смысла скрывать грянувшие как гром среди ясного неба результаты «хождения» в 1996 году на «Титаник» французской экспедиции «Эллипс программ» и английской «Дискавери ченелл», сопровождаемых напичканным сканирующей электроникой судном «Надир». Как четко явствует из документов, пароход покоится на глубине 3826 метров, и на его корпусе нет оставленного от касательного контакта с айсбергом протяженного и широкого канального отверстия, зато есть шесть расположенных ниже ватерлинии на носу круглых компактных дыр, с металлом, загнутым вовнутрь. Эксперты пишут: «Судно погружалось на протяжении двух с лишним часов, поначалу незаметно для экипажа. Если бы случилось столкновение с айсбергом, то через огромную пробоину массы воды заполнили бы корпус почти мгновенно. Однако этого не последовало, потому что общая площадь “водозаборных” дырок не превысила пяти квадратных метров. Отсюда следует, что торпедная атака была. Торпеды выпустил неустановленный военный корабль, а никак не подводная лодка: субмарины тогда имели ограниченную дальность хода, и ничтожно вероятно, что даже лучшая из них получила приказ уничтожить лайнер в Атлантическом океане».

В 2002 году американцы с минимальной оглаской повторно обследовали корпус «Титаника», сумев внедрить юркие, не связанные кабелями с основным глубоководным аппаратом зонды в отдаленные и потаенные закоулки гиганта. Материалы видеосъемок, вопреки ожи-

даниям, не получили огласки, кроме заявления, что найдены новые, по левой корме, ближе к днищу, пробоины, подозрительно похожие на следы торпед. Эксперт Дональд Вильман напомнил, что выжившие пассажиры и члены экипажа давали показания о том, что отчетливо слышали в чреве судна серию локальных взрывов. Он предполагает, что торпедных атак на самом деле было две. Скорее всего, для верности «контрольный» залп был произведен еще одним кораблем, легшим в дрейф и под покровом ночи сделавшим свое черное дело.

Версия о торпедировании теоретически непотопляемого «Титаника» в кругах ученых – участников глубоководных и исследовательских экспедиций – уверенно отвоевывает право на жизнь, прежде всего потому, что на корпусах судов, пострадавших от столкновений с ледяными горами, обязательно наличествуют огромные пробоины площадью 25–30 метров. «Титаник» же отмечен несоразмерно меньшими отверстиями, расположенными в отдаленных друг от друга местах.

Относительно того, будет ли поднят бронированный, загруженный слитками платины и золота отсек, находившийся на судне и хранивший какие-то тайные доказательства вины покушавшихся на судно злоумышленников, мнение едино. Это непременно сделают, несмотря на технологические сложности: слишком многое здесь поставлено на карту! Если это произойдет, эксперты смогут доказать, что «Титаник» был погублен преднамеренно.

Таинственная смерть Рудольфа Дизеля[8]

Последний сентябрьский день 1913 года клонился к вечеру. До начала очередного регулярного рейса парохода «Дрезден» из Антверпена в Англию оставались считанные минуты. На верхней палубе особняком стояли три пассажира. Двое из них – Георг Грейс и Альфред Люкманн – уже зарегистрировались в журнале пассажиров, а третий – Рудольф Дизель – почему-то не сделал этого. Может быть, понадеялся на своих попутчиков или просто забыл?

Рудольф Дизель

Когда в вечерней дымке исчезли огни порта, все трое направились в ресторан, где и продолжили беседу. Инженер Дизель рассказывал попутчикам о своей жене, потом об изобретении. Его собеседники больше интересовались политикой, в частности, деятельностью лорда адмиралтейства Уинстона Черчилля, который ратовал за коренную модернизацию британского флота. Беседа коснулась и накалявшихся международных отношений, все отчетливее вырисовывающегося призрака большой войны. Эта тема тогда была у многих на устах, ведь первый очаг войны уже пылал на Балканах.

[8] Материал Виктора Рощаховского.

Около десяти вечера Рудольф Дизель раскланялся со своими новыми знакомыми и спустился в свою каюту. Перед тем как открыть дверь, он остановил стюарда и сказал, чтобы тот разбудил его рано утром – в четверть седьмого. Затем в каюте вынул из чемодана пижаму и положил ее на постель. На стенку рядом повесил карманные часы на цепочке. Потом…

Что делал Дизель потом, никто не знает. Известно только, что утром в 6.15 стюард пытался разбудить пассажира, долго стучал в дверь, но безрезультатно. Тогда он открыл дверь и увидел несмятую постель, пижаму на ней и часы на стенке каюты. Вскоре вахтенный нашел на палубе шляпу и плащ изобретателя. Его самого нигде не было. На «Дрездене» подняли тревогу. Капитан без промедления опросил моряков, которые несли ночную вахту. Но об исчезнувшем инженере ничего выяснить не удалось – никто не видел ночью на палубах пассажиров.

Позже была сделана попытка восстановить картину происшествия. Опросили многих пассажиров и членов экипажа. В первую очередь были допрошены Георг Грейс и Альфред Люкманн, которые очень подробно рассказали о своей вечерней беседе с Дизелем. Они сообщили также, что он был разговорчив и в хорошем настроении. Оба этих господина пользовались репутацией солидных людей, и не было никаких оснований сомневаться в их показаниях. Долго допрашивали стюарда, но перепуганный молодой человек снова и снова повторял сказанное им в самом начале: пассажир попросил его разбудить, но утром в каюте его не оказалось.

Известие об исчезновении Рудольфа Дизеля попало на страницы прессы. Вначале была высказана версия, что изобретатель стал жертвой несчастного случая. Якобы Дизель в последние месяцы был на грани нервного срыва и перенес несколько сердечных приступов. С пылом очевидцев репортеры описывали, как изобретатель, чтобы как-то справиться с бессонницей, вышел на палубу подышать свежим воздухом, а там с ним случился сердечный приступ – изобретатель навалился на перила, потерял равновесие и рухнул за борт. Ночью этого никто не заметил.

Но эта версия была моментально опровергнута. Во-первых, лечащий врач Дизеля заявил, что никакие сердечные недуги не донимали его пациента. Во-вторых, с решительным опровержением выступил капитан «Дрездена»: высота перил на пароходе более метра, и любой несчастный случай из-за неосторожности исключается. Может быть, исчезнувший пассажир был пьян? Но все знавшие Дизеля в один голос заявили: абсурд, изобретатель в рот не брал спиртного!

В газетах появилась иная версия: самоубийство. Дизелю, дескать, грозило банкротство, полное разорение. Его изыскания, экспериментальные работы финансировал Крупп, вложив в это предприятие немалые деньги. И теперь пришло время платить по счетам…

Но и эта версия была подвергнута серьезным сомнениям, так как Крупп получил монопольное право использовать изобретения Дизеля на территории Германии. Да и сам изобретатель, по свидетельству близких и знакомых, не испытывал финансовых затруднений. Ладно, соглашались сторонники этой версии, пусть не банкротство, но мало ли какие могут быть причины для самоубийства! Возможно, у Дизеля была какая-то тайна, о которой никто не знал…

Оппоненты возражали: если это было самоубийство, то как объяснить поведение Дизеля за несколько часов до его кончины? Он весь вечер находился в благодушном настроении, был разговорчив, даже шутил. Зачем тогда приготовил ночную пижаму? А часы на стенке каюты? Зачем просил стюарда разбудить его в определенное время? Разве так ведет себя человек, решившийся на отчаянный поступок? Да и вряд ли он ушел бы из жизни, не оставив даже прощальной записки своим близким, тем, кого так нежно любил.

Странно, но почему-то на первых порах никого не волновал вопрос: а зачем, собственно говоря, Рудольф Дизель отправился в Англию и что там собирался делать? Лишь

когда пришла пора над этим задуматься, возникла третья версия: Дизель был убит, так как собирался продать свой патент англичанам. Эту гипотезу высказали английские, а потом и американские журналисты. Например, журнал «Нью-Йорк уорлд» в 1915 году писал: «Устранение творца принципиально нового двигателя выглядит как обвинение в измене фатерланду. С другой стороны, преследовалась цель сохранить тайну двигателя, необходимого для подводных лодок. Изобретателя сбросили за борт, чтобы патент не попал к англичанам…»

Версия об убийстве представляется наиболее правдоподобной и логичной. Это отметил в своих мемуарах и Уинстон Черчилль, который во время последнего плавания Дизеля был первым лордом адмиралтейства и прилагал огромные усилия для модернизации британского флота. Можно допустить, что именно Черчилль явился инициатором поездки немецкого инженера в Лондон.

Конечно же поездка в Англию изобретателя перспективного двигателя не могла остаться незамеченной в Германии, готовящейся к войне. В итоге агенту или агентам кайзеровской тайной полиции было поручено ликвидировать «предателя». Разыгранный вариант «акции» был, видимо, признан самым оптимальным: изобретателя сбросили в море. Шляпа и плащ, оставленные на палубе, должны были подкрепить версию о самоубийстве. Изобретателя объявили без вести пропавшим, а для того чтобы пустить следствие по ложному пути, придумали версию о самоубийстве.

Странно, что досконально не была выяснена роль попутчиков изобретателя – господ Грейса и Люкманна. И можно ли быть уверенными, что никто из команды «Дрездена» действительно не видел ночью ничего странного? Впрочем, кто нес ответственность за расследование этого криминального происшествия? Происшествия, которое произошло в открытом море на немецком пассажирском судне…

А почти через год, в июле 1914 года, началась Первая мировая война. Это отодвинуло на задний план загадку исчезновения Рудольфа Дизеля…

Последняя тайна генерала Самсонова

…Русская армия вступила в Восточную Пруссию 14 августа 1914 года. Вступила преждевременно, не отмобилизовавшись полностью – союзники-французы умоляли: спасите Париж! Кайзеровские войска рвались к Марне. В ответ Петербург принял решение ударить на Кёнигсберг. Но на пути лежали огромные Мазурские болота. Первая русская армия под командованием Ренненкампфа должна была обойти их с севера, а с юга двигалась Вторая армия под началом генерал-лейтенанта Александра Васильевича Самсонова.

Германских войск в Восточной Пруссии было в два раза больше, чем в наступавших русских армиях. Однако первые же бои принесли немцам поражение. Победа русских войск под Гумбиненом повергла в панику ставку кайзера и заставила приостановить наступление на Париж.

Но союзникам было этого мало. Лондон и Париж давили на русскую ставку: «Продолжайте наступление! Гоните немцев! Спасайте европейскую цивилизацию!» Оторвавшись от тылов, оставшись без обозов с продовольствием и боеприпасами, армия Самсонова все больше углублялась в заболоченные леса. Железная дорога проходила неподалеку, но узкая немецкая колея не могла принять русские вагоны. Эшелоны стояли на границе, заблокировав все пути на станции Млава.

Окруженная превосходящими силами противника армия Самсонова продолжала сражаться. Были предприняты отчаянные попытки прорваться к своим, но немногим это удалось. Из 80-тысячной армии уцелело лишь около 20 тыс. человек, в плен попали 30 тыс., 20 тыс. раненых остались в болотах Восточной Пруссии, остальные погибли или пропали без вести.

Генерал Александр Васильевич Самсонов

В группе, в которой пробивался к своим командующий армией, находились генерал Лебедев, полковник Вялов, несколько офицеров и солдат. 29 августа они оказались в болотистой местности неподалеку от города Вельбарк. Все шли пешком, была лишь одна повозка: в ней, укрытый брезентом, лежал металлический ящик – казна Второй армии, составляющая почти 300 тыс. рублей золотом. В ящике хранились и ордена, изготовленные из золота и серебра…

Группа Самсонова вышла из окружения 31 августа в районе Остроленки. Но среди спасшихся командующего армией не оказалось. По-разному описывают очевидцы его судьбу. Один из офицеров в своих воспоминаниях пишет, что генерал погиб от разрыва снаряда, другой, что, мучимый астмой, генерал отошел от своих подальше и застрелился. Правду о последних минутах Самсонова мы, наверное, не узнаем никогда.

В реляции о разгроме армии Самсонова кайзеровское командование среди захваченных трофеев упомянуло 22 знамени и 32 тыс. рублей золотом. Армейская же казна была ровно в 10 раз больше. Куда же она девалась?

Первые поиски начались уже в 1916 году, когда еще шла война. В Вельбарке появились неизвестные люди, расспрашивавшие местных жителей о русских золотых монетах. Значит, не попала армейская казна в руки немцев! А через несколько лет один из местных жителей, отправившись в лес за грибами, вернулся с пригоршней золотых монет. Когда его попросили

показать место, он не смог этого сделать… Занимался поисками и бывший царский генерал Носков, эмигрировавший после революции в Германию, но – безуспешно.

После Второй мировой войны эти земли отошли к Польше. В местах былых боев создали военный полигон Войска Польского. В 1960-е годы в этих местах появились оснащенные металлоискателями польские офицеры. Их сопровождал пожилой человек – по его словам, возница той самой брички, которая везла металлический сундук. Он утверждал, что генерал лично приказал ему вывезти из окружения ценный груз. Возница взялся выполнять поручение, но при переезде через какой-то ручей бричка увязла. Тогда решили выкопать яму и спрятать золото там.

Более недели провели на полигоне офицеры, но кроме осколков снарядов их детекторы ничего не засекли. После них здесь не раз ходили местные жители – искали золото генерала Самсонова. И находили! Попадалось оно и солдатам, рывшим окопы на полигоне, несколько раз крестьянский плуг выворачивал на борозде пару золотых монет, а однажды обнаружился даже сверток, в котором оказался золотой Георгиевский крест. Но это – не то золото…

– И недели не проходит, чтобы кто-то не приезжал сюда и не расспрашивал про клад, – рассказывает здешний лесничий П. Станчак. – Но больше всего народу приходит 30 августа…

Почему? Оказывается, один из русских офицеров, сопровождавших повозку, написал в мемуарах, что золото они зарыли в тени огромного дуба. Легенда гласит, что 30 августа, ровно в полдень, тень от самой большой ветви старого дуба покажет место, где надо искать…

Гибель «Императрицы Марии»[9]

До сих пор многие умы будоражит трагическая гибель в 1916 году одного из лучших боевых судов русского флота – линейного корабля «Императрица Мария». Появление этого корабля приходится на период, когда возрождение отечественной морской мощи после трагедии Цусимы стало одной из главнейших задач. Решение об усилении Черноморского флота новыми линкорами было вызвано и намерением Турции – давнего противника России на юге – приобрести за границей три современных линейных корабля типа дредноут, что сразу же обеспечивало ей превосходство на Черном море. Чтобы сохранить паритет, Морское ведомство России настояло на безотлагательном усилении Черноморского флота за счет ввода в строй новейших линкоров.

11 июня 1911 года одновременно с церемонией официальной закладки новый корабль был зачислен в состав русского императорского флота под названием «Императрица Мария». «Мария» была спущена на воду 6 октября 1913 года, а 23 июня 1915 года, подняв флаги, начала настоящую боевую флотскую жизнь.

Линкор имел водоизмещение 25 465 тонн, длина корабля составляла 168 метров, скорость – 21 узел. «Мария» несла на борту двенадцать 305-мм орудий главного калибра, двадцать 130-мм орудий, имелась противоминная артиллерия и торпедные аппараты, корабль был хорошо бронирован.

Уже через несколько месяцев после прихода в Севастополь «Мария» принимает активное участие в боевых операциях против германо-турецкого флота. На линкоре держит флаг командующий Черноморским флотом адмирал Александр Колчак. А ввод в строй однотипного линейного корабля «Императрица Екатерина Великая» положил окончательный предел господству на Черном море германских крейсеров.

Ранним утром 7 октября 1916 года в 00 часов 20 минут на стоявшем в Северной бухте Севастополя линейном корабле «Императрица Мария» прогремел взрыв. Затем в течение 48 минут – еще пятнадцать. Корабль начал крениться на правый борт и, перевернувшись, затонул. Русский военный флот потерял в то утро 217 моряков и один из сильнейших боевых кораблей.

Трагедия потрясла всю Россию. Выяснением причин гибели линкора занялась комиссия Морского министерства, которую возглавил адмирал Н.М. Яковлев. В составе комиссии был и известный кораблестроитель, член Академии наук России А.Н. Крылов, который стал автором заключения, одобренного всеми членами комиссии.

В ходе проведенного расследования были представлены три версии гибели линкора.

1. Самовозгорание пороха.
2. Небрежность в обращении с огнем или порохом.
3. Злой умысел.

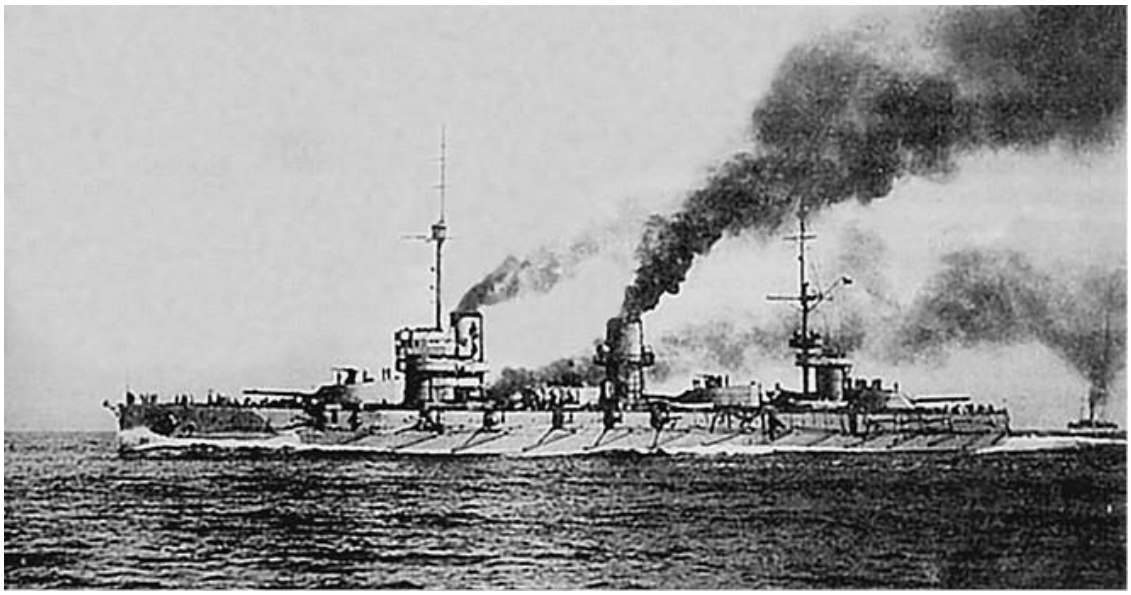
Однако после рассмотрения всех трех версий комиссия заключила, что «прийти к точному и доказательно обоснованному выводу не представляется возможным, приходится лишь оценивать вероятность этих предположений, сопоставляя выяснившиеся при следствии обстоятельства».

Из возможных версий две первые комиссия в принципе не исключала. Что касается злого умысла, то, даже установив ряд нарушений в правилах доступа к артиллерийским погребам и недостаток контроля за находившимися на корабле рабочими-ремонтниками, комиссия посчитала эту версию маловероятной. Таким образом, ни одна из выдвинутых комиссией версий не нашла достаточного фактического подтверждения.

---

[9] Материал А. Черепкова, А. Шишкина.

Между тем новые документы, уже из архивов советской контрразведки, свидетельствуют о пристальном внимании к «Императрице Марии» и другим кораблям Черноморского флота германской военной разведки. В 1933 году органами ОГПУ Украины в крупном судостроительном центре страны Николаеве была разоблачена немецкая резидентура, действовавшая под прикрытием торговой фирмы «Контроль-К», возглавляемой Виктором Эдуардовичем Верманом, 1883 года рождения, уроженцем города Херсона, проживавшим в Николаеве и работавшим начальником механосборочного цеха «Плуг и молот». Цель организации – срыв судостроительной программы набирающего мощь военного и торгового флота Советского Союза. Конкретные задачи – совершение диверсий на Николаевском заводе имени Анри Марта, а также сбор информации о строящихся там судах, большинство из которых были военными.



Линкор «Императрица Мария»

Сам Верман являлся разведчиком с дореволюционным стажем. На допросе он рассказывал: «Шпионской деятельностью я стал заниматься в 1908 году (именно с этого периода начинается осуществление новой морской программы России. – *Авт.*) в Николаеве, работая на заводе “Наваль” в отделе морских машин. Вовлечен в шпионскую деятельность я был группой немецких инженеров того отдела, состоящей из инженеров Моора и Гана». И далее: «Моор и Ган, а более всего первый, стали меня обрабатывать и вовлекать в разведывательную работу в пользу Германии».

Верману было поручено взять на себя руководство всей немецкой разведсетью на юге России: в Николаеве, Одессе, Херсоне и Севастополе. Он вербовал людей для разведывательной работы в Николаеве, Одессе, Севастополе и Херсоне, собирал материалы о промышленных предприятиях, данные о строящихся военных судах подводного и надводного плавания, их конструкции, вооружении, тоннаже, скорости.

На допросе Верман рассказывал: «Из лиц, мною лично завербованных для шпионской работы в период 1908–1914 гг., я помню следующих: Штайвеха, Блимке, Наймаера, Линке Бруно, инженера Шеффера, электрика Сгибнева». Все они сотрудники судостроительных заводов, имевшие право прохода на строящиеся корабли. Особый интерес вызвал электрик А.В. Сгибнев. Он отвечал за работы по оборудованию временного освещения строящихся на «Руссуде» военных кораблей, в том числе и «Императрицы Марии».

В ходе следствия Сгибнев показал, что Вермана очень интересовала схема артиллерийских башен дредноутов. А ведь первый взрыв на линкоре «Императрица Мария» раздался именно под носовой артиллерийской башней. «В период 1912–1914 гг., – рассказывал Сгибнев, – я передавал Верману сведения в устной форме о строящихся линейных кораблях типа дредноут, “Мария” и “Александр III” в рамках того, что мне было известно о ходе их постройки и сроках готовности отдельных отсеков кораблей».

Во время взрыва на «Марии» Верман был депортирован и лично организовать диверсию он не мог. Но в Николаеве и Севастополе была оставлена хорошо подготовленная разведсеть. Позднее он сам говорил об этом: «Я лично осуществлял связь с 1908 года по разведывательной работе со следующими городами: …Севастополем, где разведывательной работой руководил инженер-механик завода “Наваль” Визер, находившийся в Севастополе по поручению нашего завода специально для монтажа строившегося в Севастополе броненосца “Златоуст”. Знаю, что у Визера была своя шпионская сеть в Севастополе, из состава которой я помню только конструктора адмиралтейства Карпова Ивана, с которым мне приходилось лично сталкиваться».

Не участвовал ли Визер в достройке «Императрицы Марии» или ее ремонте в начале октября 1916 года? Тогда на борту корабля ежедневно находились десятки инженеров, техников и рабочих. Проход на корабль этих людей не составлял труда. Вот что об этом говорится в письме севастопольского жандармского управления начальнику штаба командующего Черноморским флотом: «Матросы говорят о том, что рабочие по проводке электричества, бывшие на корабле накануне взрыва, до 10 часов вечера могли что-нибудь учинить и со злым умыслом, так как рабочие при входе на корабль совершенно не осматривались и работали также без досмотра. Особенно высказывается подозрение в этом отношении на инженера той фирмы, что на Нахимовском проспекте, д. 355, якобы накануне взрыва уехавшего из Севастополя».

Вопросов много. Но ясно одно – постройка новейших линкоров Черноморского флота, в том числе «Императрицы Марии», «опекалась» агентами германской военной разведки самым плотным образом. Немцев очень беспокоил русский военный потенциал на Черном море, и они могли пойти на любые действия, чтобы не допустить превосходства России на данном театре военных действий.

В связи с этим интересны сведения агента петроградского Департамента полиции, выступавшего под псевдонимами «Александров», «Ленин» и «Шарль». Его настоящее имя Бенциан Долин. В период Первой мировой войны Долин, как и многие другие агенты политической полиции, был переориентирован на работу в области внешней контрразведки. «Шарль» вышел на контакт с немецкой военной разведкой и получил задание вывести из строя «Императрицу Марию». Один из руководителей немецкой разведки, с которым агент встретился в Берне, сказал ему: «У русских одно преимущество перед нами на Черном море – это “Мария”. Постарайтесь убрать ее. Тогда наши силы будут равны, а при равенстве сил мы победим».

На запрос «Шарля» в петроградский Департамент полиции он получил распоряжение принять с некоторыми оговорками предложение об уничтожении русского линкора. По возвращении в Петроград агент был передан в распоряжение военных властей, однако связь с ним не была восстановлена. В результате такого бездействия были утеряны контакты с германской разведкой, на очередную встречу с которой агент должен был выйти через два месяца в Стокгольме. Еще через некоторое время «Шарль» узнал из газет о взрывах на «Императрице Марии». Отправленное им в связи с этим событием письмо в Департамент полиции осталось без ответа.

Следствие по делу арестованных в Николаеве германских агентов было закончено в 1934 году. Вызывает недоумение легкость наказания, понесенного Верманом и Сгибневым.

Первый был выдворен за пределы СССР в марте 1934 года, второй – приговорен к 3 годам лагерей. Хотя, собственно, что ж недоумевать?! Ведь они помогали большевикам бороться с «ненавистным царизмом»! Более того: в 1989 году оба были реабилитированы. В заключении органов юстиции говорится, что Верман, Сгибнев, а также Шеффер (который понес самое тяжкое наказание – был приговорен к расстрелу, хотя сведений о приведении приговора в исполнение не имеется) попадают под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв политических репрессий, имевших место в период 30—40-х и начала 50-х годов».

Кто стрелял в Ленина?[10]

1918 год для Российской империи начался на два месяца раньше – 25 октября 1917 года, или 8 ноября по новому стилю. Именно в ночь с 25-го на 26-е в Петрограде произошел государственный переворот, названный впоследствии Великой Октябрьской революцией. Проснувшись утром 26-го, перепуганный петроградский обыватель с удивлением обнаружил, что многие магазины и учреждения не работают, правительство Керенского свергнуто, сам он бежал, а власть захватили большевики – Российская социал-демократическая рабочая партия, во главе которой стоял мало кому известный в ту пору в России Владимир Ульянов. Этот рыжеватый, невысокого роста, сын учителя из провинциального волжского городка Симбирска, юрист по профессии, революционер с двадцатилетним опытом был хорошо знаком лишь царской охранке.

Последний раз Владимир Ульянов был арестован в 1895 году, сослан в Сибирь и после ссылки уехал за границу, где провел 16 лет. Больше теоретик, нежели практик, он, обладая огромными организаторскими способностями, создал за границей партию, поставившую своей целью захват власти в России.

Заботясь о партийной кассе, Ленин не брезговал ни подношениями крупных фабрикантов, ни разбоем своих партийных террористов, грабивших банки и пароходы, – двое из них вошли в историю партии: легендарный Камо (Тер-Петросян) и не менее легендарный Коба, он же Иосиф Джугашвили, которого весь мир будет знать под другим именем – Иосиф Сталин. Но любые деньги когда-то кончаются. Между тем началась Первая мировая война. Ленин делает немцам совершенно невероятное и фантастическое предложение: вывести Россию из войны. Германия держала на Восточном фронте 107 дивизий, почти половину своих войск. Кто же откажется от такой заманчивой сделки, тем более что Ленин никак не походил на шутника? И за два года – с 1915 по 1917-й – в партийную кассу большевиков, по подсчетам современных исследователей, перекочевало более 50 миллионов золотых марок – сумма немаленькая!

Ленин сдержал свое слово. 25 октября 1917 года большевики, вскормленные на немецкие деньги, насильственным путем захватили власть, а 3 марта 1918-го Советская Россия подписала мирный договор с Германией, по которому немцам отходил 1 миллион квадратных километров территории нашей страны. Ленин также обязался выплатить Германии 50 миллиардов рублей контрибуции.

Взяв власть, Ленин начал с популистских деклараций, обещая всеобщий мир, землю – крестьянам, свободу и демократические права – всем остальным. Но партия Ленина не пользовалась популярностью в массах, зато в народе хорошо знали другую партию – социалистов-революционеров, эсеров. Это эсеры в основном вели подпольную работу, поднимали крестьянские восстания, организовывали стачки на заводах, это за ними в народном сознании закрепился ореол борцов с царизмом. Поэтому когда осенью 1917 года, уже после октябрьского переворота, состоялись выборы в Учредительное собрание – главный, как предполагалось тогда, законодательный орган новой революционной России, – эсеры одержали на них убедительнейшую победу, в то время как сторонники Ленина набрали всего четверть голосов. 5 января 1918 года, когда Учредительное собрание начало свое первое заседание, большевики вдруг поняли, что потеряли власть…

Это был черный день в жизни Ленина. И тогда он без всяких сантиментов распустил Учредительное собрание. А если быть более точным в определениях – разогнал. Пролетарский писатель Максим Горький позже утверждал, что это сделал «сознательный анархист»

[10] Материал Е. Латия, В. Романова.

матрос Анатолий Железняков, который, по его собственному признанию, готов был убить миллион человек, но вместе с братом-пропойцей успел застрелить лишь 43 офицера, уверяя, что после этого «самому, знаете, приятно делается, и на душе спокойно, словно ангелы поют…» Эсеры организовали демонстрацию протеста, но большевики тут же ее расстреляли.

Вчерашние соратники в борьбе против царя в один миг сделались врагами. Правые эсеры организовали свое правительство в Самаре, на Волге. Благодаря восстанию чехов они взяли власть в поволжских областях, захватили и большую часть золотого запаса бывшего царского правительства. Другая часть эсеровской партии – левые эсеры, хоть и обиделись на большевиков, но остались в правительстве, в ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с саботажем и контрреволюцией, которая была организована 7 декабря 1917 года и из которой позже вырос КГБ) и во ВЦИКе – во Всероссийском центральном исполнительном комитете, в самом нижнем этаже которого и стояли Советы. Этим последним формально и принадлежала власть, еще со времен знаменитого ленинского лозунга «Вся власть Советам!» Она и будет им формально принадлежать до распада красной империи в 1991 году, хотя с первого же дня революции власть в Советской России принадлежала только партии коммунистов-большевиков, а точнее ее вождям: большим – наверху, а маленьким – внизу, на местах.

Фанни Каплан

К внутренним бедам у большевиков прибавились и беды внешние. В марте 1918-го началась интервенция бывших союзников – Англии, Америки и Франции. На Дальнем Востоке высадились японцы, в Закавказье вторглись турки, в Омске власть захватил Колчак, объявив себя Верховным правителем России. На юге собирали антибольшевистскую армию Каледин и Деникин. К середине лета 1918 года большевики с трудом контролировали лишь одну четвертую часть всей России. Всем казалось, что власть Ленина доживает последние дни…

20 июня 1918 года в Петрограде был убит большевистский комиссар по делам печати Моисей Володарский. Спустя полтора месяца, 30 августа, застрелен руководитель Петроградской ЧК Моисей Урицкий. В тот же день, 30 августа 1918 года, вечером в Москве во дворе завода Михельсона раздались 4 выстрела. Человек небольшого роста, в кепке, стоявший возле машины, дернулся и упал навзничь на землю. Толпа, окружавшая его, шарахнулась в разные стороны, женщины завопили. К упавшему подбежали, перевернули.

– Поймали его или нет? – глухим шепотом произнес пострадавший. Ответить ему никто не мог. Еще через час по Москве разлетелась страшная новость: убили Ленина…

…За шесть дней до покушения на бульваре около Смоленского рынка встретились три человека: Дмитрий Донской, Григорий Семенов и Фанни Каплан. Донской, по профессии военный врач, контролировал и боевые группы эсеров. Одной из таких групп руководил Григорий Семенов, член той же партии. Донской нервно оглядывался: всех троих могли запросто загрести в ВЧК. Два дня назад на председательское место вернулся Феликс Дзержинский, который ушел было со своего поста после событий 6 июля в Москве. Тогда сотрудники ВЧК Блюмкин и Андреев застрелили немецкого посла Вильгельма Мирбаха, а Дзержинского – он поехал в отряд Попова, формально считавшийся отрядом ВЧК, чтобы арестовать Блюмкина, – разоружили и самого арестовали. Это привело Ленина в бешенство: что это за руководитель ВЧК, которого арестовывают собственные же бойцы?!

С Петерсом, который стал председателем ВЧК после ухода Дзержинского, у Ильича отношения не сложились. Феликс бегал в Кремль почти каждый день и все подробно докладывал, советовался, выполнял указания, а Петерс лишь посылал отчеты. Ильич же предпочитал держать ВЧК в поле ближнего зрения. Вот он и вернул Феликса на место. Дзержинский занимается сейчас ликвидацией «Национального центра», по городу рыщут чекисты, а тут на тебе – на лавочке сидит сам господин Семенов, под руководством которого был убит в Петрограде Моисей Володарский, а вместе с ним небезызвестная террористка Фаня Каплан и военный эсеровский вождь Дмитрий Донской. Хорошая компания!

Семенов представил Донскому Фанни – они формально были незнакомы – и предоставил ей слово. Фаня заявила, что готова убить Ленина…

К портрету Каплан: «Открытый лист номер 2122. Составлен в канцелярии Акатуйской тюрьмы 1913 году октября 1 дня. Каплан Фейга Хаимовна, ссыльно-каторжная 1 разряда. Волосы темно-русые, лет 28, лицо бледное, глаза карие, рост 2 аршина, 31/2 вершка, нос обыкновенный. Особые приметы: над правой бровью продольный рубец длиною 2,5 сантиметра. Дополнительные сведения: из мещан Речицкого еврейского общества. Родилась в 1887 году. Девица. Недвижимого имущества не имеет. Родители уехали в США в 1911-м году. Других родственников не имеет. За изготовление бомбы против киевского губернатора приговорена к расстрелу, он был заменен пожизненной каторгой. При изготовлении бомбы была ранена в голову, на каторге ослепла, позже зрение частично вернулось. На каторге хотела покончить с собой. По политическим взглядам стоит за Учредительное собрание».

Из отзыва Донского о Каплан: «Довольно привлекательная женщина, но, без сомнения, сумасшедшая, в дополнение к этому с различными недугами: глухота, полуслепота, а

в состоянии экзальтации – полный идиотизм». Заметим, что Донской – профессиональный врач…

– Я не понял, что вы сказали? – переспросил Фанни Дмитрий Дмитриевич.

– Я хочу убить Ленина, – ответила Каплан.

– Зачем? – не понял Донской.

– Потому что считаю его предателем революции, и само его существование подрывает веру в социализм.

– Чем же оно подрывает? – спросил Донской.

– Не хочу объяснять! – Фанни помолчала. – Он удаляет идею социализма на десятки лет!

Донской рассмеялся:

– Пойди-ка проспись, милая! Ленин не Марат, а ты не Шарлотта Корде! А главное, наш ЦК никогда на это не пойдет. Ты попала не по адресу. Даю добрый совет – выкинь все это из головы и никому больше не рассказывай!

Каплан была обескуражена таким ответом. Донской попрощался с ними и быстро стал уходить. Семенов его догнал, о чем-то поговорил, вернулся к Каплан и неожиданно объявил, что все в порядке.

– Донской одобрил мой план!

– Но он же сказал совсем другое, – не поняла Каплан.

– Ты что, хочешь, чтоб он первой встречной сказал: иди, убивай Ленина?! Конспирация, моя милая! Забыла совсем на каторге, как это делается! Пошли, теперь надо готовиться!

И они медленно двинулись по бульвару в сторону рынка…

27 августа 1918 года. Кремль. Ленин как обычно работал в своем кабинете, когда к нему зашел Яков Свердлов…

К портрету Свердлова: Яков Михайлович Свердлов родился в бедной еврейской семье в Екатеринбурге. 33 года. В 16 лет вступил в партию, был на подпольной работе, в ссылках. В 1918 году – председатель ВЦИКа, главного законодательного органа Советской республики. Свердлову подотчетна ВЧК, Ревтрибунал. Он второй человек после Ленина в партийной иерархии. Энергичен, честолюбив, умен, гибок, трезво оценивает обстановку. В его личном сейфе лежат бланки паспортов царского образца – для возможного бегства за границу (один из них заполнен на его имя), а также крупная сумма в виде золота, бриллиантов и царских ассигнаций…

Свердлов принес Ленину дополнение к Брест-Литовскому договору. Сегодня его предстояло подписать. После убийства немецкого посла в Москве немцы разорвали Брест-Литовский договор, и Ленину с огромным трудом удалось погасить конфликт, согласившись на новые, еще более грабительские условия немцев. Им пришлось отдать в долгосрочную концессию железные дороги, нефть, уголь, добычу золота. Кроме этого, Россия обязывалась передать Германии 245 564 килограмма золота, причем первый вывоз был запланирован на 5 сентября. Свердлов, показав Ленину дополнение, высказал обеспокоенность: на Москву надвигается голод, нет горючего для машин, растет сопротивление властям и откровенный саботаж. А этот договор лишь подольет масла в огонь и даст козырь эсерам в борьбе против них.

– Саботажников, заговорщиков и даже колеблющихся надо расстреливать на месте! – темпераментно проговорил Ленин. – Пусть на местах формируют тройки и расстреливают всех без всякого промедления! За хранение оружия – расстрел! За выступление против Советской власти – расстрел! Неблагонадежных арестовывать и вывозить в концентрационные лагеря, которые надо организовывать прямо за населенными пунктами: пусть все видят, что их ждет за подобные поступки!

Ильич поднялся из-за стола и стал энергично взмахивать рукой, словно диктовал очередную телеграмму. Свердлов знал, что немало телеграмм такого содержания ушло в Пензу, Самару, Кострому, Саратов. Председателя ВЦИКа охватывал ужас, когда он наблюдал за этой кровавой истерикой вождя.

– Мы и без того расстреливаем по сотне в день и многих сочувствующих нашей власти отталкиваем от себя этими жестокими методами, играя на руку Колчаку и Деникину. Они уже стали большевиками запугивать народ. Чтобы нам выжить и победить контрреволюцию, сейчас архинеобходимо сочувствие масс, их надо перетянуть на нашу сторону! – возразил Свердлов.

– Вот и перетягивайте! Вы – председатель ВЦИКа, глава законодательной власти, а я исполнитель! Я расстреливаю саботажников, контрреволюционеров и всякую остальную сволочь! А вы решайте задачи в более глобальном масштабе!

Ленин не без ехидства усмехнулся. Свердлов не понимал этого ленинского абсолютного спокойствия. Он как-то сказал Ильичу, что запаса их власти хватит всего на две недели – на столько в Москве оставалось продовольствия и керосина. Ленин обрадовался: он думал, что все уже давно кончилось. Но что же дальше делать?

– Реквизировать излишки у богатеев! Военный коммунизм! Поделись с соседом. Не хочешь делиться – к стенке!

– Но народ нас не поймет, – сказал Свердлов.

– Неужели? – удивился Ленин. – Жалко! Мы только начали этот эксперимент! Народ не поймет злодея. Поэтому нам надо притвориться сиротками: нас обижают, помогите! Вот над чем подумайте!

Свердлов задумался. Собрал своих секретарей – Енукидзе, Аванесова, члена ВЦИКа и ВЧК Кингисеппа, председателя ВЧК Петерса, чекиста Якова Юровского, еще совсем недавно по поручению Свердлова и Ленина ликвидировавшего в Екатеринбурге всю царскую семью. Они уединились, приняли все меры предосторожности, чтобы этот разговор не вышел за стены кабинета. Свердлов взял со всех твердый обет молчания. И предложил свой план спасения власти: неожиданный, хитроумный и – вынужденный…

…Боевой летучий отряд Семенова являлся центральной группой правоэсеровской партии. 20 июня член этого отряда Сергеев застрелил по приказу Семенова Моисея Володарского. ЦК правых эсеров, узнав об этом теракте, был возмущен тем, что Семенов самовольно осуществил его и публично отказался взять на себя ответственность. Тем самым Семенов фактически превращался в вожака банды, и смерть Володарского теперь лежала только на нем. Он впоследствии показывал: «Это заявление было для нас неожиданным и морально огромным ударом… Я виделся и говорил с Рабиновичем, и как представитель ЦК Рабинович от имени ЦК мне заявил, что я не имел права совершать акта».

Семенов хорошо понимал, что рано или поздно Донской и Гоц, лидеры партии правых эсеров, без особого душевного трепета сдадут его чекистам. После убийства Урицкого в Петрограде оставаться было опасно, и Семенов вместе с Сергеевым перебрался в Москву. Потом вызвал сюда другого боевика своей группы – Коноплеву.

Накануне ее приезда его пригласил к себе Енукидзе. Он был секретарем Свердлова и занимался вопросами военной разведки. Они были знакомы с Семеновым еще с юности. Енукидзе угостил Семенова ужином, они выпили вина. И Енукидзе предложил старому приятелю, о котором знал почти все, в том числе и о его причастности к убийству Володарского, поработать на военную разведку большевиков. Речь шла об одном деликатном деле.

– А что за дело, Авель Сафронович? – спросил Семенов.

– Покушения на Ленина и Троцкого, – ответил Енукидзе. – Нам нужно, чтобы ты как бы подготовил эти убийства. Подобрал группу, добился согласия ЦК партии эсеров, нашел подходящего исполнителя. На твой ЦК и этого исполнителя потом и ляжет вся ответственность.

– А само покушение будет? – спросил Семенов.

– Это не твоя забота! – ответил Енукидзе…

К портрету Семенова: Семенов-Васильев Григорий Иванович, родился в эстонском городе Юрьев (Дерпт, ныне Тарту), 27 лет, самоучка, с 24 лет член партии эсеров. Был комиссаром конного отряда, с конца 1917 года член военной комиссии ЦК правых эсеров, руководитель боевой группы правых эсеров. Писатель Виктор Шкловский, знавший Семенова, так его характеризует: «Человек небольшого роста в гимнастерке и шароварах, с очками на небольшом носу… Тупой и пригодный для политики человек. Говорить не умеет».

…И Семенов стал работать. Составленный им план «редактировал» следователь ВЧК Яков Агранов. Согласно ему, Москва была поделена на четыре района, каждый из которых курировал определенный боевик. Другие боевики должны поочередно дежурить на митингах, куда приезжали выступать вожди республики. Как только появлялся Ленин, дежурный сообщал об этом районному «куратору», и тот являлся, чтоб исполнить теракт…

Для осуществления этого плана Семенову и потребовалась встреча с Донским. Не удовлетворившись ею, он два раза съездил к Гоцу, который жил на даче в Подмосковье, но везде получал отказ. Однако приезжая на собрания своей боевой группы, Семенов говорил, что и Донской и Гоц их планы одобряют. Для убийства Ленина были отобраны четыре исполнителя: Усов, Козлов-Федоров, Коноплева и Каплан…

…30 августа в 17.00 Ленин обедает в Кремле с женой, Надеждой Крупской. Днем пришло сообщение, что в Петрограде застрелен руководитель петроградского отделения ВЧК Моисей Урицкий. Ленин попросил Дзержинского выехать немедленно в Питер и заняться расследованием этого убийства. Аппетит вождя этим обстоятельством нарушен не был. Он поел с удовольствием, шутил с женой, которая пыталась отговорить его от выступлений. Их в эту пятницу у Ленина намечалось два: на Хлебной бирже и на заводе Михельсона. Тема: «Диктатура буржуазии и диктатура пролетариата». В ответ на напоминание жены, что районный партийный комитет запретил Ленину временно выступать на митингах, он шутливо заметил, что Яков Михайлович Свердлов строго требует от всех руководящих лиц участия в митингах и сильно побранит его за такой отказ.

Около восьми вечера Ленин приехал на Хлебную биржу. Машину вел шофер Казимир Гиль. На Хлебной бирже находился один из боевиков Семенова – Козлов-Федотов. Позже он покажет на следствии: «Я имел при себе заряженный револьвер и, согласно постановлению отряда, должен был убить Ленина. Я не решился выстрелить в Ленина, потому что я колебался в вопросе о допустимости убийства представителя другой социалистической партии». Объяснение весьма странное: профессиональный боевик ведет себя как институтка. Ленин выступал на Хлебной бирже 20 минут, еще полчаса отвечал на вопросы, после чего уехал. Из показаний шофера Гиля: «Я приехал с Лениным около 10 часов вечера на завод Михельсона».

30 августа в 10 часов вечера на улице уже темнеет. Ленина никто не встречал, и он сам прошел в заводской цех, где проходил митинг. На митинге Ленин также говорил полчаса. Еще полчаса отвечал на вопросы.

Из показаний Семенова: «Каплан по моему указанию дежурила недалеко от завода на Серпуховской площади». Это примерно метров двести от заводского двора…

Около 11 вечера Ленин покинул цех и направился к машине. Вместе с Лениным во двор вышли и те, кто слушал вождя. Он уже собирался садиться в машину, когда раздались выстрелы. Ленин упал. Многие в страхе бросились бежать со двора на улицу. Помощник комиссара пехотного полка Батулин закричал: «Держите убийцу!» и тоже бросился на улицу.

Из показаний С.Н. Батулина: «Добежавши до так называемой “Стрелки” на Серпуховке, я увидел… около дерева… с портфелем и зонтиком в руках женщину, которая своим странным видом остановила мое внимание. Она имела вид человека, спасающегося от пре-

следования, запуганного и затравленного. Я спросил эту женщину, зачем она сюда попала. На эти слова она ответила: “А зачем вам это нужно?” Тогда я, обыскав ее карманы и взяв ее портфель и зонтик, предложил ей идти за мной. В дороге я ее спросил, чуя в ней лицо, покушавшееся на тов. Ленина: “Зачем вы стреляли в тов. Ленина?”, на что она ответила: «А зачем вам это нужно знать?», что меня окончательно убедило в покушении этой женщины на тов. Ленина».

Абсурдность этих показаний очевидна. Но важно отметить, что Каплан стояла там, куда ее поставили. Очевидно и то, что следует из показаний Батулина: ему приказали опознать Каплан. Удивительно другое: почему Каплан призналась, что именно она стреляла в Ленина? Возможно, учитывая ее склонность к экзальтации, организаторы покушения «просчитали» и это признание – ибо ее вели уже как убийцу, толпа ревела, требуя самосуда, и Батулин сам говорит, что спас террористку от расправы. У Каплан еще с 1906 года был врожденный невроз, когда она была приговорена к расстрелу, а потом помилована. Именно в силу этого она тотчас взяла всю вину на себя, категорически отказываясь отвечать на другие вопросы. Ее истерика, рыдания сменялись каменным молчанием.

Не только абсурдность показаний Батулина доказывает непричастность Каплан к выстрелам. При обыске у нее был найден браунинг, но из него, по всей видимости, никто не стрелял, ибо к делу он причислен не был. В качестве решающей улики в деле фигурирует другой браунинг, который 2 сентября рабочий Кузнецов принес в Замоскворецкий военный комиссариат, уверяя, что это тот самый браунинг, из которого стреляли в Ленина. В первом заявлении – в комиссариат – Кузнецов написал: «Ленин еще лежал, неподалеку от него было брошено оружие, из которого было сделано 3 выстрела в товарища Ленина (оружие системы браунинг), поднявши это оружие, я бросился бежать за тем лицом, которым было сделано покушение, и со мной бежали другие товарищи для задержания этого негодяя, и товарищи, бежавшие впереди меня, задержали этого человека, который делал покушение, и вместе с другими товарищами я препровождал этого человека в военный комиссариат». Слова Кузнецова – «негодяй», «этот человек» явно свидетельствуют, что задержанный был м у ж ч и н а. Но в заявлении в ВЧК, сделанном того же 2 сентября, вместо слов «негодяй» и «человек» Кузнецов пишет другое слово – «женщина». И это сделано явно не без подсказки «компетентных товарищей».

О мужчине-убийце свидетельствует и сам Ленин. Шофер Гиль вспоминает: «Я опустился перед Владимиром Ильичем на колени, наклонился к нему… “Поймали его или нет?” – спросил он тихо, думая, очевидно, что в него стрелял мужчина».

Тот же Гиль в протоколе допроса вносит поправку: «После первого выстрела я заметил женскую руку с браунингом». Эта поправка весьма замечательна и дописана она уже на следующий день, когда стало известно, что Каплан арестована и призналась. Не исключено, что на Гиля мягко надавили, чтобы он записал эту поправку. Ленинское же замечание «поймали е г о или нет?» очень важно. Это не оговорка. После первого выстрела, ранившего разговаривавшую с Ильичем женщину, Ленин инстинктивно обернулся. Это и спасло ему жизнь. Лечивший его врач Вейсброд утверждал: «Лишь случайный и счастливый поворот головы спас его от смерти».

Сразу же после покушения на Ленина Семенов доложил ЦК правых эсеров, что это сделал «дружинник». Впоследствии на процессе эсеров эта деталь всплывет и застанет Семенова врасплох: он не сможет ответить, кого он имел тогда в виду. И снова, как в случае с Володарским, ЦК правых эсеров публично заявляет, что не имеет никакого отношения к данному покушению…

На митинге на заводе Михельсона 30 августа присутствовали два дружинника-эсера: Новиков и Протопопов. Новиков выступит потом свидетелем на процессе в 1922 году и скажет, что задерживал в дверях толпу, выходившую из цеха после митинга, давая Каплан воз-

можность выстрелить в Ленина, но тот же шофер Гиль отметит, что никакой давки в дверях не было.

Еще более любопытна фигура Протопопова. Он был без суда и следствия расстрелян 30 августа 1918 года. Протопопов – бывший матрос – был заместителем командира боевого отряда ВЧК (того самого отряда Попова, который принял активное участие в мятеже 6 июля). Это Протопопов арестовал Дзержинского, который прибыл в отряд в поисках убийцы Мирбаха – сотрудника ВЧК Блюмкина. После подавления мятежа Протопопов был арестован. Началось следствие, его вел Виктор Кингисепп – он руководил и следствием по делу покушения на Ленина. Но в приговоре суда по мятежу левых эсеров фамилии Протопопова уже нет. Он исчез, неожиданно всплыв лишь 30 августа. И, вероятнее всего, он и есть тот «негодяй», который стрелял в Ленина. Но, угадывая, кто стрелял, мы не проясним всю картину покушения, если не ответим на главный вопрос: кто стоял за Семеновым, Каплан, Протопоповым?

…Вечером 30 августа появилось воззвание Свердлова: «Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на тов. Ленина. По выходе с митинга тов. Ленин был ранен. Двое стрелявших задержаны. Их личности выясняются. Мы не сомневаемся в том, что и здесь будут найдены следы правых эсеров, наймитов англичан и французов».

Воззвание датировано конкретным часом: 10 часов 40 минут. «Несколько часов назад» – это значит в восемь часов. Но Ленин приехал на завод лишь в 10 вечера, а закончил выступать в 11.00. И кто эти «двое стрелявших»? Каплан и Протопопов? Первая лучше вписывалась в задуманную Свердловым схему. Поэтому Свердлов не сомневался, что будут найдены «следы».

Мы уже упоминали, что руководил следствием Виктор Кингисепп. Его в свое время Свердлов ввел в Ревтрибунал. Кингисепп являлся членом ВЦИКа и напрямую подчинялся Свердлову. Второй следователь по делу покушения – Яков Юровский, земляк Свердлова, тоже родом из Екатеринбурга, расстрелявший по приказу председателя ВЦИКа царскую семью. Свердлов оценил старания уральского чекиста и забрал его в Москву. На первом и других допросах Каплан присутствовал также секретарь Свердлова Аванесов.

Свердлов ни на секунду не выпускал дело из своих рук. Семенов состоял в близкой дружбе с другим секретарем Свердлова – Авелем Енукидзе. Семенова арестуют 8 сентября, а вскоре он станет ценнейшим сотрудником военной разведки и ВЧК – и все это стараниями Енукидзе. Он же даст организатору покушения на Ленина рекомендацию в ленинскую партию. Сам Сталин будет читать и править главный труд Семенова «Военная и боевая работа партии социал-революционеров в 1917—18 годах». Этот труд отдельной брошюрой издадут в Германии, а на процессе правых эсеров в 1922-м по постановлению ЦК партии защищать Семенова будет первый оратор страны Советов Бухарин. После процесса Семенова амнистируют и по бесплатной путевке отправят отдыхать на юг. Трогательная забота о главном террористе республики! Все это наводит на мысль, что Семеновым еще до покушения руководили важные персоны, такие, к примеру, как Свердлов и Енукидзе.

1 сентября по приказу Свердлова комендант Кремля Мальков заберет Каплан из тюрьмы ВЧК и перевезет ее в Кремль, а 3 сентября по приказу того же Свердлова Каплан расстреляют, а тело сожгут – там же, в Кремле, под гул моторов, во дворе Автобоевого отряда. И это одна из главных улик, свидетельствующая, что в покушении был замешан Свердлов, ибо только ему было выгодно побыстрее уничтожить свидетелей. Ведь следствие еще только-только началось. 2 сентября принесли браунинг – Каплан должна была его опознать. Требовались очные ставки со свидетелями, которые должны были подтвердить ее присутствие во дворе завода Михельсона – ведь стреляли в вождя не только Красной России, но и всего мирового пролетариата! Однако тут признание Каплан, скорее всего, и рухнуло бы, потому что ее никто во дворе видеть не мог. Больше того, Свердлову сообщили: на Каплан нака-

тывают истерики, слезы, революционный запал прошел, и она может не только отказаться от признания, но и рассказать подлинную историю покушения. Тогда потянут Семенова, Новикова, заговорят о Протопопове, почему и кто его расстрелял, а там… Свердлову даже страшно об этом подумать. Требовалось быстрее спрятать концы в воду. Нет Каплан – нет и следствия.

А. Балабанова, которая навестила семью вождя в сентябре 1918 года, приводит примечательную характеристику: «У меня сложилось впечатление, что он был особенно потрясен казнью Доры Каплан…» Эта фраза дает нам понять, что решение об этом принимал не Ленин, а кто-то другой (понятно кто: Яков Свердлов). И что Ильич не очень был рад такому решению. Но Свердлов сумел его убедить, подчинить своему решению, а значит, и степень влияния Свердлова на Ленина в некоторых вопросах была весьма сильной.

Крупская вспоминает о том, что происходило в кремлевской квартире, когда раненого Ленина привезли с митинга: «Около вешалки стоял Яков Михайлович Свердлов, и вид у него был какой-то серьезный и решительный. Взглянув на него, я решила, что все конечно. “Как же теперь будет?” – обронила я. – “У нас с Ильичем все сговорено”, – ответил он. “Сговорено – значит, кончено”, – подумала я».

Любопытно само слово «сговорено». «Сговорено» может быть между двумя корешами, подельниками. «Сговорено» – значит, заключено тайное соглашение, о котором никто знать не может и не должен. Но что же было «сговорено» между Свердловым и Лениным? Покушение на Ленина, когда предполагалось произвести холостые выстрелы, но кто-то по ошибке выстрелил боевыми? Или «сговорено» о том, что Ленин, предполагая худшее, всю полноту власти передал Свердлову? Именно так Крупская и поняла Свердлова. А значит, у Свердлова была еще одна причина устранить Ленина – он расчищал себе путь к единоличной власти.

Мы уже говорили вначале о причинах, побудивших Свердлова придумать этот «план спасения». В последнее время появляются версии о том, что в Ленина вовсе не стреляли, а все следы пуль – инсценировка. Это была бы оригинальная версия, но имеется слишком много документов, где говорится о пулях и операциях. В последних принимали участие немецкие врачи, а их-то заставить лгать, наверное, было невозможно. Поэтому согласимся, что выстрелы все же были и ранение тоже. Другое дело, что оно действительно оказалось легким. Ленин сам поднялся к себе в комнату в Кремле, сам разделся, а уже 5 сентября встал и начал работать. Ради этой «ювелирной работы» и был, возможно, приглашен опытный стрелок Протопопов – чтобы инсценировать это легкое ранение. По замыслу режиссеров покушения, оно, вероятно, должно было быть еще легче – касательным, задевшим лишь кожу, обжигающим… Но волнение, невольный поворот Ленина – и все изменилось. Ранение оказалось более тяжелым, пуля едва не задела жизненно важную артерию. Поэтому рассердившиеся «режиссеры» и расстреляли Протопопова…

Все это, конечно, лишь предположения, подлинную картину тех событий мы вряд ли когда-нибудь узнаем: свидетелей давно нет, улик тоже. А если они и есть, то вряд ли будут в скором времени обнародованы. Нам остается назвать лишь автора сценария и режиссера этой интермедии: Яков Свердлов. В 1919-м словно по возмездию судьбы он умер. Завершил эту постановку его духовный ученик Сталин.

«Покушение на Ленина» – действительно талантливая инсценировка большевиков. Но благодаря ей режим выжил. Разгромив соратников по революционной борьбе, большевики единолично стали править страной. Ложь, интриги, заговоры, казни, террор стали той плодородной почвой, на которой пышным цветом вырос диктаторский режим Сталина. В жизнь человечества XX века великим монстром вошла Красная империя с ее невероятными экспериментами над душами и жизнями миллионов людей…

Кто убил Колчака?[11]

Десятилетиями господствовало мнение, что расстрел Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака без суда и следствия был осуществлен по решению Иркутского революционного комитета. Иногда упоминалось о согласовании «акта возмездия» с Реввоенсоветом 5-й армии. Несколько лет тому назад был опубликован документ, свидетельствующий о том, что приказ расстрелять Колчака иркутским партийно-советским властям отдал председатель Реввоенсовета 5-й армии И.Н. Смирнов. В последние годы была опубликована и телеграмма В.И. Ленина председателю Революционного совета 5-й армии, председателю Сибирского ревкома И.Н. Смирнову. На Западе она известна уже более 20 лет. Впервые этот документ был опубликован в Париже составителем двухтомного издания «Бумаги Троцкого» Ю.Г. Фельштинским. Вот его содержание:

«Шифром.

Склянскому: Пошлите Смирнову (РВС 5) шифровку: Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступали так и так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске.

Ленин.

Подпись тоже шифром.

1. Беретесь ли сделать архи-надежно?
2. Где Тухачевский?
3. Как дела на Кав. фронте?
4. В Крыму?

(написано рукой тов. Ленина).

Январь 1920 г.

Верно.

(Из архива тов. Склянского)».

Этот документ трудно назвать телеграммой. По существу, это записка заместителю председателя Реввоенсовета республики Э.М. Склянскому с текстом для телеграммы и рядом вопросов. А четыре заключительных ленинских вопроса – своего рода примечание-комментарий. Нам представляется, что он сделан Троцким, которому вместе с другими документами Э.М. Склянский передал записку.

Текст датирован январем 1920 года. Фельштинский фактически проигнорировал это обстоятельство и, отталкиваясь от содержания, датировал документ самостоятельно, причем довольно условно – «после 7/II-1920 г.» (то есть после расстрела Колчака). Он, а вслед за ним и другие авторы воспринимают текст телеграммы как желание Ленина избежать огласки.

Председатель РВС 5-й армии И.Н. Смирнов в воспоминаниях писал, что еще во время пребывания в Красноярске (с середины января 1920-го) он получил шифрованное распоряжение Ленина, «в котором он решительно приказал Колчака не расстреливать», ибо тот подлежит суду.

Смирнов утверждал, что на основе этого распоряжения штаб авангардной дивизии направил телеграмму в Иркутск на имя А.А. Ширямова. Текст телеграммы сохранился и датирован 23 января. Телеграмма гласит: «Реввоенсовет 5-й армии приказал адмирала Кол-

[11] По материалам доктора исторических наук И. Плотникова.

чака содержать под арестом с принятием исключительных мер стратегии и сохранения его жизни и передачи его командованию регулярных советских красных войск, применив расстрел лишь в случае невозможности удержать Колчака в своих руках для передачи Советской власти Российской республики. Станция Юрты, 23 января 1920 г. Начдив 30-й Лапин, военком Невельсон, за начдива Голубых». Как видим, телеграммой штаба 30-й дивизии расстрел Колчака не запрещался.

Другая телеграмма – Смирнова, посланная 26 января Ленину и Троцкому: «В Иркутске власть безболезненно перешла к Комитету коммунистов… Сегодня ночью дан по радио приказ Иркутскому штабу коммунистов (с курьером подтвердил его), чтобы Колчака в случае опасности вывезли на север от Иркутска, если не удастся спасти его от чехов, то расстрелять в тюрьме».

Вряд ли возможно, что такое указание Смирнов мог дать без санкции не только партийного центра, но и лично Ленина. Вопрос был архиважным. Пожелай Ленин на деле сохранить жизнь Колчаку, он прислал бы телеграмму иного содержания, действительно запрещающую расправу. Здесь же он совершенно недвусмысленно одобряет намерения Смирнова. Ленина беспокоит только то, как бы тень за бессудебную расправу над Колчаком в глазах общества не пала на него или на кремлевское руководство. Это подтверждают и неоднократные предупреждения о конспирации. Телеграмма Ленина – прямой приказ об убийстве Колчака.

Ленин не мог тянуть две недели с отправкой своего распоряжения по получении телеграммы от Смирнова, тем более посылать его после 7 февраля, ибо текст телеграммы говорит не о том, что уже произошло и должно быть объяснено, а о том, что должно произойти и затем быть оправдано. Мы располагаем и прямыми доказательствами, подтверждающими это предположение. Каковы они?

В телеграмме речь идет об «угрозе Каппеля». Но главнокомандующий остатками колчаковской армии генерал-лейтенант В.О. Каппель умер еще 26 января. До этого он отморозил ноги, их ампутировали, после чего он скончался от воспаления легких. В командование войсками вступил генерал-лейтенант С.Н. Войцеховский.

В приписке к тексту телеграммы Ленин спрашивает у Склянского о делах на Кавказском фронте и о том, где находится М.Н. Тухачевский. Эти два вопроса тесно взаимосвязаны. Положение на этом фронте было исключительно сложным. Менялись командующие, шли распри. Надежды на улучшение дел Ленин связывал с личностью М.Н. Тухачевского. До 25 ноября 1919 года Тухачевский командовал 5-й армией, затем был отозван в Москву для получения нового назначения.

22 декабря Тухачевский был назначен на Южный фронт командующим 13-й армией. Он незамедлительно выехал в штаб фронта, которым командовал А.И. Егоров. Шли дни и недели, а штаб фронта, нарушая приказ центра, не ставил Тухачевского на армию. 19 января он обратился в РВС Республики с просьбой «освободить» его «от безработицы», дать назначение хотя бы на транспорт. О письме стало известно Ленину. Это и решило окончательную судьбу бывшего командарма. 24 января 1920 года Тухачевский был назначен временно исполняющим обязанности командующего войсками Кавказского фронта. В штаб Кавказского фронта, находившийся в Саратове, он прибыл только 3 февраля, на следующий день его принял. Лишь с 4 февраля 1920 года его имя появилось в каждодневных сводках.

Адмирал Александр Васильевич Колчак

Ленин «потерял» Тухачевского и спрашивал о нем. Значит, в дни, предшествующие 7 февраля, вождь точно знал о местонахождении и действиях командарма. То есть в наших поисках мы снова выходим на дни, когда Лениным была получена телеграмма И.Н. Смирнова – конец января, на которую следовало отреагировать соответствующим образом. Комментарии к ленинской записке, как мы полагаем – Л.Д. Троцкого, – никоим образом не могут игнорироваться. Троцкий был в курсе подготовки расстрела Колчака.

Итак, телеграмма составлена не после 7 февраля, даже не в начале этого месяца, а в январе, очевидно – в конце 20-х чисел.

В ходе исследования вопроса мы столкнулись с таким моментом. В биохронике В.И. Ленина за 5 января 1920 года записано: «Ленин дает указание зампредседателю Реввоенсовета Республики Э.М. Склянскому послать шифром телеграмму с директивами члену Реввоенсовета 5-й армии Восточного фронта И.Н. Смирнову. Запрашивает о положении на Кавказском фронте и в Крыму, о местонахождении М.Н. Тухачевского».

Совершенно очевидно, что перед глазами составителей был текст той самой записки Ленина, о которой мы ведем речь. Отнесение же составления документа к 5 января, вне

всякого сомнения, – ошибка. И доказать это не так трудно. 5 января Кавказского фронта еще не существовало, он был создан 16 января. Местонахождение Тухачевского Ленину тогда было известно – штаб Южного фронта, и запрос о нем, при надобности, был бы послан его Реввоенсовету.

В начале января Колчак еще находился в пути, не был ни арестован, ни доставлен в Иркутск. В это время в Иркутске только что пришел к власти эсеро-меньшевистский политический центр. До захвата его коммунистами оставались недели.

Мы можем лишь гадать, почему составители биохроники датировали документ 5 января. А вот причины исключения текста телеграммы понятны – умолчать о жестокости, произволе и беззаконии «вождя». Совершенно очевидно, что И.Н. Смирнов имел установку на расстрел А.В. Колчака непосредственно от Ленина. Он выбрал момент – выход белогвардейцев к Иркутску – и направил Иркутскому Совету телеграмму: «Ввиду движения каппелевских отрядов на Иркутск и неустойчивого положения Советской власти в Иркутске настоящим приказываю вам: находящихся в заключении у вас адмирала Колчака, председателя Совета министров Пепеляева с получением сего немедленно расстрелять. Об исполнении доложить».

Иркутским руководителям был дан категорический приказ – «расстрелять» и «доложить». Смирнов, как и требовал Ленин, указывает на главный пункт обоснования причин расстрела. Поэтому беспочвенна бытовавшая ранее версия о решении вопроса «на месте». Смирнов, подобно Ленину, тоже прилагал максимум усилий, чтобы свалить вину на иркутян. Так, председатель Иркутского ревкома А.А. Ширямов писал, что он дал указание председателю следственной комиссии С.Г. Чудновскому (он же председатель губчека) «взять Колчака из тюрьмы и увезти его из города в более безопасное место»; комиссия тем не менее решила его расстрелять (как и Пепеляева), но все же через своего представителя в Ревсовете 5-й армии хотели выяснить мнение Смирнова на этот счет. Тот якобы ответил, «что если парторганизация считает этот расстрел необходимым при сложившихся обстоятельствах, то Ревсовет не будет возражать против него». С.Г. Чудновский же изображает дело таким образом, будто по его предложению ревком рассмотрел вопрос и принял решение. О Смирнове, Ревсовете 5-й армии он даже не упоминает. Комендант города И.Н. Бурсак также умалчивает о телеграмме Смирнова. Более того, он утверждает, что через Смирнова поступило указание Ленина – «Колчака при первой же возможности направить в распоряжение 5-й армии для отправки в Москву».

Что касается требований Ленина о «непечатании ровно ничего» о расстреле Колчака, о присылке после вступления в Иркутск Красной армии «строго официальной телеграммы с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступали так и так», то оно в главном было выполнено. По запросу из Москвы сибирский ревком во главе с И.Н. Смирновым 3 марта сообщил об обстоятельствах расстрела, естественно, сваливая все на иркутские власти и опасность белых войск.

Но, видимо, перед расстрелом Смирнов должным образом не проинструктировал иркутских руководителей, чтобы до прихода Красной армии о Колчаке ничего не сообщать в прессе. Или, наоборот, все было согласовано, и публикация только способствовала камуфляжу? Во всяком случае, текст «Постановления № 27» ревкома о расстреле и его мотивах был опубликован незамедлительно – уже 8 февраля. Этот текст, которому предпосылались традиционные для важнейших сообщений слова: «Всем! Всем! Всем!», был распространен повсюду телеграфом. И пошла гулять по свету версия, что Колчак был расстрелян по инициативе и решению Иркутского ревкома. В это поверили и белые. Но, как говорится, тайное в конце концов всегда становится явным. Так и в данном случае. В вопросе о том, кем, где и когда было принято решение о расстреле А.В. Колчака, кто приказал и кто исполнил этот приказ, полагаем, можно поставить точку.

Как погиб Чапаев[12]

История жизни и смерти легендарного комдива в семье правнучки Василия Ивановича Чапаева – Евгении Артуровны – передается из поколения в поколение. Так, родственники комдива убеждены, что Чапаев не утонул – он погиб из-за предательства неверной жены!

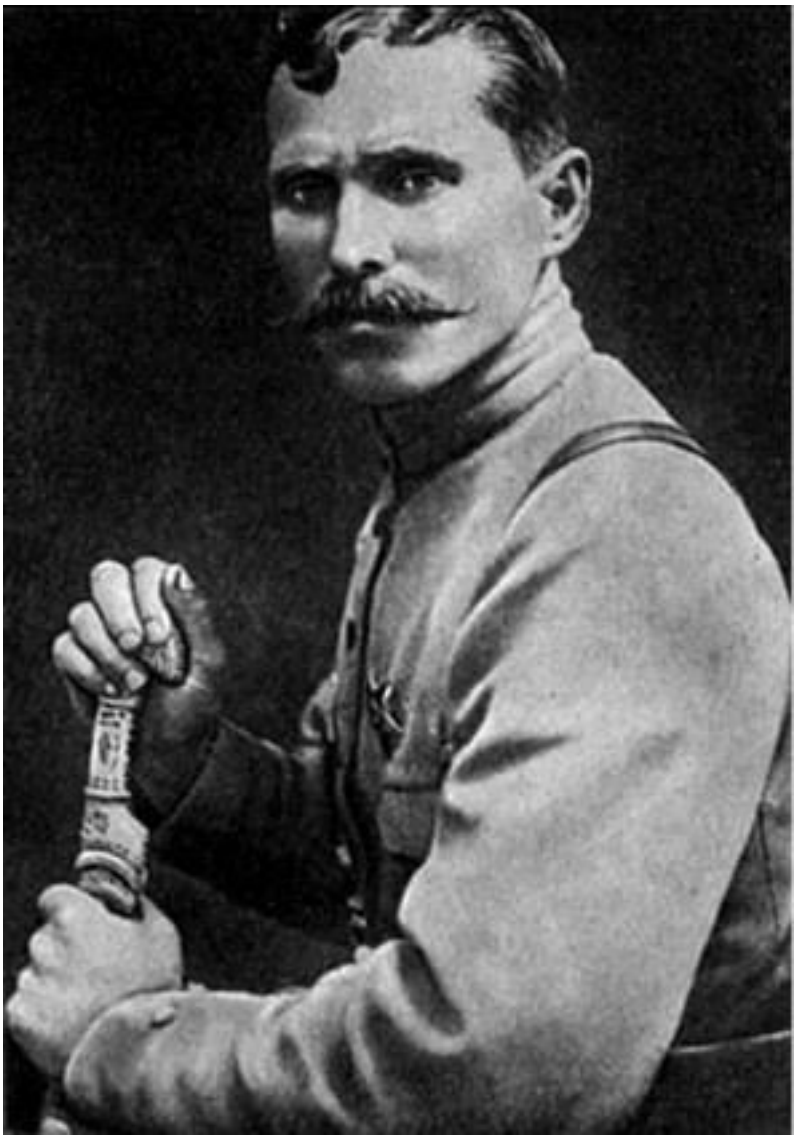
…Будущий герой Гражданской войны появился на свет в семье крестьянина Ивана Степановича Чапаева 28 января (9 февраля по новому стилю) 1887 года. Мальчик родился семимесячным. Он был совсем крохотным. Купали младенца в деревянной кружке, вырезанной отцом для этого случая. Впоследствии эта «купель» хранилась в семье как реликвия. Всего у супругов было девять детей, четверо из которых умерли в младенчестве. Отец занимался плотницкими работами, и мальчики с ранних лет приучались к труду: помогали строить коровники, дома, церкви.

В 1908 году Василия Чапаева призвали на службу в царскую армию. Однако прослужил он недолго: весной 1909 года его демобилизовали – якобы по болезни. «Ратник ополчения первого разряда призыва 1908 года крестьянин деревни Будайки…» – так был он зарегистрирован по возвращении из армии. На самом деле причиной удаления Чапаева из армии стала казнь его брата Андрея за подстрекательство против царя.

Вскоре Василий женился. Его невеста, Пелагея Метлина, происходила из зажиточной поповской семьи. Ему было 22, ей 16. Родители с обеих сторон были против их союза. Однако в августе 1909 года свадьба все же состоялась. Брак считался неравным. Пелагею, хоть и с некоторой неприязнью, родители Василия приняли в семью. Василий очень любил свою молодую жену, да и она не подвела его – оказалась «бойкой работницей», что немаловажно для крестьянского хозяйства. В следующем году она подарила мужу сына Александра, в 1912 году – дочь Клавдию, а в 1914-м – сына Аркадия. Но Василий недолго оставался с любимой женой – началась война и его снова призвали в армию…

За два года Чапаев дослужился до чина старшего унтер-офицера и стал полным георгиевским кавалером, награжденным солдатским Георгиевским крестом всех четырех степеней. Он стал получать приличное жалованье, которое исправно отсылал домой семье. Но в отпуске за это время он не был ни разу. И вот как-то отец прислал ему письмо – дома нелады: молодая жена, которой исполнился всего двадцать один год, влюбилась в соседа-кондуктора и ушла из дома, бросив троих детей. Приехал Василий в отпуск, чтобы развестись с неверной женой, пошел за ней, да по дороге они помирились… Помириться-то помирились, а жизни не было. Василий снова уехал на фронт, а Пелагея то и дело уходила к любовнику. Словом, не удалась у Василия личная жизнь.

[12] Материал Н. Заруцкой.



Красный командир Василий Иванович Чапаев

На фронте был у Василия друг – Петр Федорович Камешкерцев. Когда ранило его в живот разрывной пулей и понял Петр, что недолго ему осталось жить, попросил он Василия не оставлять его семью – жену и двух дочерей. Василий дал клятву. Поначалу он скрыл гибель кормильца, и продолжала вдова Камешкерцева получать деньги – якобы от мужа. А через несколько лет, когда штаб Чапаевской дивизии разместился в Николаевске, где проживала вдова, пошел Василий с ней знакомиться, тогда и рассказал ей о гибели Петра, заверив, что не оставит ее без помощи. Кончилось все тем, что привез Василий своих троих детей ко второй Пелагее, которая стала ему гражданской женой (с первой Пелагеей он так и не был разведен). Но семейная жизнь снова не заладилась. Видно, не было у него на роду написано иметь верную жену.

Приезжает раз Василий домой, а жена его и не ждет… Зарядил он тогда пулемет и направил было на избу, да тут же опомнился: в избе дети были. Уехал Василий назад, на фронт, а через некоторое время и Пелагея к нему в штаб отправилась вместе с младшим сыном Аркадием – мириться. Сына к отцу пропустили, а неверную жену – нет. Поехала она обратно, да по дороге заехала в штаб к белым и рассказала им обстановку на фронте.

Завязался неравный бой. Чапаевцы стали отступать. Сам комдив был ранен пять раз, но ранения не были смертельными. Два венгра-интернационалиста переправили его

через Урал, собирались оказать ему первую помощь при первом удобном случае, но, когда доплыли, оказалось, что поздно – умер Чапаев от потери крови. Закопали его тело венгры прямо на берегу в песке и прикрыли камышом…

Других свидетельств смерти Чапаева не было, поэтому слухи ходили разные. Где-то в тридцатые годы пришло Клавдии Васильевне письмо из Венгрии. В нем точно указывалось место захоронения отца, но оказалось, что на том месте давно Урал течет – река поменяла русло…

Истинная история Сакко и Ванцетти

Суд над Сакко и Ванцетти можно считать крупнейшим процессом XX столетия. Для людей всего мира Сакко и Ванцетти стали символом невинно осужденных. Но бывает и так, что символ заслоняет от нас факт. Были они действительно невиновны или стали таковыми, потому что люди верили в их невиновность?

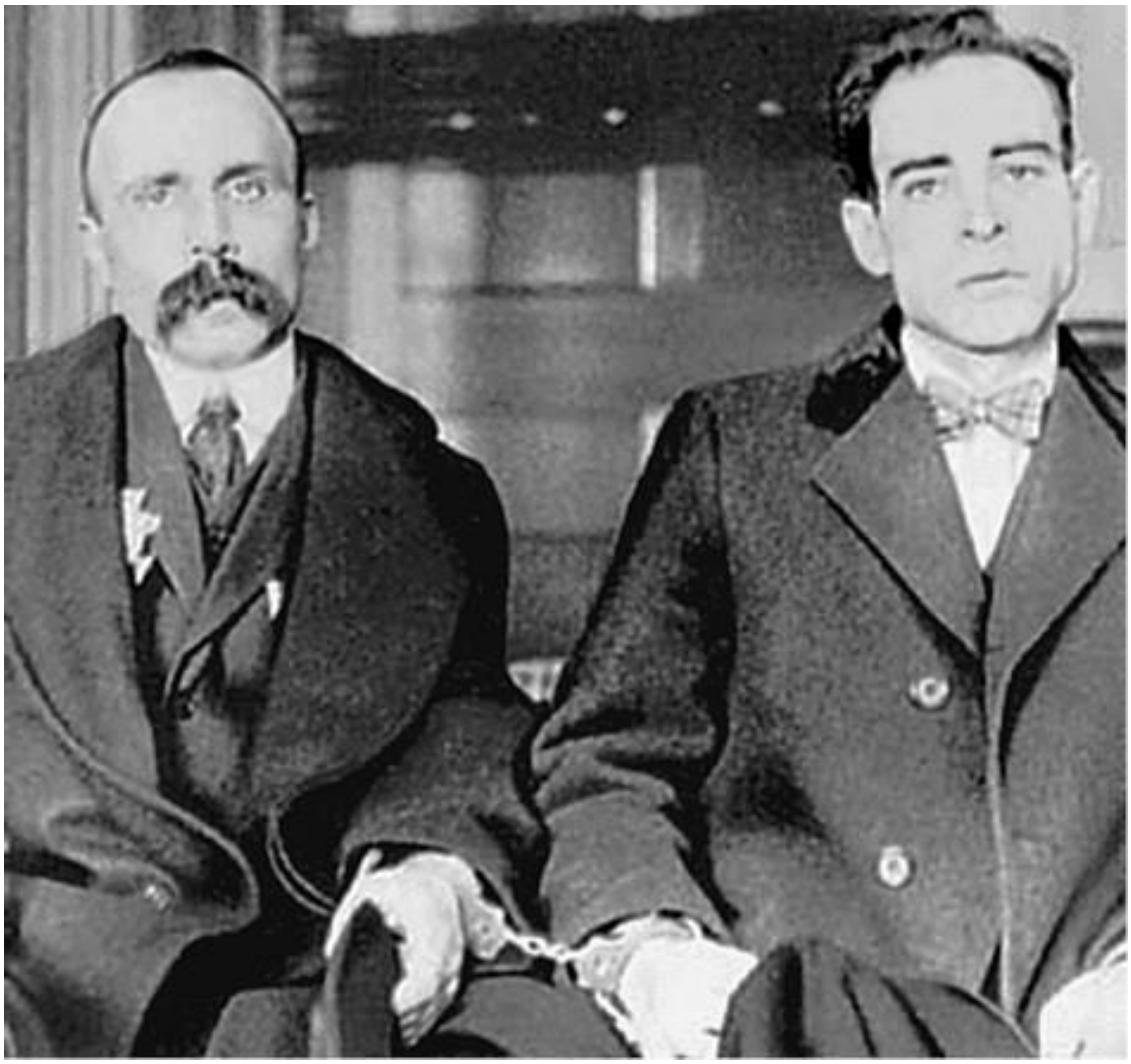
Бриджуотер – небольшой городок в штате Массачусетс (США). В ту среду, 24 декабря 1919 года, по его улицам ехал грузовик. За рулем сидел Эрл Грейвс. Рядом с ним – констебль Бенджамин Боуль, в кузове – кассир Альфред Кокс фабрики. Эти люди везли зарплату на обувную фабрику. Неожиданно дорогу им преградил автомобиль с зашторенными окнами. Из него выскочили трое мужчин. Один из них, с черными усами и в черном пальто, был вооружен карабином, двое других держали в руках пистолеты. Завязалась перестрелка. Получив отпор, трое нападавших вскочили в свою машину и скрылись.

Полиция опросила свидетелей происшествия. Грейвс, шофер грузовика, видевший нападавших достаточно близко, заявил: это были итальянцы. Возникли разногласия относительно марки машины. Некоторые говорили, что это был «хадсон», другие, что «бьюик». Месяцем раньше неподалеку, в Нидеме, была угнана машина марки «бьюик». Шеф полиции Стюарт предположил, что это не простое совпадение. К тому же он имел информацию от осведомителя, который утверждал, что покушение совершили некие итальянцы, которые скрывались в полуразрушенном доме неподалеку от Бриджуотера. Там они оставили свою машину и вернулись в город трамваем. Про эту деталь Стюарт тотчас забыл. Но через несколько месяцев, в апреле, он про это вспомнит. Потому что 15 апреля 1920 года произошло событие, намного более серьезное, нежели покушение в Бриджуотере.

В тот день, около 3 часов пополудни, произошло вооруженное нападение на кассира обувной фабрики Слейтера и Морриля, расположенной в Саут-Брейнтри. Застрелив кассира и его телохранителя и завладев металлическим чемоданчиком с деньгами, двое нападавших вскочили в дожидавшуюся их машину и на полной скорости подъехали к железнодорожному переезду. Охранник только что опустил шлагбаум: он ждал поезда. Один из пассажиров направил револьвер в сторону охранника и закричал: «Быстро поднимай шлагбаум!» Охранник подчинился. Машина проехала переезд и скрылась в направлении Броктона.

Это нападение легло в основу дела Сакко – Ванцетти.

Тотчас началось расследование. Было опрошено более пятидесяти человек. Некоторые из них описывали черную машину, другие зеленую. Одни утверждали, что машина сверкала чистотой, другие – что она была покрыта грязью. Находились люди, клявшиеся, что видели две машины. Бандитов описывали то брюнетами, то блондинами; в голубых, серых и коричневых одеждах. На голове у них были то шляпы, то кепки, а то и вовсе не было никаких головных уборов. Кто-то слышал восемь выстрелов, кто-то тридцать. Полицейские все же попытались составить наиболее вероятную картину преступления. Было ясно, что в нападении участвовало пять человек, включая шофера, который был, скорее всего, блондином. Те двое, что стояли на улице, были невысокого роста, с бритыми лицами.



Бартоломео Ванцетти (слева) и Никола Сакко

Утром 17 апреля в лесной чаще, примерно в трехстах метрах от шоссе, была найдена машина марки «бьюик». Полиция без труда узнала в ней машину, угнанную в ноябре в Нидеме. Возникал вопрос: не были ли неудавшаяся попытка ограбления в Бриджуотере и происшествие в Саут-Брейнтри делом рук одной банды?

Рядом с брошенным «бьюиком» были обнаружены следы шин второй машины. Шефу полиции Стюарту эта подробность показалась очень существенной. Сравнивая два нападения, он вспомнил про анархиста-итальянца по имени Коаччи, с которым сталкивался в 1918 году. Он проживал со своей семьей в Бриджуотере у другого итальянца по фамилии Бода. Стюарт вспомнил и про осведомителя: он говорил об анархистах и о разрушенном доме. Не шла ли речь именно об этих анархистах? Ведь «бьюик», на котором было совершено покушение в Бриджуотере, был найден недалеко от дома Коаччи. А Коаччи работал в Саут-Брейнтри, и именно на обувной фабрике Слейтера и Морриля!

Бода, как и Коаччи, был убежденным анархистом. Но Стюарт не нашел у него Коаччи, поскольку тот уехал в Италию. Бода признал, что Коаччи водил подозрительные знакомства и, кроме того, имел револьвер. Стюарт спросил, нет ли у него машины. Машина есть, отвечал Бода, но сейчас она ремонтируется в гараже Джонсона. Когда на следующее утро Стюарт опять хотел допросить Бода, тот уже исчез…

Стюарт наведался в гараж, осмотрел машину Бода и попросил Джонсона предупредить его, если хозяин машины объявится. Его необходимо было любой ценой задержать до прихода полиции.

Бода объявился 5 мая в 9 часов вечера. Он пришел к Джонсону, чтобы забрать свою машину. Джонсону требовалось выиграть несколько минут, чтобы его жена успела позвонить в полицию из соседнего дома. Выйдя на улицу, она увидела Бода, стоящего в свете фар мотоцикла. На мотоцикле сидел человек в клетчатом пиджаке. В десяти метрах от них стояло еще двое мужчин. Один из них – невысокий, коренастый, с грубыми, резкими чертами лица и мощным квадратным подбородком – был в пальто и шляпе. Другой – высокий, с живыми глазками, глубоко сидевшими под густыми бровями; по обеим сторонам его рта спускались густые черные усы, на голове – фетровая шляпа. Г-жа Джонсон сказала Бода, что ее муж скоро выйдет, после чего исчезла в ночи. Гости остались ждать, но Джонсон все не появлялся. Бода что-то заподозрил. Он переговорил по-итальянски со своими спутниками.

Г-жа Джонсон, которая, позвонив в полицию, возвращалась домой, услышала слово «телефон». Бода прыгнул в коляску мотоцикла, и тот с ревом помчался в сторону Броктона. Джонсон успел записать его номер: 871. Двое мужчин, стоявших неподалеку, пешком ушли в том же направлении.

Стюарт, предупрежденный по телефону г-жой Джонсон, приехал слишком поздно: Бода уехал на мотоцикле, двое его спутников ушли пешком. Но в том направлении, в котором они ушли, ходил единственный вид транспорта – трамвай. И если эти двое сели в трамвай, идущий в сторону Броктона, то они до сих пор едут в нем! Мгновение спустя Стюарт уже звонил в полицию Броктона. А еще через несколько минут двое полицейских бежали к трамвайным путям…

Двоих незнакомцев арестовали и обыскали. Человек с усами имел при себе револьвер. У бритого за поясом был обнаружен кольт 32-го калибра. Оба пистолета были заряжены, а в карманах задержанных были найдены патроны. Человек с бритым лицом назвался Николо Сакко. Усатого звали Бартоломео Ванцетти…

Ванцетти было 32 года. Он родился и вырос в Пьемонте, в семье рабочего. С раннего детства он слышал разговоры про анархию, казавшуюся такой притягательной в глазах многих итальянцев. Для Ванцетти анархия стала культом. Он выучился на пекаря, но все свободное от работы время проводил со своими друзьями-анархистами, читал их книги, посещал их собрания. Вскоре он потерял работу, а найти новое место анархисту было практически невозможно. И тогда он отплыл в Америку. Здесь он перепробовал различные специальности, оставаясь при этом убежденным анархистом.

Сакко было двадцать девять лет. Он также был анархистом. Сакко был женат на очаровательной итальянке по имени Розина. Высококвалифицированный сапожник, он хорошо зарабатывал, всегда был чисто умыт, свежевыбрит, хорошо одет. Но товарищи-анархисты знали, что могут рассчитывать на Николо Сакко. Если у него были деньги, он всегда предоставлял их своим друзьям.

Когда-то Сакко вместе с Ванцетти работал на фабрике «Райс энд Хаткинс» в Саут-Брейнтри. Потом Сакко сменил место. К тому времени у него уже был один ребенок, и его жена ждала второго. Ванцетти после нескольких лет работы уже больше не мог выносить фабрику с ее ежедневной дисциплиной и стал уличным торговцем рыбой в Плимуте. Каждую неделю он ездил покупать рыбу в Бостон, а потом продавал ее на улице, чаще всего – в итальянском квартале. Вместе с Сакко он активно участвовал в анархистском движении.

В 1919–1920 годах власти обрушили на анархистов волну репрессий. Сакко тревожился за свою семью и решил вернуться в Италию. У консула в Бостоне он уже заказал паспорта, но в ожидании скорого отъезда по-прежнему посещал собрания анархистов. Както вечером на одном из таких собраний Сакко встретился с Ванцетти и неким Орчиани.

Зашел разговор про обыски – опасно было держать у себя анархические листовки и книги! Не лучше ли собрать эту опасную литературу, погрузить в машину и вывезти подальше из города? Однако ни у Сакко, ни у Ванцетти машины не было. И они подумали о Бода. Почему бы не одолжить машину у него?

В среду, 5 мая, Ванцетти пришел в дом Сакко. Он застал здесь Розину, собиравшую багаж, а на кухне заметил несколько валявшихся на полу револьверных пуль. Он положил их себе в карман. Около 4 с половиной часов приехал на мотоцикле Орчиани. В коляске мотоцикла сидел Бода. Он назначил встречу около гаража Джонсона, где должна была стоять его отремонтированная машина. В 9 часов вечера Сакко и Ванцетти стояли у гаража. Туда же подъехал Бода. Продолжение этой истории нам известно…

Стюарт объявил Сакко и Ванцетти подозреваемыми в вооруженном ограблении. Однако полиция не имела никаких доказательств их причастности к делам в Саут-Брейнтри и в Бриджуотере. Их всего лишь застали у гаража Джонсона в компании с Бода, и это фактически все, что имелось против них. Правда, у обоих нашли при себе оружие. Часто говорят: не было бы у них в тот вечер оружия, не было бы и дела Сакко – Ванцетти!

На следующее утро, 6 мая, окружной прокурор Фредерик Кацман приступил к допросу Сакко и Ванцетти. Сакко заявил, что никогда не встречался с Бода. Он перечислил все обувные фабрики, на которых работал, но не упомянул среди них фабрику в Саут-Брейнтри. Что касается револьвера, то он купил его два года назад. Ванцетти добавил, что свое оружие он купил еще на три-четыре года раньше. У Сакко спросили, чем он был занят 15 апреля. Он ответил, что как всегда работал на фабрике. Однако Кацман уже знал, что это ложь: с фабрики ему сообщили, что 15 апреля Сакко отсутствовал на работе. Когда Кацман покинул полицейское управление, у него уже сформировалось убеждение, что Сакко принимал участие в ограблении в Саут-Брейнтри. Насчет Ванцетти он сомневался – пока. Но в любом случае он имел основания обвинить этих двоих в ношении оружия и посадить их за решетку.

На опознании многие свидетели из Саут-Брейнтри и Бриджуотера не узнавали ни Сакко, ни Ванцетти. Ванцетти был опознан охранником железнодорожного переезда, который узнал в нем водителя скрывшейся машины. Одной женщине показалось, что она видела Сакко в машине, но утверждать это наверняка она не решилась. Две другие свидетельницы опознали Сакко – это он стоял около машины, готовый выстрелить. Констебль Боуль, заявлявший, что один из бандитов был похож на поляка и носил короткие усики, с первого же взгляда опознал Ванцетти (который вообще-то был итальянцем и носил густые вислые усы).

Мотоцикл, номер которого успел записать Джонсон, принадлежал Рикардо Орчиани, формовщику литейного завода в Норвуде. Вечером 6 мая его арестовали и доставили в Броктон. Рут и Симон Джонсон тотчас его опознали. Трое свидетелей из Саут-Брейнтри и один из Бриджуотера также признали в нем одного из бандитов. Однако Орчиани смог доказать, что в дни, когда были совершены покушения, он был на работе. Его отпустили.

Показаний свидетелей об опознании Ванцетти оказалось достаточно, чтобы предъявить тому обвинение. 22 июня 1920 года в трибунале города Плимута началось слушание по делу Ванцетти. Тянется длинная цепочка свидетелей. Вот очередь дошла до свидетеля Хардинга. Первоначально он описал машину, на которой было совершено нападение, как машину марки «хадсон». Теперь он утверждает, что это был «бьюик». В своем первом показании он обрисовывал вооруженного бандита как человека с подстриженными усами. Теперь он опознал его в Ванцетти, имевшим большие вислые усы. Кассир Альфред Кокс, который в полицейском участке Броктона не узнал Ванцетти, теперь также утверждает, что это был он. Г-жа Брукс уверяет, что видела собственными глазами сидевшего за рулем машины Ванцетти. Однако, как выясняется, Ванцетти вообще не умеет водить машину! Торговец газетами узнал в Ванцетти нападавшего с карабином в руках. Он узнал его по манере бегать,

которая показалась ему «иностранной». Адвокат спросил его: неужели итальянцы бегают иначе, чем шведы и норвежцы? Ответа он не получил.

В Бриджуотере на земле была найдена гильза. Государственный эксперт, капитан Проктор, заявил, что калибр этой гильзы соответствует калибру пуль, найденных в кармане Ванцетти. Адвокат возразил, что гильза, найденная в сточной канаве, могла попасть туда каким угодно образом, поскольку речь идет об одном из самых распространенных калибров. Его резким тоном прервал судья Тэйер: он считает, что показания экспертизы вполне убедительны.

Но вот появились свидетели защиты. Они испуганы, смущены, почти все – итальянцы. Некоторые из них на английском изъяснялись с трудом, другие не говорили вовсе. Квартирная хозяйка Ванцетти из Плимута свидетельствовала, что обвиняемый провел весь день 23 декабря за приготовлением рыбы – он получил для продажи большое количество угря. По итальянской традиции в сочельник едят угрей. Это был очень точный ориентир. В другие дни Ванцетти не продавал эту рыбу, только 24 декабря. И итальянцы не покупают ее ни в один другой день года. Таким образом, свидетели были абсолютно уверены в том, что говорили.

Около дюжины человек подтвердили, что 24 декабря покупали угря у Ванцетти. Следовательно, он не мог в этот день находиться в Бриджуотере. Однако прокурор Кацман стал расспрашивать у свидетелей, что они делали накануне Рождества. Большинство этого не помнили. Расспросы проводились с помощью переводчика и продолжались достаточно долго. Свидетели стали путаться. Это настроило суд против них.

Одним из главных свидетелей был мальчик по имени Белтрандо Брини. Все утро 24 декабря он помогал Ванцетти доставлять угрей. Он подробно рассказал про то утро и описал их путь по городу. Его рассказ произвел впечатление на присяжных. Но Кацман спросил: повторял ли ребенок свои показания вместе с родителями? Белтрандо ответил утвердительно. Это сразу все испортило.

Парикмахер Ванцетти объявил, что ни разу не брил его усы в течение последних пяти лет. Двое полицейских из Плимута подтвердили, что всегда видели Ванцетти именно с такими усами. Таким образом, он не мог быть человеком с подстриженными усами, изначально описанным как участник нападения в Бриджуотере.

Сравнивая показания всех этих свидетелей и принимая во внимание искренность, с которой они говорили, можно было признать, что алиби у Ванцетти полное. Но все эти свидетели – итальянцы. Если бы на их месте находились американцы, приговор суда, вероятно, был бы иным. И вердикт, вынесенный судьей Тэйером, гласил: Ванцетти виновен. Подсудимый был осужден на четырнадцать лет тюремного заключения. Но это было только начало…

Стремясь оспорить приговор, друзья Ванцетти пригласили адвоката по имени Фред Мур. Именно он придал делу общенациональный, а потом и интернациональный характер. Благодаря ему процесс двух никому неизвестных итальянских анархистов захватил миллионы мужчин и женщин. Он сделал Сакко и Ванцетти известными на весь мир. И, быть может, именно этим невольно содействовал их гибели…

Второй процесс начался 31 мая 1921 года и продолжался до 14 июля того же года. Судья – все тот же Тэйер, прокурор – Кацман. На этот раз на скамье подсудимых бок о бок сидели Сакко и Ванцетти. С самого начала Мур настроил против себя судью Тэйера. Он дал отвод невероятно большому числу присяжных. Обстановка накалялась. В прессе появлялись многочисленные статьи в защиту подозреваемых, в городах проводились митинги. Повсюду открыто говорили о судебной ошибке, совершенной в отношении Ванцетти.

С самого первого заседания дворец правосудия был окружен вооруженными солдатами и кавалерией. Полицейские на мотоциклах патрулировали окрестные улицы. Внутри здания суда значительные силы полиции охраняли все выходы, коридоры и лестницы.

За несколько мгновений до начала заседания в зал были введены Сакко и Ванцетти, не видевшиеся в течение восьми месяцев. Они обнялись. Начался вызов свидетелей. Охранник с железнодорожного переезда подтвердил, что видел Ванцетти за рулем машины. Вспомним еще раз, что Ванцетти не умел водить машину! Свидетельница Лола Эндрюс еще в январе, глядя на фотографии Сакко и Ванцетти, утверждала, что эти лица ей незнакомы. Однако в июне, во время процесса, она категорично заявила, что узнает Сакко. Несмотря на все несоответствия, показания Лолы были признаны достаточными для обвинения Сакко.

Прокурор напомнил суду, что на первом допросе Сакко утверждал, что 15 апреля он находился на работе. Теперь подсудимый говорил, что в тот день ходил в итальянское консульство в Бостоне, чтобы отдать фотографию для паспорта. Служащий консульства подтверждал рассказ Сакко. Были найдены свидетели, видевшие Сакко в тот день. Все они предстали перед трибуналом и подтвердили его алиби. Алиби Ванцетти также казалось бесспорным: несколько свидетелей утверждали, что 15 апреля, как и во все остальные дни, Ванцетти продавал рыбу.

Все эти свидетельства производили благоприятное впечатление. Но большинство свидетелей защиты были не только итальянцами, но и анархистами. В глазах присяжных это значительно уменьшало ценность их показаний.

Суд рассмотрел показания экспертов. Пули, извлеченные из тел убитых в Саут-Брейнтри кассира и телохранителя, соответствовали пистолету 32-го калибра. Выстрел, повлекший за собой смерть одного из этих людей, был сделан из кольта 32-го калибра, а револьвер, найденный у Сакко, был именно кольтом 32-го калибра… Пять других пуль были выпущены из автоматического пистолета «саваж». Но эксперт, приглашенный защитой, утверждал, что все выстрелы были сделаны из иностранного пистолета «bayard».

Шесть недель продолжались судебные заседания. Приговор был вынесен 14 июля 1921 года. Он не был неожиданным: подсудимые были признаны виновными. Как только Сакко услышал слово «виновны», он воскликнул:

– Sono innocenti! Невиновны!

Розина, рыдая, бросилась в его объятия. Ванцетти молчал. Сакко продолжал кричать:

– Помните! Они убивают двух невинных людей!

Огромная волна протестов захлестнула Америку. А потом – и весь мир. Повсюду организовывались комитеты в защиту невинно осужденных. В течение нескольких лет, с 1920 по 1923 год, защита не прекращала представлять дополнительные резолюции. Находились новые свидетели, новые доказательства невиновности. И вот неожиданная развязка: некто Мадейрос, задержанный совсем по-другому делу, сознается, что был членом банды, совершившей преступление в Саут-Брейнтри. И клянется: ни Сакко, ни Ванцетти там не было!

Но никто не собирался пересматривать дело. В 1927 году защита подала в Верховный суд просьбу об отстранении судьи Тэйера. Однако 5 апреля 1927 года Верховный суд подтвердил его полномочия. А 9 апреля Сакко и Ванцетти были еще раз приговорены – на этот раз окончательно.

Руководимые анархистами толпы повсюду выходили на улицы. Ораторы призывали к мятежу. В Бостоне, в Нью-Йорке, Лондоне и Берлине происходили стычки с полицией. 7 августа французские профсоюзы объявили: «В понедельник, 8 августа, состоится 24-часовая забастовка протеста». Десять тысяч человек вышли на демонстрацию на Уолл-стрит. Демонстрации проходили в Копенгагене, Осло, Москве, Йоханнесбурге, Санта-Фе, Монтевидео, Мехико. На Бродвее, на станции метро, взорвалась бомба: тридцать восемь человек попали в госпиталь, из них трое – в тяжелом состоянии. Еще одна бомба взорвалась в Буэнос-Айресе, здесь сгорел трамвай. Волнения происходили в Париже, Лионе, Бордо, Сен-Назере, Бресте… Миллионы телеграмм, присланных со всех уголков света, ложились на стол губернатора Фюллера.

8 августа 10 000 манифестантов попытались взять приступом тюрьму Чарльстоуна. Они были разогнаны морскими пехотинцами. Телеграммы с просьбой о помиловании прислали Эйнштейн и Хансен. Прогремели новые взрывы: в Чикаго, Лондоне, Буэнос-Айресе. Отец Сакко послал телеграмму Муссолини, на которую тот ответил: «Я делаю все возможное, исходя из международных правил, чтобы спасти от казни Сакко и Ванцетти».

10 августа высказал свое мнение папа Пий XI: «Какова бы ни была юридическая ситуация этих двух осужденных, ожидания, в котором они пребывают в течение семи лет, вполне достаточно, чтобы они заслужили помилование».

Казнь была совершена в ночь с 22 на 23 августа 1927 года. Вместе с Сакко и Ванцетти был казнен и Челестино Мадейрос.

Один из основных принципов права состоит в том, что сомнение всегда должно быть использовано в пользу обвиняемого. Совершенно очевидно, что в деле Сакко и Ванцетти такое сомнение существовало и что эти двое были осуждены на смерть без абсолютных доказательств их виновности. Что же сегодня известно о деле Сакко и Ванцетти?

Обратимся к исследованию, проведенному американским писателем Френсисом Русселем. Каковы же его выводы? Руссель абсолютно уверен в полной невиновности Ванцетти, но сомневается в отношении Сакко. При этом он цитирует слова лидера анархистов Карло Треска, который признал незадолго до своей смерти: «Сакко был виновен, но Ванцетти – нет».

Руссель опирается и на результаты повторной экспертизы, осуществленной 11 октября 1961 года Джеком Веллером и полковником Фрэнком Джури. Ими были использованы современные методы, позволившие добиться более точных результатов, чем во времена процесса. Веллер и Джури категоричны: пуля, убившая одного из кассиров в Саут-Брейнтри, без сомнения, выпущена из пистолета Сакко.

Те, кто боролся, защищая Сакко и Ванцетти, наверное, с горечью восприняли бы подобное утверждение. Руссель напоминает, что защита пыталась разделить дела Сакко и Ванцетти. Но от такого разделения категорически отказался сам Ванцетти – потому что был другом Сакко. А что же Сакко? Он мог бы спасти Ванцетти, признав себя единственным виновным. Однако он этого не сделал.

Смерть Ванцетти стала уроком для следующих поколений – он мертв не потому, что была доказана его вина, а потому, что его политические взгляды сделали его виновным в глазах судей. Подобные случаи возможны и впредь, пока существует в обществе нетерпимость к инакомыслящим. Чтобы люди осознали опасность этого явления, кому-то приходится расплачиваться своей жизнью.

Как ГПУ искало клады Унгерна[13]

С именем «императора пустыни» – Романа Федоровича Унгерн-Штернберга – еще при его жизни было связано немало легенд. После гибели барона их стало еще больше. Его сподвижники, осевшие в Китае, распускали слухи о несметных богатствах, награбленных бароном в годы Гражданской войны и якобы зарытых им незадолго до гибели в разных местах. Бывшие унгерновцы даже составляли карты тех мест. Недостатка в доверчивых покупателях не было: на этом крупно прогорело несколько американских экспедиций. В сентябре 1924 года в поиск кладов включилась и резидентура ОГПУ в Урге (ныне Улан-Батор).

В местности Тологой-Дахту гэпэушникам удалось отыскать один из кладов: несколько деревянных ящиков с царскими кредитками и ценными бумагами, которые от времени превратились в липкую червивую массу. Бриллиантов там не оказалось. Но сама находка, подтверждавшая слухи о богатствах Унгерна, подтолкнула к организации новых секретных экспедиций…

Все началось с того, что бывший скотопромышленник Бер Хонович Закстельский, работавший когда-то в Монголии, рассказал своему приятелю, агенту Красноярского отделения Госбанка СССР Моисею Прокопьевичу Прейсу, о кладе в семь пудов золота, зарытом в Монголии в окрестностях Урги. Прейс, в свою очередь, проинформировал об этом сотрудников ОГПУ и предложил организовать экспедицию. И колесо закрутилось…

10 января 1927 года из областного отдела ОГПУ Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ) в Сибирское краевое управление ОГПУ Новосибирска и в окружной отдел ОГПУ Красноярска ушла аналитическая записка, в которой обосновывалась необходимость проведения операции по изъятию клада при соблюдении строжайшей конспирации. При этом предлагалось действовать в контакте с Яковом Блюмкиным, известным террористом, возглавлявшим в то время резидентуру ОГПУ в Монголии.

Красноярский окружной отдел откликнулся мгновенно. Его сотрудников нимало не смутило, что поиск и изъятие сокровищ придется осуществить на территории чужого суверенного государства. Их волновали другие проблемы: возможность успеха операции и стоимость экспедиции. Правда, в успехе они не сомневались, так как товарищ Прейс неоднократно принимал участие в предприятиях подобного рода и они всегда завершались успехом. Проблема с финансированием тоже быстро разрешилась: Закстельский и Прейс все расходы взяли на себя. Идея начинала облекаться в конкретные формы. Необходимо было лишь получить согласие Москвы.

Москва дала добро, обратив, однако, внимание на те препятствия, которые могли возникнуть из-за вмешательства монгольских властей. Операцию предлагалось начать незамедлительно.

В конце января 1927 года полномочное представительство ОГПУ по Сибкраю дает облотделу ОГПУ Бурят-Монгольской АССР разрешение на проведение операции по изъятию ценностей и их вывоз, особо подчеркнув, что операция должна быть проведена без вмешательства монгольских властей. И тут – первое неожиданное препятствие: Бер Закстельский, находившийся в это время в Иркутске, настаивает на переносе операции на конец апреля – мол, лучше, когда сойдет снег. Этим он дает повод Иркутскому окружному отделу ОГПУ, который также задействован в операции, заподозрить его в мошенничестве. Из архива извлекается дело о результатах экспедиции по поиску золота Унгерна в 1924–1925 годах в окрестностях Верхнеудинска, и на авансцену выплывает еще одна колоритная личность – Супа-

[13] По материалам доктора исторических наук Леонида Кураса. Материал подготовлен на основе документов архива Управления ФСБ Российской Федерации по Республике Бурятия.

рыкин Михаил Давидович, вестовой барона. Тогда, в 1925 году, чекисты вели наблюдение за Супарыкиным и поручали Закстельскому, участвовавшему в поиске сокровищ, узнать у Супарыкина места захоронения кладов в Монголии. Вскоре Супарыкин был арестован…

И вот теперь, два года спустя, Закстельский, скрывший от чекистов информацию о кладах, пытается получить наибольшие гарантии от Госбанка СССР на проведение раскопок, чтобы затем остаться в Монголии, не сдав клад государству! А посему, решили иркутские чекисты, следует установить за Закстельским наблюдение и в случае нахождения клада расчета с ним не производить, а арестовать и предъявить обвинение в мошенничестве.

Барон Роман Федорович Унгерн фон Штернберг

Итак, Закстельский и Прейс поступают в распоряжение Бурят-Монгольского облотдела ОГПУ по поиску ценностей и получают соответствующие удостоверения. В обязанность кладоискателей входит приглашение представителя ОГПУ БМАССР, который должен присутствовать при раскопках. Изъятые ценности планируется передать в распоряжение Красноярского отделения Госбанка СССР. Тогда же (в конце января) из областного отдела ОГПУ БМАССР в Новосибирск и Иркутск поступило сообщение, что клад в Монголии, о котором знал вестовой Унгерна, был вырыт еще в 1924 году. По мнению ОГПУ республики, Закстельский тоже знал о существовании клада, так как зарывал его вместе с Супарыкиным и другими участниками, которые вскоре были убиты, но к изъятию ценностей отношения не имел. Супарыкина привлекали к ответственности за участие в карательных операциях уже

после изъятия клада в Монголии. 3 июня 1925 года Забайкальский отдел ОГПУ дело против Супарыкина прекратил. Об изъятии клада Закстельский не донес потому, что, по мнению чекистов, боялся потерять свою долю. В связи с этим ОГПУ БМАССР командировало в экспедицию с Закстельским и Прейсом сотрудника экономического отдела Якова Ивановича Косиненко.

Донесение из Верхнеудинска примечательно тем, что в нем впервые предлагается договориться с Монголбанком об условиях, на которых монголы разрешат вывезти клад за пределы страны. О том, как собирались договариваться с монгольской стороной, свидетельствует письмо начальника областного отдела ОГПУ БМАССР Ермилова Якову Блюмкину.

«Уважаемый тов. Яков!

Согласно телеграмме т. Заковского, с Закстельским и Прейсом командируется наш сотрудник Косиненко. По приезде в Ургу необходимо наблюдение за Закстельским и Прейсом, особенно за первым, так как он понимает монгольский язык и имеет в Монголии большие личные связи.

Т. Косиненко поручается ведение переговоров с Монголбанком и другими заинтересованными организациями, согласовав предварительно все вопросы с Вами.

Судя по телеграммам т. Заковского, для нас желательно возможно больший вывоз золота к нам. Поэтому просим настоять перед монгольскими властями и дать такие же инструкции тов. Косиненко».

Одновременно Ермилов отправляет в Иркутское ОГПУ секретную записку, в которой сообщает, что Супарыкин живет где-то в Новосибирском округе под чужой фамилией. Закстельский собирается выехать к нему, чтобы выяснить обстоятельства изъятия клада.

Только в конце мая Косиненко, Закстельский и Прейс выезжают в Усть-Кяхту. Выдавая себя за мелких коммерсантов, чтобы не привлекать внимания, они путешествуют довольно спокойно. Забеспокоился чекист лишь в Алтан-Булаке, а в Урге еще больше – у Закстельского там оказалось много знакомых, и всех интересовала цель его поездки в Монголию.

5 июня Яков Косиненко встретился наконец с Яковом Блюмкиным, и они обсудили план предстоящей операции. На следующий день к чекистам присоединился председатель правления Монголбанка Дейчман. Заверив, что Монголия не даст вывезти золото, так как проводит серию мероприятий по укреплению собственной валюты, банкир предложил свой план: подать заявление в Монголбанк с просьбой разрешить проведение раскопок, а затем продать Монголии золото за твердую валюту. Полпред СССР в Монголии Берлин одобрил план.

6 июня заявление было подано. А через три дня начались неприятности. Правительство Монголии поручило Министерству народного хозяйства курировать поиск и изъятие клада. Ни ОГПУ, ни советский полпред не могли проявить своей заинтересованности, а тем более требовать, чтобы поиск курировал Монголбанк. Поэтому в переговоры с монгольской стороной вступил Закстельский – как частное лицо. Министерство запросило 25 процентов стоимости клада в свою пользу. Остальную часть клада монголы соглашались купить, но только за тугрики. Для советской стороны это еще 10 процентов потерь. Переговоры продолжались несколько дней. Монголы отвергали любые компромиссные предложения. Предварительный текст договора был составлен и согласован с полпредом Берлиным только 11 июня. Суть его заключалась в следующем: Б.Х. Закстельскому предоставлялось право вести раскопки в присутствии комиссии из четырех человек (по два с каждой стороны). Министерство народного хозяйства Монголии соглашалось покупать каждый золотник золота по 5 тугриков 75 мунгу (по курсу 9 тугриков 50 мунгу за каждые 10 рублей). Слитки золота с лабораторным оттиском будут приниматься без переливки. При расчете с Закстельским министерство удерживало из причитавшейся ему суммы 10 процентов в доход Монголии на

оплату пошлин. Золотые изделия, имеющие художественную ценность, можно было вывезти на общих основаниях согласно таможенным установкам.

13 июня договор (из 14 пунктов) был подписан, а 14 июня в три часа утра приступили к раскопкам. Их вели во дворе текстильной мастерской Министерства народного хозяйства. Вначале выкопали большую канаву вдоль здания, затем такую же – от ворот вдоль соседнего здания. В землю вгрызались с большим трудом – нетронутая целина не поддавалась лопате. Только неподалеку от ворот, на участке в три-четыре аршина наткнулись на рыхлый грунт. Но клада не было!

Однако монголы, видимо, посчитали, что клад все-таки нашли и сокрыли от властей, так как в течение трех дней после завершения работ не давали членам экспедиции разрешения на выезд из страны, даже установили за ними наружное наблюдение и «склоняли кладоискателей к выпивке». По возвращении из Монголии Я.И. Косиненко подал руководству докладную записку, в которой высказал предположение, что они занимались поисками клада, который был выкопан еще в 1924 году.

Больше всех был удручен неудачей Закстельский. Несколько раз его видели плачущим. По сведениям Косиненко, он собирался разыскивать Супарыкина…

Вторжение в Афганистан при… Сталине[14]

С Афганистаном у Советского Союза отношения всегда были сложные. Великий северный сосед периодически засылал в эту азиатскую страну «ограниченный» контингент войск с целью изменения ее социально-политического строя, захватывал города, заключал союзы с племенами, уничтожал «бандформирования», а затем с позором уходил… Война 1979–1989 гг. была далеко не первой. Еще в 1920-х красные командиры совершали лихие набеги на чужую территорию.

Первые попытки укрепиться в Афганистане Советская Россия предприняла в 1924 году, по приглашению тогдашнего правителя страны – эмира Аманулы-хана. В сентябре в Кабул прибыла миссия советских авиаторов для оказания помощи государственной армии, которая вела напряженную борьбу с повстанцами, сражавшимися под знаменем защитников ислама. Великобритания, заинтересованная в укреплении своих позиций в Афганистане, заявила протест по этому поводу, но Аманулла-хан его проигнорировал. У эмира был собственный взгляд на формирование военно-воздушных сил страны, имевших на вооружении английские самолеты «Де Хэвиленд», которыми некому было управлять.

Направленные в Кабул 11 пилотов и техников принялись за работу. 6 октября были совершены вылеты в район Зурмаха. Военные действия быстро истощили привезенный запас горючего и боеприпасов. Собственная материальная база афганских ВВС отсутствовала, поэтому пришлось ждать из России нового вьючного каравана, который прибыл только через неделю. 14 октября красные летчики нанесли бомбовые удары по базам повстанцев в районе Хоста и Надрала.

Эта помощь укрепила доверие Аманулы-хана, который благосклонно принял предложенный советским послом Старком план модернизации афганских ВВС. Он предусматривал формирование двух разведывательных и одного истребительного авиаотрядов общей численностью 36 аппаратов и авиашколы с парком в 16 аэропланов. Эти авиаотряды укомплектовывались советскими летчиками. Приказом управления ВВС Туркестанского фронта этим находящимся в Кабуле «инструкторам» запрещалось переписываться со своими коллегами в Туркестане, а советский военный атташе Виталий Маркович Примаков в своей книге «Афганистан в огне» упоминает об их участии в боевых действиях и в 1928 году. К этому времени положение Аманулы-хана укрепилось настолько, что он предпринял поездку в Европу. Эмира не было в стране всего полгода, и это оказалось гибельным для его режима.

За время отсутствия Аманулы противники эмира сумели собрать большую армию сторонников. Нередко под их знамена переходили целые полки, поверившие, что Аманулла-хан бежал из страны. В результате повстанцы под командованием бывшего взводного командира эмирской гвардии Бачаи-Сакао одолели правительственные войска и 17 января 1929 года заняли Кабул. Власть перешла к Бачаи-Сакао, принявшему имя эмира Хабибуло. В городе началась резня. Она была не только племенной – победившие пуштуны резали хазарейцев, но и религиозной. Исламские фундаменталисты выступали против светского образования, фабрик, радио и других новшеств, развращающих, по их мнению, душу правоверного мусульманина. Из страны начался отток беженцев, которые устремились в советскую Среднюю Азию. Это были в основном десятки тысяч узбекских, таджикских, туркменских дехкан, в свое время бежавших от большевиков за границу. Как это всегда бывает, вместе с беженцами двинулись сторонники простых и радикальных решений, объединенных любовью к легкой наживе. В то время их называли «басмачи».

[14] Материал Ю. Гаврюченкова.

Советские «инструкторы» были эвакуированы из Афганистана. Командующий Среднеазиатским военным округом (САВО) Дыбенко был серьезно обеспокоен сложившейся ситуацией. Разведотдел САВО 10 марта 1929 года извещал Москву: «Вслед за захватом власти в Афганистане Хабибуллой отмечается резкое повышение активности басмшаек, учащаются случаи перехода на нашу территорию… Узбеки – бывшие басмачи принимали активное участие в совершении переворота и привлекаются к охране границ… Хабибулла установил контакты с эмиром бухарским и Ибрагим-беком, обещал оказать содействие в походе на Бухару… Развернувшиеся в Афганистане события, развязывая силы басмаческой эмигрантщины, создают угрозу спокойствию на нашей границе…»

Между тем большевистское руководство в Москве искало случая развернуть ход событий с целью установления советской власти в Афганистане или хотя бы укрепления ее на приграничных среднеазиатских территориях. Долго ждать не пришлось. В феврале 1929 года сателлит Советской России Аманулла-хан с группой соратников прибыл в район Кандагара для организации сил, во главе которых он надеялся вновь войти в Кабул. Вскоре в ЦК ВКП(б) обратился генеральный консул Афганистана в Ташкенте Гулям-Наби-хан. Он просил разрешить формирование на советской территории отряда из покинувших страну сторонников Амануллы. Предполагалось, что отряд должен совершить глубокий рейд по территории Афганистана и помочь основным силам свергнутого эмира взять Кабул.

Красный командир Виталий Примаков, он же Витмар и Рагиб-бей

Москва немедленно откликнулась на просьбу о помощи. Руководство формированием отряда поручили заместителю командующего САВО Германовичу. Изучив положение дел в стане хазарейцев, он известил командование: «…афганцы хорошо умеют стрелять, но почти не разбираются в устройстве русских винтовок и, чтобы перезарядить их, бьют по затвору камнем». Для усиления боеспособности отряд решили пополнить красноармейцами. Поначалу он не превышал трехсот человек и был оснащен 12 станковыми и 12 ручными пулеметами, 4 горными орудиями и подвижной радиостанцией. Командиром назначили «кавказского турка Рагиб-бея», как именовали в документах Примакова. Все красные военспецы получили азиатские имена, которыми должны были называться в присутствии афганцев. 10 апреля 1929 года отряд был полностью подготовлен к выступлению.

Вторжение началось утром 14 апреля, как начинаются все войны в мире – с перехода границы противника. На рассвете разведчики сняли афганскую заставу на южном берегу Амударьи и двинулись на юг. На следующий день отряд «Рагиб-бея» захватил город Келиф. Его гарнизон был поначалу настроен весьма решительно, но после первых пушечных выстрелов и пулеметных очередей сложил оружие.

22 апреля 1929 года отряд подошел к Мазари-Шарифу. Ранним утром передовые подразделения ворвались на окраину. Жестокий бой продолжался весь день. Превосходящие силы обороняющихся не устояли под пулеметным огнем. Вскоре из Мазари-Шарифа в Ташкент отправилась радиограмма о взятии города. Из штаба САВО в Москву сообщили: «Мазар занят отрядом Витмара».

«Витмаром» был Виталий Примаков, он же «кавказский турок Рагиб-бей». Советское правительство принимало такие конспиративные меры, потому что боялось осложнений дипломатического характера. Между тем о вторжении переодетых бойцов Красной армии в Афганистан стало известно сразу после взятия Келифа. 17 апреля 1929 года губернатор Мазари-Шарифской провинции заявил протест по поводу организации на советской территории отряда Гулям-Наби-хана и занятия им ряда приграничных населенных пунктов. В ответ советский генеральный консул выступил с неуклюжим опровержением о «якобы имевшем место вмешательстве в дела Афганистана». Операция была засекречена настолько, что даже в обзоре наркомата иностранных дел в Узбекистане о положении в Афганистане за апрель 1929 года написано, что «22 апреля Мазари-Шариф был занят… отрядами, верными Аманулле».

Как известно, Советский Союз проводил в те годы так называемую миролюбивую политику, заключавшуюся в разжигании очагов войны по всему миру. Была «миссия дружбы» Блюхера в Китае, была «братская помощь» в Восточном Туркестане» (ныне – Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР) в 1933–1934 и 1937 годах, была «интернациональная помощь» в Испании… Войны не назывались войнами, и вторжение в Афганистан исключением не стало. В советскую историю этот бандитский набег вошел под именем «операции по ликвидации бандитизма в Туркестане», которую проводил «мусульманский батальон», составленный частично из афганцев, но в основном – из бойцов 81-го кавалерийского и 1-го горно-стрелкового полков, а также 7-го конно-горного артиллерийского дивизиона РККА.

Несмотря на успешное начало операции, Примаков беспокоился за ее исход. «Витмар» сообщал: «Операция задумывалась как действия небольшого конного отряда, который в процессе боевой работы обрастет формированиями, но с первых дней пришлось столкнуться с враждебностью населения». При подготовке вторжения Гулям-Наби-хан уверял, что на территории Афганистана к отряду присоединятся тысячи сторонников, однако местные жители отказались покоряться интервентам. Через день гарнизон крепости Дейдади, расположенной неподалеку от Мазари-Шарифа, при поддержке племенных ополчений предпринял попытку выбить отряд из главного города северного Афганистана. Плохо вооруженные афганские солдаты и ополченцы с религиозными песнопениями двинулись под пулеметный и орудийный огонь. Атаковали они строем, на ровной местности. Их косили из пулеметов, но цепи нападающих были так густы, что красноармейцев спасало только превосходство в вооружении. Примаков по радио запросил помощи. На выручку был отправлен эскадрон с пулеметами, но, встреченный превосходящими силами афганцев, он был вынужден возвратиться на свою территорию. Только 26 апреля самолеты доставили в Мазари-Шариф 10 пулеметов и 200 снарядов.

Тем временем ситуация осложнилась. После нескольких неудачных попыток штурма города афганские военачальники, чтобы принудить непрошеных гостей к сдаче, прибегли к проверенному веками способу: перекрыли арыки, по которым в город поступала вода. В менее дисциплинированной афганской части отряда начался ропот. Оказавшись перед угрозой разгрома, «Витмар» отправил в Ташкент новое донесение: «Окончательное решение задачи лежит в овладении Дейдади и Балхом. Живой силы для этого нет. Необходима техника. Вопрос был бы решен, если бы я получил 200 газовых гранат (иприт, 200 хлоровых гранат мало) к орудиям. Кроме того, необходимо сделать отряд более маневроспособным, дать

мне эскадрон. Мне отказано в эскадроне, авиации, газовых гранатах. Отказ нарушает основное условие: возьмите Мазар, потом легально поможем. Если можно ожидать, что ситуация изменится и мы получим помощь, я буду оборонять город. Если на помощь нельзя рассчитывать, то я буду играть ва-банк и пойду брать Дейдади. Возьму – значит, мы хозяева положения, нет, значит, обратимся в банду и ищем путей домой». Как следует из этого донесения, интервенты готовы были травить афганцев боевыми газами…

К этому времени в штабе САВО приняли решение помочь осажденным «освободителям» открыто. 6 мая авиация Среднеазиатского ВО несколько раз штурмовала боевые порядки афганцев. А днем раньше через границу переправился отряд из 400 красноармейцев при 6 орудиях и 8 пулеметах. Впоследствии Примаков, узнав о том, как происходил переход, заметил: «Заставу можно было скрасть и снять безо всякого шума, и Дыбенко напрасно придает переправе характер формальной войны».

После двухдневного форсированного марша эскадрон вышел к Мазари-Шарифу. Вместе с осажденными они отбросили афганцев в крепость. 8 мая после бомбардировки с воздуха и артиллерийского обстрела гарнизон Дейдади покинул цитадель, оставив победителям немалые трофеи. Объединенный и значительно усиленный отряд остановился на двухдневный отдых. А потом двинулся дальше на юг, захватив города Балх и Ташкурган.

Эмир Хабибуло бросил против советских интервентов свою лучшую дивизию под командованием прославленного военачальника Сейид-Гуссейна. Исход столкновения с красноармейским отрядом был бы и в этом случае сомнителен, но тут Примакова срочно вызвали в СССР и 18 мая он на специальном самолете вылетел в Ташкент. Командование отрядом принял Александр Черепанов (он же «Али-Авзаль-хан»). Усиленный артиллерией эскадрон продвигался в глубь страны, однако 23 мая пришло известие о том, что дивизия Сейид-Гуссейна внезапно овладела Ташкурганом, перерезав тем самым пути снабжения отряда.

В стане интервентов началась паника. Гулям-Наби-хан и его чиновники, которые должны были сформировать новое правительство, спешно кинулись назад, к советской границе. Без них Кабул брать не имело смысла. Черепанов вынужден был развернуться и двинуться к Ташкургану. Утром 25 мая после артиллерийской подготовки, сопровождаемой авианалетом с аэродрома САВО, красноармейцы ворвались в город. Бои продолжались двое суток. Город трижды переходил из рук в руки, но в итоге афганцы вынуждены были отступить.

Победа далась очень нелегко. Отряд понес серьезные потери. Было убито 10 командиров и красноармейцев и 74 хазарейца, ранено 30 красноармейцев. В ходе боя за Ташкурган были израсходованы почти все снаряды. Продолжение операции, а тем более успешное ее завершение оказались под угрозой. А вскоре поступила радиограмма: двигавшиеся на Кабул сторонники Аманулы-хана потерпели поражение. В этой ситуации продолжение войны силами маленького отряда на территории, где подавляющее большинство населения относится к нему враждебно, становилось бессмысленным. 28 мая штаб Среднеазиатского ВО отдал приказ о возвращении…

«Операция по оказанию добрососедской помощи» бесславно закончилась. Однако в штабе Среднеазиатского ВО продолжалась разработка планов нового вторжения в Афганистан. Один из вариантов предусматривал возвращение Аманулы-хана при сохранении независимости Афганистана, другой – создание на севере страны марионеточной республики с последующим ее присоединением к Советскому Союзу. Реализации этих захватнических планов помешало изменение политической ситуации – в октябре 1929 года эмир Хабибуло был свергнут самими афганцами, без всякой помощи извне.

Что случилось в «Англетере»?[15]

Начнем с события общеизвестного: в конце декабря 1925 года Сергей Есенин приезжает из Москвы в Ленинград, останавливается в гостинице «Англетер»… Именно с этого утверждения и начинается миф о последних днях жизни поэта.

Я решил проверить факт проживания Есенина в «Англетере», а заодно попытаться выяснить подробности его пребывания в гостинице. Смущало, что ни один из постояльцев и сотрудников гостиницы впоследствии не оставил воспоминаний хотя бы о мимолетной встрече с популярным и любимым многими поэтом. Нет свидетельств и о том, кому звонил Есенин в те декабрьские дни, с кем встречался до вечера 27 декабря, – ведь в Питере у него была масса знакомых, а сам он считался очень общительным человеком. Неужели долгими зимними вечерами он сидел в своем номере в полном одиночестве?

Гостиницы города в те годы контролировал экономический отдел ГПУ. Списки проживающих, рабочие журналы гостиницы я надеялся найти в архиве ФСБ, однако получил из этого ведомства ответ, что архив экономического отдела той поры неизвестно когда таинственно исчез. Но 1925 год – это, как известно, время эпохи нэпа с ее относительной свободой предпринимательства. Значит, должны существовать какие-то документы, отражающие доходы и налогообложение граждан. И они были. Каждого жителя страны тогда сопровождала так называемая «форма № 1», где фиксировались жалованье людей, доплаты, различные приработки… Помимо прочего, эта форма требовала составления два раза в год контрольно-финансовых ревизорских списков жильцов гостиниц с довольно обширными сведениями о людях.

Я нашел списки постояльцев «Англетера» середины 1920-х годов и могу сегодня перечислить около ста пятидесяти человек, которые проживали в гостинице в конце декабря 1925 года, и около пятидесяти сотрудников «Англетера» вплоть до уборщиц. Фамилии Есенина в этих списках нет. Он никогда не жил в «Англетере»!

Говорят, что Есенина, раз он был человеком известным, могли поселить в гостиницу без обычных формальностей, по блату… Но это исключено. «Англетер» в ту пору был режимным объектом, где проживали чекисты, партийно-советские чиновники районного и губернского масштаба. Неслучайно на каждом этаже располагались так называемые дежурки с сотрудниками ГПУ, которые проверяли документы у всех постояльцев.

Однако существует немало воспоминаний очевидцев: одни 27-го вечером гостили у Есенина в номере, другие наутро вынимали его тело из петли, подписывали акт о самоубийстве поэта… Но, столкнувшись с одной неправдой, надо быть осторожным в оценке каждого документа, каждого человека, так или иначе причастного к этой трагедии. Скажем, любой на моем месте поинтересовался бы актом вскрытия тела Есенина. Но оказалось, что кто-то предусмотрительно уничтожил все акты вскрытия тела, составленные доктором Г. Гиляревским до 1926 года.

Однако сохранились акты того же Гиляревского последующих лет. Я держал их в руках. Сравнил их с актом о смерти поэта, заверенным якобы тем же Гиляревским. Совершенно другая подпись! Больше того, стиль, стандарт, нумерация этого документа абсолютно не соответствуют принятым тогда нормам. Такое впечатление, что человек просто понятия не имел, как это делается. Сомнительным является и акт об обнаружении тела Есенина в пятом номере гостиницы, который составил участковый надзиратель Николай Горбов.

---

[15] По материалам беседы Ю. Шнитникова с писателем Виктором Кузнецовым, долгие годы изучавшим материалы архивов.

Среди свидетелей этой истории были известные люди – Вольф Эрлих, Георгий Устинов с женой, Николай Клюев, Павел Медведев, Ушаков… Остались их воспоминания. Давайте с ними разбираться.

Николай Клюев – наставник Есенина на раннем этапе его творчества, в дальнейшем – его «ласковый» противник. Это далеко не тот Клюев, какого мы знаем по 1930-м годам. Есенин же в 1923 году пережил серьезную мировоззренческую ломку, после чего полностью отошел от своего социального романтизма и приблизился к неприятию Февральской и Октябрьской революций, советской власти. В 1925 году они были совершенно разными людьми. Клюев в ту пору пребывал в страшной бедности (сохранилась его слезная просьба к губернскому начальству освободить от платы за квартиру) и в полной зависимости от благосклонности властей. Отчасти этим можно объяснить, что он не возражал, когда оказался в списках лжегостей Есенина. Смалодушничал под давлением тяжелых жизненных обстоятельств? Примечательно, что в дальнейшем он никогда не упоминал, что был в тот вечер у Есенина. Случайность?

Сергей Есенин и Айседора Дункан. 1920-е гг.

Георгий Устинов – журналист, критик, якобы проживавший в те дни в «Англетере» и опекавший Есенина. Однако его фамилии тоже нет в списках постояльцев гостиницы. Не числится в них и его супруга Елизавета Алексеевна. Я сравнил его подлинный автограф с подписью на милицейском акте о смерти Есенина – ничего общего! Этого «близкого» приятеля Есенина никто не видел ни во время прощания с поэтом в Доме писателей, ни на проводах тела на вокзале. Вообще официальная биография Устинова мало соответствует фактической. Подчеркивается, что он работал в газетах «Правда» и «Известия», но умалчивается его работа в бундовской газете «Звезда» в Минске. Он был исключен из ВКП(б) за пьянку и потерю связей с партией и всю жизнь пытался в ней восстановиться. Его звездные годы были связаны с периодом Гражданской войны, по фронтам которой он сопровождал в поезде

председателя Реввоенсовета Льва Троцкого, а затем первым написал о нем пламенную брошюру «Трибун революции». Все эти сведения о ключевом свидетеле последних дней жизни Есенина тщательно скрывались много десятилетий – я собирал их по крупицам из малоизвестных публикаций, писем, фондов. «Безупречность» этой персоны охраняет и гриф секретности, который и сегодня продолжает сопровождать в одном из архивов «личное дело» Георгия Устинова. Мне удалось познакомиться с ним, после чего у меня не осталось сомнений в лживости и заказном характере его мемуаров, призванных сфальсифицировать подлинную историю гибели Есенина. Думаю, что не случаен и бесславный конец этого человека, так и не нашедшего себе места в жизни, – в 1932 году его тело вынули из петли в его собственной квартире.

«Поэт, приятель Есенина в последние два года его жизни». Так справочные разделы есенинских собраний сочинений рекомендуют Вольфа Эрлиха. Это ему Есенин адресовал известную телеграмму от 7 декабря 1925 года: «Немедленно найди две-три комнаты. 20 числах переезжаю жить Ленинград. Телеграфируй». Насколько важна была роль Эрлиха в судьбе поэта? Мне не вполне ясна была личность этого молодого человека, пока я не обнаружил, что с 1920 года (с восемнадцати лет!) он являлся секретным сотрудником ЧК-ГПУ и по этому роду своей деятельности находился в непосредственном подчинении известного чекиста Ивана Леонова, в 1925 году – заместителя начальника Ленинградского ГПУ.

Кажется подозрительным то обстоятельство, что практически вся компания свидетелей и понятых, поставивших свои подписи под документами о смерти Есенина, состоит из знакомых и друзей Вольфа Эрлиха. Больше того, литературный критик Павел Медведев, поэты Илья Садофьев, Иван Приблудный, журналист Лазарь Берман и некоторые другие также являлись сексотами ГПУ. Где граница между их дружескими, творческими отношениями и стукачеством? И какова цена оставленным ими воспоминаниям?

Вызывает вопросы и вояж Эрлиха из Москвы в Ленинград 16 января 1926 года, когда в течение одного дня он сварганил сомнительное свидетельство о смерти Есенина. Причем взял он его в загсе не Центрального района, на территории которого расположен «Англетер», а Московско-Нарвского района. Именно в этом районе все ключевые административные посты тогда находились в руках троцкистов, с помощью которых было проще оформить нужный документ.

С именем Эрлиха связано и обнародование якобы последнего стихотворения Сергея Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья…». По его словам, вечером 27 декабря, прощаясь, поэт засунул листок со стихами в карман пиджака Эрлиха с просьбой прочесть их как-нибудь потом, когда он останется один. А Эрлих «забыл» об этих стихах. Вспомнил лишь на следующий день, когда Есенина уже не было в живых. 29 декабря стихотворение публикуется в ленинградской «Красной газете». Датируется 27 декабря. Но в оригинале нет даты его написания.

И еще вопрос: почему оригинал этого стихотворения впервые появился на свет только в феврале 1930 года? Его принес в Пушкинский Дом крупный политработник, впоследствии – литературный критик Георгий Горбачев. В журнале осталась запись: «От Эрлиха». Но Эрлих в 1930 году – мелкая сошка, сотрудник пограничной охраны ГПУ Закавказья. А «курьер» Горбачев – видный политкомиссар, хороший знакомый Троцкого. Не странно ли? Что-то тут не сходится…

После знакомства с воспоминаниями Вольфа Эрлиха, с его стихами у меня сложилось впечатление, что по характеру своего творчества и по своей натуре он был очень далек от Есенина, если не сказать – враждебен ему. Резкий, злобный, мстительный человек – полная противоположность открытому, доверчивому, сентиментальному Есенину. Меня буквально обескуражило стихотворение Эрлиха «Свинья», написанное в 1929 году, где есть такие строки: «Пойми, мой друг, святые именины твои отвык справлять наш бедный век.

Запомни, друг, не только для свинины, – и для расстрела создан человек». Они тут же вызвали из моей памяти силуэт головы свиньи, нарисованный над бурыми строками оригинала есенинского «До свиданья…» Поначалу это изображение принимали за кляксу. Но нет, свиное рыло с ушами на том листке трудно с чем-то перепутать. Что стоит за этой неожиданной аллегорией, получившей столь зловещее стихотворное продолжение? Нет, очень непрост был в своих взаимоотношениях с поэтом сексот ГПУ Вольф Эрлих.

Невольно появляется мысль о заговоре… Но почему в нем возникла необходимость?

С осени 1925 года Есенин находился под судом. В сентябре, когда он вместе с женой возвращался из Баку в Москву, в поезде у него случился конфликт с одним московским партийным чиновником и дипкурьером. Их стараниями в Москве на вокзале поэт был задержан, допрошен, а вскоре против Есенина было возбуждено судебное дело – уже тринадцатое по счету. В попытке избежать суда он ложится в психиатрическую клинику Московского университета («психов не судят») под опеку своего земляка профессора Ганнушкина. Именно там Есенин написал свой шедевр «Клен ты мой опавший, клен заледенелый…» и другие прекрасные лирические стихи. За поэта тогда заступился нарком просвещения Луначарский, который не хотел шумихи по этому делу в зарубежной прессе.

И тогда Есенин решает сбежать в Ленинград. Но, конечно, не на постоянное местожительство. Он вообще хотел бежать из Советского Союза.

Еще 7 февраля 1923 года по пути из Европы в Америку он пишет письмо в Берлин своему приятелю, поэту Александру Кусикову, в котором прямо заявляет о своем неприятии советской власти, добавляя, что от нее «сбежал бы хоть в Африку». За месяц до смерти, 27 ноября, Есенин пишет из психиатрической клиники своему другу Петру Чагину: «…Избавлюсь (от скандалов. – *Авт.*), улажу, пошлю всех… и, вероятно, махну за границу. Там и мертвые львы красивей, чем наши живые медицинские собаки». Целью бегства могла быть Великобритания, по другим предположениям – Прибалтика. О серьезности его намерений говорит и краткая поездка в Ленинград в начале ноября 1925 года – мосты наводил? Но кто-то выдал его настроения – не исключено, что Устинов: в тот приезд он вертелся рядом с поэтом, вместе пили… Дальше события могли развиваться так: 24 декабря 1925 года находящийся под судом Сергей Есенин приезжает из Москвы в Ленинград, тут же арестовывается, доставляется в следственный изолятор, допрашивается, до смерти избивается, его тело тайно переносят в пятый номер «Англетера», где и устраивается известное нам святотатство с «добровольным уходом поэта из жизни»…

Надо ли говорить, что на подобную акцию исполнители вряд ли решились, не имея санкции свыше? Но кто мог выступить в роли «заказчика» этого убийства, кому были поручены функции «киллера»? Ответов на первую часть вопроса нет (есть лишь догадки), да, вероятно, и быть не может: все указания отдавались преданным людям устно и неофициально. Что же касается непосредственного исполнителя убийства, то наиболее подходящей фигурой здесь мог быть известный террорист, сотрудник ВЧК Яков Блюмкин. По воспоминаниям тифлисского приятеля Есенина, писателя и журналиста Николая Вержбицкого, у Блюмкина могли быть и личные счеты с Есениным: тот однажды в Баку в 1924 году угрожал поэту и даже пистолет на него направлял. Некоторые видели в те декабрьские дни Блюмкина в «Англетере». Но со стопроцентной уверенностью указать именно на него как на убийцу Есенина я сегодня не могу – не хватает материала.

А дальше… Развитие событий легко предположить: начали заметать следы преступления. Об участниках этого действа удалось узнать побольше.

В конце 1925 года комендантом «Англетера» был чекист Василий Назаров. Любитель выпить, он «расслабился» и днем в воскресенье, 27 декабря, к вечеру сморился и улегся спать. Поздно вечером (а не утром, согласно официальной версии!) в квартиру позвонил дворник: мол, вызывают в гостиницу, в пятый номер. Назаров, еще не протрезвевший, ушел,

а вернулся уже утром – усталый, мрачный и молчаливый… Это подлинный рассказ вдовы коменданта Антонины Львовны. Я успел встретиться с ней незадолго до ее смерти в 1995 году. Несмотря на почтенный возраст, она сохранила ясную память – я проверял детали ее воспоминаний по документам. Муж не был с ней многословен: повесился, мол, поэт, оформляли… Но если бы и в самом деле повесился, то, наверное, было бы что рассказать?

Вместе с Василием Назаровым свои подписи в качестве понятых в ту ночь под документами поставили несколько литераторов, сотрудничавших с ГПУ, – Павел Медведев, Всеволод Рождественский, Михаил Фроман. Фальшивый акт об обнаружении тела Есенина в гостинице составлял участковый милиционер Николай Горбов, прошедший выучку в секретном отделе уголовного розыска. Его высокими начальниками были глава губернской милиции Герасим Егоров и руководитель УТРО Леонид Петржак. Оба в 1929 году были арестованы как троцкисты. Впоследствии Николай Горбов, отсидев срок в тюрьме по сфабрикованному делу, написал заявление в парторганизацию (не из чувства ли обиды?), в котором указывал на «некрасивые поступки» этих людей, а также еще одного крупного чина – заместителя начальника Ленинградского ГПУ Ивана Леонова. Есть подозрение, что именно он и был главным организатором этой акции, который распределял кровавые обязанности между своими проверенными подчиненными. А Горбов, облегчив в 1931 году душу своим заявлением в парторганизацию, через год бесследно исчез…

Неужели настолько все было скрупулезно продумано, что не осталось явных следов? Нет, какие-то ошибки исполнители этого черного дела, конечно, совершили, особенно на стадии заметания следов. Добавлю такую частность, как якобы наличие ванны в пятом, «есенинском» номере гостиницы, что отмечали некоторые из лжемемуаристов. Я не поленился и отыскал инвентарную опись вещей и обстановки в «Англетере». Ванны в том номере не было. Мелочь, казалось бы… Но, как известно, именно детали обычно и подводят лжецов.

Как следствие поспешной небрежности примечательны и газетные публикации на смерть Есенина: еще не было готово заключение судмедэкспертизы, а газеты уже сообщили, что поэт повесился. Журналисты сами это написали? При жесткой цензуре того времени, которая «вела» даже стенгазеты, без санкции свыше это было невозможно. А тем, кто наверху, результаты экспертизы и не были нужны.

Далеко не все из современников поэта поверили в скороспелый официальный миф о его самоубийстве. Написал же 30 декабря в «Красной газете» смелую и дерзкую статью под заголовком «Казненный дегенератами» Борис Лавренев. Известный писатель и сторонник революции, он успел сказать свое честное слово – возможно, что и по чьему-то недосмотру. Но в дальнейшем он уже никогда не возвращался к этой теме. Впрочем, молчали и все остальные. Людям было чего бояться в те времена.

Но приблизиться к истине в этой печальной истории мы, конечно, сможем, когда откроются за давностью времени наши архивы. Ведь есенинской трагедии уже без малого 80 лет…

Загадки экспедиции Амундсена – Элсуорта – Нобиле[16]

Утром 10 апреля 1926 года из Рима стартовал дирижабль «Норвегия». Воздушный корабль благополучно перелетел Баренцево море и приземлился в Кингсбее (Шпицберген). 11 мая «Норвегия» начал свой исторический полет к Аляске через Северный полюс.

12 мая в 1 час 30 минут дирижабль появился над полюсом. Амундсен утверждает, что «часы показывали тогда 1 час 25 минут по Гринвичу…» Воздушный корабль сделал круг над полюсом, поочередно сбросив на него три флага: норвежский, американский и итальянский. Через 40 лет после достижения полюса Нобиле вспоминал: «Полюс был уже близко. Рисер-Ларсен приник к окну с секстантом в руках, чтобы не пропустить момент, когда солнце выглянет из-за туч и можно будет измерить его высоту. По мере того, как дирижабль приближался к заветной черте, о которой мы столько мечтали, на борту возрастало возбуждение, никто не разговаривал, но лица у всех были взволнованые и радостные…» В момент, когда древко норвежского флага воткнулось в лед Северного полюса, Амундсен молча и крепко пожал руку Оскару Вистингу. Слова действительно были излишни: эти люди 14 декабря 1911 года вместе побывали и на Южном полюсе.

14 мая в 8 часов дирижабль приземлился в селении Теллер на Аляске. Первый и вообще единственный трансарктический перелет на дирижабле был завершен. К сожалению, после Теллера экспедиция, по существу, распалась:

[16] По материалам М. Павлушенко.

Полярный исследователь Руаль Амундсен

Р. Амундсен и У. Нобиле рассорились, Л. Элсуорт остался верен великому норвежцу, а знаменитый итальянец недооценивал богатого американца.

Если об Амундсене или Нобиле российский читатель еще может кое-что рассказать, то при упоминании фамилии Элсуорт многие лишь пожмут плечами. Между тем сын американского миллионера, Элсуорт сам был миллионером, и его денежные вклады сыграли важнейшую роль в организации некоторых исследований в высокоширотных областях. В мае 1925 года, например, он финансировал полярную экспедицию Амундсена на самолетах «Дорнье-Валь», уже известную нам экспедицию на дирижабле «Норвегия» и т. п. В 1933–1939 годах Элсуорт организовал и возглавил четыре антарктические экспедиции. Впервые в истории авиации он совершил трансантарктический перелет, о чем нам напоминает сегодня название Земли Элсуорта в Антарктике.

Рассказывая об этом беспримерном трансарктическом перелете, было бы неделикатным выяснять, кто из троих руководителей был прав, а кто – нет. Уважение и добрую память заслуживают все трое. Только союз опытного в полярных делах немногословного северянина и не менее опытного в воздухоплавательных делах темпераментного южанина, скрепленный финансовым вливанием честолюбивого американца, послужил главным залогом

того, что такая экспедиция состоялась и благополучно завершилась. Однако в ее истории есть несколько малопонятных и загадочных страниц.

Вернемся к воспоминаниям Умберто Нобиле: «Пролетая над полюсом, мы отправили радиограммы, которые извещали мир о том, что на полюсе сброшено три флага. Несколько часов после этого радио на борту молчало. Оно так и не заработало до конца нашего путешествия ни на прием, ни на передачу… Причины столь долгого молчания радио так и не были никогда выяснены. Готтвальдт (норвежский офицер, отвечавший за радиослужбу на «Норвегии». – *Авт.*) пытался приписать отсутствие радиосвязи обледенению антенны, но это объяснение неудовлетворительно. Два года спустя тот же самый феномен повторился – и не однажды – с радиоаппаратурой дирижабля «Италия», близнеца «Норвегии».

Кстати, уже на американской территории Готтвальдт слышал переговоры двух радиостанций. Ситуация действительно острая: впервые летательный аппарат двигался над абсолютно неисследованными северными районами. Путь этот составлял две тысячи миль. По радио экипаж «Норвегии» извещал мир о ходе полета, а также ориентировался в пространстве при отсутствии наземных ориентиров и в сложных метеорологических условиях.

Э.Т. Кренкель, который спустя пять лет летал радистом в северных областях на дирижабле «Граф Цеппелин», в 1933 году писал: «Прием на длинных волнах за все время полета был хорошим. Помех от пяти моторов дирижабля не было. К сожалению, этого нельзя сказать о приеме на коротких волнах. Пять моторов с общим количеством в шестьдесят свечей зажигания создавали постоянную завесу. Правда, убирая или выпуская антенну, можно было находить относительно спокойное место, но все же нужно было иметь громкость приема не ниже 6 баллов (по 9-балльной шкале), чтобы вообще обнаружить работу радиостанции. Отчасти этим обстоятельством объясняется отсутствие двухсторонней связи на участке пути Земля Франца-Иосифа – Северная земля».

Однако далее Кренкель пишет с точностью до наоборот: «Длинноволновый передатчик дирижабля при мощи в 150 ватт на материке не был слышен. Коротковолновый же, хотя и был слышен, но ввиду местных помех дирижабля не слышал ответов на его вызовы».

Таким образом, на дирижабле «Норвегия» радиостанция молчала трое суток. Следует заметить, что до полюса дирижабль поддерживал устойчивую радиосвязь со станциями Ставангера, Кронштадта, Ленинграда, Петрозаводска, Архангельска, Тромсе и Варде. Анализируя воспоминания Нобиле и Амундсена, можно предположить, что рация была исправной. Мастерство радистов «Норвегии» было высоким: в Теллере они с помощью местного радиотелеграфа известили мир о благополучном завершении перелета. Радиотелеграф был неизвестной им конструкции и на нем отсутствовал штатный радиотелеграфист. Что касается дирижаблей «Италия» и «Граф Цеппелин», то перебои в работе радиосредств этих дирижаблей, находящихся также в северных областях, носили временный и местный характер.

Может быть, на северном побережье в те годы еще не было радиостанций аэрометеослужбы? Тем более что до полета «Норвегии» Умберто Нобиле заметил: «…в настоящее время для целей экспедиции можно пользоваться только станцией Шпицбергена». Однако еще в 1925 году знаменитый немецкий дирижаблист Вальтер Брунс предложил проект трансарктического воздушного сообщения Амстердам – Копенгаген – Ленинград – Архангельск – Северный полюс – Ном – Унимак – Иокогама – Сан-Франциско. В качестве станций радиопеленга были выбраны уже существовавшие радиостанции на Шпицбергене, Новой Земле, на острове Диксон, в устье Енисея, в Средне-Колымске и в других местах Карского моря и Сибири.

Следовательно, можно предположить об умышленном молчании радиостанций. Кому это могло быть выгодно? Ну, например, некоторым правительствам стран Арктического бассейна. Если бы экспедицией были найдены новые земли, то катастрофа дирижабля списала бы этот приоритет, а заодно и права на владение этими землями. В 1926 году считалось, что

на северной макушке Земли находится материк. Одним из авторов гипотезы был сам Руаль Амундсен.

Молчание радиостанции было выгодно и Руалу Амундсену. Информация о перелете стоила больших денег, а у знаменитого путешественника остались долги еще от прошлых экспедиций. Кстати, основной причиной ссоры между Р. Амундсеном и У. Нобиле как раз и стали финансовые проблемы. После того как мир узнал, что дирижабль все-таки достиг Северного полюса, неизвестность приковывала бы внимание общественности к экспедиции. Технически организовать молчание радиостанции воздушного корабля было просто: радийной частью на нем заведовали только норвежцы. Это косвенно подтверждает и тот факт, что, когда в Теллере У. Нобиле хотел по радиотелеграфу сообщить своей жене, что он жив и здоров, Амундсен приказал радисту-норвежцу передать телеграмму командира дирижабля только после передачи статей редакциям крупных газет.

Молчание радиостанции «Норвегии» могло быть и простой недоработкой оргкомитета перелета или недисциплинированностью радистов аэрометеостанций. Скажем, оргкомитет не смог довести предварительное оповещение о дате вылета дирижабля до радиостанций аэрометеослужбы, а радиостанции тогда работали не в режиме дежурного приема, а на связь выходили только в заранее условленные часы. Радисты аэрометеослужбы могли самовольно не выходить на связь.

При всей невероятности этой гипотезы, можно еще предположить, что экспедиция «Норвегии», помимо трансарктического перелета, могла иметь некую тайную цель. Амундсен и Нобиле, пожалуй, могли об этом и не знать. Военнослужащим, как известно, проще приказать что-то выполнить. Например, после катастрофы дирижабля «Италия» часть офицеров из его экипажа, под давлением начальства, свидетельствовала против своего командира. Экипаж «Норвегии» состоял практически из одних военнослужащих, причем весьма целенаправленным был подбор воинских специальностей: Нобиле – полковник, Рисер-Ларсен – морской летчик, Готтвальдт – капитан военно-морского флота, Вистинг – лейтенант морской артиллерии. Все итальянцы, отобранные в состав экипажа, были из военной авиации. Следует учесть и то, что Муссолини, как признавал Нобиле, старался изобразить экспедицию «как свое фашистское дело». Рисер-Ларсен писал, что каждая мысль Руала Амундсена была проникнута настроением: «Как мне лучше всего одарить свою родину».

По проекту экспедиции, местом приземления дирижабля должен был стать Ном – городок на юго-западе полуострова Сьюард (Аляска). Там все было подготовлено для встречи. Но сильный ветер и густой туман заставили изменить маршрут. «Я решил не лететь в Ном», – принял решение Нобиле. Командир приземлил дирижабль у ближайшей по курсу эскимосской деревушки. Это и был Теллер, но Нобиле говорит, что тогда еще этого не знал. Штурман дирижабля Рисер-Ларсен, без совета с которым командир не мог повести летательный аппарат на посадку, в своих воспоминаниях о месте посадки писал: «Амундсен расскажет, почему мы опустились в Теллере, а не в Номе». Может быть, здесь была какая-то связь между целью, из-за которой молчала радиостанция «Норвегии», и безлюдным местом посадки?

Амундсен пишет, что дальше было опасно лететь: запасной материал для починки оболочки закончился, значительно ухудшалась погода, экипаж был вымотан. Так, рулевой высоты и мотористы в течение последних суток бессменно несли вахту. Нобиле только усилием воли заставлял себя держаться на ногах. Рисер-Ларсен по машинному телеграфу дал сигнал о запуске правого мотора, механики слышали звонок и видели движение сигнальной стрелки, но не могли заставить свой мозг реагировать на эту команду. Сам Рисер-Ларсен под конец полета стал галлюцинировать и полосы на прибрежном песке принял за отряд кавалерии.

Если бы Амундсен надавил на Нобиле и отдал бы приказ лететь в Ном, согласился бы командир дирижабля выполнить эту команду? Вероятно, да! Лететь было сравнительно

недалеко, к тому же по направлению на юг. Там бы не было худшей погоды, чем та, которая в тот момент была у Теллера. В конце концов, Нобиле был готов через Северный полюс лететь обратно на Шпицберген: «Дозаправившись (на мысе Барроу была база Дж. Уилкинса, который на трехмоторном «фоккере» готовился к исследовательским полетам в северных областях. Уилкинс наблюдал дирижабль, когда тот прибыл на Аляску. – *М.П.*), мы могли бы лететь в Кингсбей. Жаль, что мы этого не сделали! Тогда мы вернулись бы в Рим на своем дирижабле». Следовательно, Амундсену была выгодна посадка в безлюдном месте. В этом случае он становился монополистом информации об экспедиции. А эта информация, повторяем, тогда стоила больших денег. И уехал он из Теллера самым первым, не попрощавшись с Нобиле, когда дирижабль еще не был разобран: формально – когда экспедиция еще не закончилась.

Когда дирижабль прилетел в Сализи, Советский Союз очень радушно принял его командира – Умберто Нобиле. Он был гостем советского правительства, жил в бывшем императорском дворце. Его спутники были размещены, конечно, попроще, но и они были довольны приемом в красной России. В Англии же экипаж «Норвегии» приняли довольно грубо и бесцеремонно.

Могло ли советское правительство ожидать подвоха со стороны экипажа дирижабля? Здесь мы имеем в виду политическую сторону. В те годы Норвегия была мощным конкурентом СССР в овладении северными морскими путями, а фашистское правительство Италии и не скрывало своей вражды к Советской России. Последующие годы дали прецедент, который подтвердил бы опасения советского правительства, если таковые были.

В 1931 году Советский Союз зафрахтовал дирижабль «Граф Цеппелин» для аэрофотографических измерений своих полярных земель, а также для аэрологических и метеорологических наблюдений. В то время между СССР и Германией были очень хорошие отношения. Достаточно вспомнить, что в Советском Союзе, в обход Версальского договора, готовились летчики и танкисты для немецкой армии. Результаты научно-исследовательских работ, проведенные с помощью дирижабля «Граф Цеппелин», превзошли все ожидания. Было открыто много северных островов. Руководитель научной части экспедиции Р.Л. Самойлович писал: «За 106 часов арктического полета дирижабль проделал такую работу, которую при нормальных экспедициях на ледоколах можно выполнить лишь в 2–3 года упорной настойчивой работы».

Радость от объемов проделанной работы не омрачила даже маленькая неприятность: немцы заявили, что все пленки аэрофотосъемок советских северных земель оказались испорченными. Только после окончания Второй мировой стало известно: пленки были качественными, а аэрофотоснимки – отличными. Операторы германского генерального штаба использовали их при планировании военных операций на Крайнем Севере. И.Д. Папанин писал: «Это было за два года до прихода Гитлера к власти. Видимо, уже тогда немецкие военные активно собирали разведывательные данные».

Может быть, итальянцы в отличие от немцев были другими? В те же годы, когда дирижабль «Граф Цеппелин» летал на Крайний Север, в Советский Союз прибыла большая группа итальянцев – специалистов по дирижаблестроению. Возглавлял ее Умберто Нобиле. Надо отдать ему должное – он честно работал, практически создал советскую отрасль дирижаблестроения. В меру своих возможностей ему помогали и другие итальянцы. Однако некоторые из них были обвинены в шпионаже и высланы из СССР.

Следовательно, опасения советского правительства могли иметь под собой почву. Может быть, именно поэтому, когда дирижабль находился в Сализи, советские ученые и пилоты вели с Нобиле разговоры, что «оболочка “Норвегии” покроется толстым слоем льда или снега и экипаж вынужден будет опуститься на лед». В это же время незнакомые Умберто

Нобиле люди писали ему письма: «…От хорошей жизни не полетишь. Когда идет речь о полете на Северный полюс, то не имеет смысла это делать, даже если жизнь плоха…»

Если предположить, что экспедиция Амундсена – Элсуорта – Нобиле имела тайную цель, то становится явной еще одна загадка.

В состав экспедиции входил радиотелеграфист Геннадий Олонкин. «Это был русский юноша, высокий и очень худой, белокурый, с небесно-голубыми глазами. Он никогда не улыбался, что делало его на вид довольно суровым, но душа у него была прекрасная. Во время долгого пути из Рима в Кингсбей он отлично справлялся со своими обязанностями, принимая и отправляя десятки радиограмм. Под конец мы стали добрыми друзьями. Лучшего радиста для этого полета найти бы не удалось», – вспоминал Умберто Нобиле.

Однако неожиданно для командира дирижабля на Шпицбергене Р. Амундсен вычеркнул Олонкина из состава экспедиции. На вопрос Нобиле Готтвальдт ответил, что у радиста обнаружен дефект слуха. «…Я оцепенел от изумления, – продолжает свои записки Нобиле, – до сих пор Олонкин хорошо слышал!» Амундсен также уделил внимание в своих воспоминаниях русскому юноше: «С тяжелым сердцем нам пришлось расстаться с тем, кто был раньше приглашен на эту работу – с машинистом и радиотелеграфистом экспедиции “Мод” Геннадием Олонкиным. Но к этому привела необходимость – болезнь уха».

Нобиле не поверил в болезнь уха Олонкина. Тогда норвежцы в момент отсутствия Нобиле привели к Олонкину врача, их земляка, который лечил на Шпицбергене шахтеров. Тот, естественно, подтвердил болезнь. Его диагноз был доведен до Нобиле. «Думаю, что истинной причиной исключения Олонкина из экспедиции было желание Амундсена иметь на борту еще одного норвежца», – считал Нобиле.

Дирижабль «Норвегия» поднялся, повернулся носом на полюс и поплыл на север все дальше и дальше. Возле эллинга с вещами стоял Олонкин и, не скрывая слез, плакал. Так вспоминал один из мотористов дирижабля. Геннадий Олонкин оказался лишним в экспедиции. Но в качестве кого – человека, вместо которого на полюс должен был полететь племянник Амундсена (приятный молодой человек, который, однако, до старта дирижабля не успел сесть на воздушный корабль) или лишнего свидетеля?

Трансарктический перелет через Северный полюс был одним из величайших событий XX века. Воздухоплавательный фактор определил успех всей экспедиции. Этой экспедицией Руал Амундсен хотел завершить свою карьеру полярного исследователя. Однако, когда Умберто Нобиле и его экипаж попали в беду, великий норвежец, презрев все условности и не помня ссоры, немедленно вылетел на помощь экспедиции «Италии». Из этого полета он не вернулся. Сегодня в живых нет и других участников перелета Шпицберген – Аляска через Северный полюс. Их нет, а загадки экспедиции на дирижабле «Норвегия» остались…

Так кто же «держал стремя» «Тихого Дона»?[17]

Давно, еще в самом начале творческого пути Михаила Шолохова, после выхода в свет первых книг романа «Тихий Дон», в столичной писательской среде возникли подозрения: как мог такой молодой человек (а Шолохов начал писать роман, когда ему шел 22-й год) создать такое яркое, необычайно талантливое произведение? Поползли слухи: списал у кого-то другого. Говорили, что какая-то старушка ходит по редакциям и утверждает, что «Тихий Дон» написал ее сын, белый офицер. Потом говорили о каком-то казачьем офицере, расстрелянном ЧК, который оставил после себя сундучок с бумагами. Сундучок этот, разумеется, пропал, что за бумаги в нем были – неизвестно. Но слух опять приписал этот сундучок Шолохову – он его забрал у чекистов, а в нем будто бы и хранилась рукопись романа. Наконец, стали называть имя критика Голоушева – это он, мол, автор «Тихого Дона»… В письме Серафимовичу от 01.04.30 года Шолохов жаловался: «…вновь ходят слухи, что я украл “Тихий Дон” у критика Голоушева».

[17] Материал А. Беляева.

Писатель Михаил Шолохов

Молодой автор «Тихого Дона» отбивался от наветов как мог. В Москве была создана специальная комиссия для проверки слухов о плагиате в составе: А. Серафимович, А. Фадеев, Вл. Ставский, Л. Авербах, Вл. Киршон. Председателем комиссии была назначена М.И. Ульянова. Шолохов привез рукописи двух первых книг романа, черновики, варианты, переделки. Комиссия, изучив все материалы, пришла к единому выводу: роман написан Михаилом Шолоховым, слухи о плагиате – «злостная клевета». Текст этого заявления был опубликован в «Правде» 29 марта 1929 года.

Недруги приутихли. Однако писательская судьба Шолохова никак не полегчала. «Я серьезно боюсь за свою литературную участь, – писал он в письме Е.Г. Левицкой. – Если за время опубликования “Тихого Дона” против меня сумели создать три крупных дела («старушка», «кулацкий защитник», Голоушев) и все время вокруг моего имени плелись грязные и гнусные слухи, то у меня возникает законное опасение: а что же дальше? Видно, большое лихо сделал я тем, кто старается меня опоганить».

В 1974 году произошел новый всплеск разговоров о плагиате. В Париже А.И. Солженицын издал со своим предисловием книгу «Стремя “Тихого Дона”, автор которой был законспирирован под литерой Д*. Позже стало известно, что под ней скрывалась И. Медведева-Томашевская, специалист по русской литературе XVIII–XIX веков. В своем предисловии А. Солженицын поддержал гипотезу И. Медведевой о том, что автором «Тихого Дона» является не Шолохов, а казачий писатель Федор Крюков. Эта новость дошла и до читающей и слушающей публики в СССР.

Когда Константин Симонов узнал о «Стремени “Тихого Дона”», он пошел в Ленинку и провел там в спецхране немало дней, читая произведения Ф. Крюкова. Потом обратился к секретарю ЦК КПСС П. Демичеву и убежденно заявил: «Федор Крюков не мог быть автором “Тихого Дона”. Не тот язык, не тот стиль, не тот масштаб. Чтобы пресечь измышления и домыслы на этот счет, хорошо бы издать у нас сочинения Ф. Крюкова. У всех, кто прочитает Ф. Крюкова, отпадут всяческие сомнения в том, что “Тихий Дон” написать мог только Шолохов, никак не Крюков».

Демичев по телефону посоветовался с М. Сусловым. Вопрос об издании сочинений Ф. Крюкова Суслов отвел сразу. Порешил на том, что поскольку «Стремя» было издано на Западе, то лучше всего К.М. Симонову было бы дать интервью западному журналу или газете, в котором выразить все, что он думает о версии «Стремени».

Интервью К.М. Симонова было опубликовано в западногерманском журнале «Шпигель» (№ 49, 1974). Об этой публикации советские граждане узнали из передач «Немецкой волны» и «Голоса Америки». Вскоре в Москву приехал Шолохов. Он прослышал о публикации К. Симонова в «Шпигеле» и захотел с ней ознакомиться. Прочитав текст интервью, Шолохов сказал: «Почему бы и у нас текст Симонова не напечатать в “Литературке”»? Увы, исполнить пожелание Шолохова не позволили. Суслов высказался решительно против. Он считал, что незачем популяризировать сплетни и клевету, а советские люди не нуждаются в доказательстве авторства Шолохова, они в этом не сомневаются.

Герман Ермолаев, американский специалист по русской и советской литературе, автор книги «Советские литературные теории, 1917–1934. Генезис социалистического реализма», в рецензии на «Стремя “Тихого Дона”» написал: «…создается впечатление, что Д* не очень хорошо знаком с текстом “Тихого Дона” и с историческими событиями, изображенными в романе. Его методы исследования основаны не столько на тщательном изучении текста и соответствующих фактов, сколько на беспочвенных догадках и вольных толкованиях, подчас исходящих из ложных предпосылок. Ему не удалось подтвердить свой тезис о сосуществовании в “Тихом Доне” авторского и соавторского текстов».

В 1984 году в Осло вышла в свет работа группы шведских и норвежских ученых под названием «Кто написал “Тихий Дон”?», в которой изложили итоги своей девятилетней работы по проверке гипотезы Д*. Они провели лингвистический анализ произведений Крюкова и Шолохова с помощью компьютеров. Сопоставление текстов по многим параметрам обнаружило «…единую тенденцию, а именно: что Крюков совершенно отличен от Шолохова по своему творчеству и что Шолохов пишет поразительно похоже на автора “Тихого Дона”. Поддержать гипотезу об авторстве Крюкова не представляется возможным. Гипотеза, отстаиваемая Д*, не выдерживает пристального анализа». Весомый и серьезный научный итог, казалось бы, должен был положить конец затянувшимся «поискам» автора «Тихого Дона». Увы, такого не случилось. Сторонники гипотезы о плагиате попросту игнорировали работу норвежских и шведских ученых.

В 1995 году в Москве были изданы две примечательные книги: книга Валентина Осипова «Тайная жизнь Михаила Шолохова. Документальная хроника без легенд» и книга Льва Колодного «Кто написал “Тихий Дон”. Хроника одного поиска». Книга В. Осипова построена на ранее закрытых материалах из архивов КГБ, ЦК КПСС, Политбюро ЦК КПСС, многих других неизвестных документах, связанных с жизнью и творчеством М. Шолохова. В книге В. Осипова документально показано, почему М. Шолохов после третьей книги «Тихого Дона» и «Поднятой целины» (1932 год) замолчал на долгих семь лет. Вместо романов он писал в 1930-е годы страшные своей правдой письма Сталину о произволе властей на Дону по отношению к крестьянству, об ограблении крестьян, о насильственных изъятиях всего урожая у них, о наступившем вследствие этого страшном голоде на Дону. В этих письмах писателя – крик ужаса: что же вы делаете с народом? Разве можно так? В этих письмах – прямая критика режима без оглядки на свою судьбу.

Полемизируя со «Стременем “Тихого Дона”», В. Осипов последовательно и убедительно развенчивает систему доказательств автора «Стремени». В. Осипов сожалеет о том, что серьезная работа норвежских и шведских ученых по установлению авторства «Тихого Дона» с помощью компьютерной технологии как бы «не замечается» литературной и научной общественностью.

Книга Льва Колодного «Кто написал “Тихий Дон”. Хроника одного поиска» рассказывает о поиске автором рукописей «Тихого Дона». Известно, что в 1942 году архив и рукописи Шолохова, которые он передал райотделу НКВД для отправки в тыл, попали под бомбежку в станице Вешенской и пропали. Несколько десятков страниц рукописей «Тихого Дона» были подобраны на улицах станицы и позже, по желанию Шолохова, переданы на вечное хранение в Институт русской литературы. Но среди них не было ни одной страницы, относящейся к первым двум книгам «Тихого Дона». Известно также, что в 1929 году Шолохов возил черновики и рукописи первых двух книг своего романа в Москву на комиссию.

Л. Колодный кропотливо изучил все московские адреса, по которым проживал Шолохов, начиная с учебы в гимназии, установил круг друзей писателя и подробно о них рассказал. Особый интерес представляет глава «История одной дружбы (Евгения Левицкая)». Именно ей посвятил Шолохов свой знаменитый рассказ «Судьба человека». Она поддержала и помогла продвинуть в печать первую книгу «Тихого Дона», она всегда поддерживала и защищала Шолохова. Шолохов относился к ней с сыновней любовью. Левицкая сохранила около сорока писем к ней Шолохова, которые впервые были опубликованы в книге Л. Колодного.

Когда возникли слухи о плагиате, Е. Левицкая установила, что пошли эти слухи от старого пролетарского писателя Ф. Березовского. Именно он высказал сомнение в авторстве Шолохова. Главный аргумент у него был: «Я вот старый писатель, но такой книги, как “Тихий Дон”, не смог бы написать». Далее Е. Левицкая пишет: «Многие завидовали выпавшей в столь раннем возрасте на долю автора “Тихого Дона” славе».

Возникшую через много лет в книге «Стремя “Тихого Дона”» гипотезу о том, что автором романа был Федор Крюков, Л. Колодный опроверг фактами. В ответ на аргумент, который, по мнению А.И. Солженицына, убедительно свидетельствует против авторства Михаила Шолохова («А тут еще не хранятся ни в одном архиве, никому никогда не предъявлены черновики и рукописи романа»), Л. Колодный публикует в своей книге рукописи первых двух книг «Тихого Дона»! Они сохранились. И на каждой странице – дата написания. Такая уж была привычка у Шолохова.

«Почему не шолоховеды, ученые, а журналист вышел на след рукописи?» – спрашивает Л. Колодный. И отвечает: «Потому что никто из шолоховедов не занимался поисками». Не уверен, что это именно так. Еще в 1974 году покойный шолоховед Л. Якименко рассказывал мне, что рукописи эти в Москве, что он их держал в руках. Но у кого и где – не сказал. Возможно, что тут сокрыта какая-то тайна писателя, которую предстоит еще разгадать. Важно одно: мы знаем теперь – рукописи Шолохова есть, они целы.

«Михаил Шолохов, – написал в своей книге В. Осипов, – унес с собой в могилу страшную обиду: он был оставлен наедине с обвинениями в плагиате». Думается, что исследования и книги о творчестве Шолохова, появившиеся в последние годы, помогут развеять туман вокруг вопроса об авторстве «Тихого Дона».

Анастасия[18]

…Юное грациозное создание с правильными чертами лица. Темные локоны спадают на плечи, черные, немного печальные глаза: такой запечатлена великая княжна Анастасия Николаевна на тех редких фотографиях, которые дошли до нас. Анастасии было 16, когда во время революции царская фамилия была сослана в Сибирь…

Прошло чуть больше года со времени уничтожения царской семьи. Советское правительство публиковало лишь отрывочные и прихотливо измененные сведения об убийстве. Эта нехватка информации и породила легенды и истории столь же соблазнительные, сколь и невероятные. Не нами подмечено: ложные идеи распространяются быстрее истинных.

…В феврале в Берлине холодно. Полицейский, дежуривший 17 февраля 1920 года возле канала Ландвер, зябко поеживался, безуспешно пытаясь согреться, когда со стороны Бендлерского моста до него донесся крик и следом – характерный звук падающего в воду тела. Полицейский бросился туда, где в черной воде отчаянно барахталась женщина. Прошло несколько мгновений, пока ему наконец удалось схватить ее и вытащить на берег…

Ее, казалось, мало заботила собственная участь. Определенно славянский тип лица, миловидна, одета бедно – это из того, что бросается в глаза. В полицейском рапорте будут педантично указаны «черные чулки, черные высокие ботинки, черная юбка, грубое платье без инициалов, блуза и большой платок». В участке, куда ее доставили, от нее не добились ни слова. Она смотрела прямо перед собой и не отвечала ни на один из вопросов. Ее обыскали в надежде найти хоть какие-то бумаги или документы, но безрезультатно. Ее странное поведение можно было объяснить только сумасшествием. Женщину отвезли в берлинскую Елизаветинскую больницу.

27 марта ее осматривали врачи. В медицинском заключении было сказано, что больная «склонна к сильным приступам меланхолии», и указывалось на необходимость помещения ее в психиатрическую клинику в Дальдорфе…

Первые слова, которые она произнесла, были совершенно бессвязны. Когда же ее спросили, не желает ли она, чтобы о ее местонахождении сообщили ее жениху, она вдруг ответила по-немецки: «Nichts, trotz alledem» («Ничего, не смотря ни на что»).

Когда эта женщина поступила в клинику, она весила 54 кг. Неизвестная прожила в Дальдорфе полтора года. Поведение ее не беспокоило врачей. Она могла часами сидеть, не проронив ни слова, чаще же просто «лежала на кровати, уткнувшись лицом в покрывало». Иногда «она вдруг оживлялась, особенно по вечерам, и разговаривала с больными и с сестрами». Весьма странным было поведение больной, когда ее несколько раз пытались сфотографировать: «Она выказывала сильнейшее нежелание фотографироваться и волновалась до того, что приходилось чуть ли не насильно усаживать ее перед камерой». Она много читала, «в основном газеты, реже – книги» из библиотеки клиники, конечно, по-немецки. «Сестры говорили, что она производит впечатление хорошо образованной женщины».

Однажды сиделка принесла в палату номер «Берлинской иллюстрированной газеты» за 23 октября 1921 года. На первой полосе – фотография трех дочерей Николая II и броский заголовок: «Одна из царских дочерей жива?».

Неизвестная делила комнату с Марией Колар Пойтерт, женщиной лет сорока пяти, бывшей прачкой, оказавшейся в дурдоме «из-за происков недоброжелателей». О себе она говорила, что раньше жила в России и, будучи портнихой, поставляла платья дамам императорского двора. Она была поражена сходством между царскими дочерьми на фотографии из

[18] Материал А. Деко. Перевод с французского А. Ендовина.

«Берлинской иллюстрированной газеты» и своей загадочной соседкой. Неизвестная в ответ приложила палец к губам и шепнула с таинственным видом: «Молчи».

Великие княжны: Мария, Татьяна, Анастасия и Ольга. 1914 г.

Госпожа Пойтерт покинула клинику 20 января 1922 года, занятая размышлениями о незнакомке. Она была совершенно убеждена, что речь идет об одной из царских дочерей, хотя больная почти ничего ей не открыла. Исполнившись этой уверенности, она начала действовать, и, не появись на сцене госпожа Пойтерт, не исключено, что и не было бы никакого «дела Анастасии»!

5 марта 1922 года госпожа Пойтерт встречает во дворе берлинской православной церкви бывшего капитана кирасирского полка господина Швабе и рассказывает ему о «больной из Дальдорфа», заметив, что «и впрямь считает ее одной из дочерей императора». Она упрашивает господина Швабе отправиться в больницу, и капитан соглашается выполнить ее просьбу.

8 марта 1922 года господин Швабе вместе со своим другом, инженером Айнике, отправился навестить неизвестную. Он задал ей несколько вопросов по-русски, но она ответила, что не знает этого языка. Тогда капитан протянул ей фотографию вдовствующей императрицы. Реакция молодой женщины изложена в двух вариантах легенды. Господин Швабе утверждает, что больная «ответила, что эта дама ей не знакома». Сама же его собеседница вспомнит много позже: «Кто-то из русских эмигрантов принес мне портрет бабушки. Это было первый раз, когда я позабыла всякую осторожность, увидев фотографию, я вскричала: “Это моя бабушка!”»

Как бы там ни было, господин Швабе покинул больницу в чрезвычайном волнении. Выйдя из клиники, он тотчас же направился к председателю верховного совета русских монархистов в Берлине и употребил все свое красноречие, чтобы убедить его послать к больной «кого-нибудь из людей, близко знавших раньше детей императора».

Встреча, которой так добивался господин Швабе, состоялась два дня спустя. Вот что он сам вспоминает об этом: «Дня через два я снова отправился в больницу, на сей раз в компании капитана кавалерийского полка С. Андреевского, госпожи Зинаиды Толстой, ее дочери и хирурга Винеке. Больная не пожелала спуститься вниз, и, поднявшись в сопровождении сиделки в палату, мы увидели, что она лежит, закрыв лицо покрывалом. Госпожа Толстая и ее дочь очень мягко разговаривали с ней, со слезами на глазах показывая незнакомке маленькие иконки, фотографии и шепча ей на ухо какие-то имена. Больная ничего не отвечала; она была до крайности взволнована и часто плакала. Андреевский называл ее “ваша светлость”, это, кажется, подействовало на нее более всего. Винеке не стал осматривать больную, но добился у больничного начальства дозволения оставить ее здесь. По мнению госпожи Толстой и ее дочери, это была великая княжна Татьяна Николаевна».

Великая княжна Татьяна! Итак, появились новые свидетели – госпожа Толстая была близка в последние годы к императорской фамилии, – утверждавшие, как прежде госпожа Пойтерт, что бросается в глаза «определенное сходство» между незнакомкой и царскими дочерьми. Они, правда, имели в виду Татьяну…

В течение ближайших дней поразительная новость облетела круги русских эмигрантов, осевших в Берлине. Среди тех, кто оказался особенно потрясен ею, была баронесса Иза Буксгевден. Если кто и мог узнать в незнакомке одну из великих княжон, то только она, знавшая их лучше, чем кто бы то ни было, и расставшаяся с ними только в Екатеринбурге, всего за полтора месяца до трагедии. Баронесса тотчас же согласилась приехать. Вот как она вспоминает свой визит:

«12 марта 1922 года мы вместе с госпожой Толстой, моим отцом, бароном Шарлем фон Буксгевденом, лейтенантом Андреевским и господином Швабе отправились в клинику. Встретившая нас сиделка сразу провела нас в общую женскую палату, где находилась больная. Услышав, как мы вошли, она укрылась одеялом, не желая, чтобы мы ее разглядывали, и больше уже невозможно было уговорить ее открыть лицо. Госпожа Толстая объяснила мне, что незнакомка делает так всегда, когда кто-нибудь приходит к ней, но медсестра добавила, что она разговаривает иногда с госпожой Пойтерт, которая раньше тоже лежала в клинике, и что это единственный человек, которому она явно доверяет. Госпожа Пойтерт была здесь же. Они говорили по-немецки. Большую часть времени больная лежала, и, хотя врачи разрешали ей вставать, она все равно предпочитала оставаться в постели.

Я решила заговорить с ней и попросила моих спутников отойти от кровати. Гладя ее по голове, я обратилась к ней по-английски с тою же осторожностью, с какой стала бы беседовать с великой княжной, называя ее, впрочем, вполне нейтральным “darling” (дорогая). Она не отвечала ни слова, видимо, не поняв ничего из того, что я говорила ей: когда она на мгновение откинула одеяло, так, что я смогла рассмотреть ее лицо, глаза ее не выражали ничего, что показало бы мне, что меня узнали. Лоб и глаза ее напомнили мне великую княжну Татьяну Николаевну, но стоило увидеть все лицо, чтобы сходство перестало казаться столь разительным.

Я постаралась оживить ее воспоминания всеми возможными способами. Показала ей одну из иконок с датами правления Романовых, подаренных императором некоторым людям из свиты; потом перстень, принадлежавший некогда императрице (она часто носила его и подарила его мне в присутствии великой княжны Татьяны). Но эти вещи не вызвали в ее памяти ни малейшего отклика. Она без интереса рассматривала эти предметы и только прошептала на ухо госпоже Пойтерт несколько слов.

Хотя верхней частью лица госпожа Чайковская отчасти похожа на великую княжну Татьяну, я все-таки уверена, что это не она. Позже я узнала, что она выдает себя за Анастасию, но в ней нет абсолютно никакого внешнего сходства с великой княжной, никаких особенных черт, которые позволили бы всякому, близко знавшему Анастасию, убедиться в истинности ее слов.

Когда госпожа Пойтерт увидела, что незнакомка не отвечает и никак не обнаруживает, что узнает меня, она, видимо, желая «помочь» ей, зашептала что-то по-немецки и принялась показывать фотографии императорской семьи, тыча при этом пальцем в императрицу и спрашивая у больной: “Это мама, правда?” Наконец она вложила ей в руки Новый Завет на русском языке, переплетенный лентами цветов российского флага. Но все эти попытки потерпели крах: больная продолжала молчать и лишь старалась спрятать лицо, закрываясь одеялом и руками. Кстати, замечу, что великая княжна Анастасия едва ли знала с десяток немецких слов и выговаривала их с неимоверным русским акцентом».

Мнение баронессы Буксгевден произвело не слишком хорошее впечатление на первых приверженцев русского происхождения «незнакомки». Что же до нее самой, то она замечает, что «с этих пор стали часто бывать русские эмигранты; я даже не всегда знала, кто они такие».

Одной из самых частых посетительниц больной была баронесса фон Кляйст, супруга бывшего полицмейстера одного из округов. Сердце ее обливалось кровью при виде молодой женщины (которая была, быть может, дочерью ее государя!), влачащей безрадостное существование в клинике для душевнобольных. 22 марта 1922 года она добилась у начальства клиники разрешения забрать больную из Дальдорфа к себе домой. Сделать это было тем легче, что репутация и положение госпожи фон Кляйст были безупречны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.